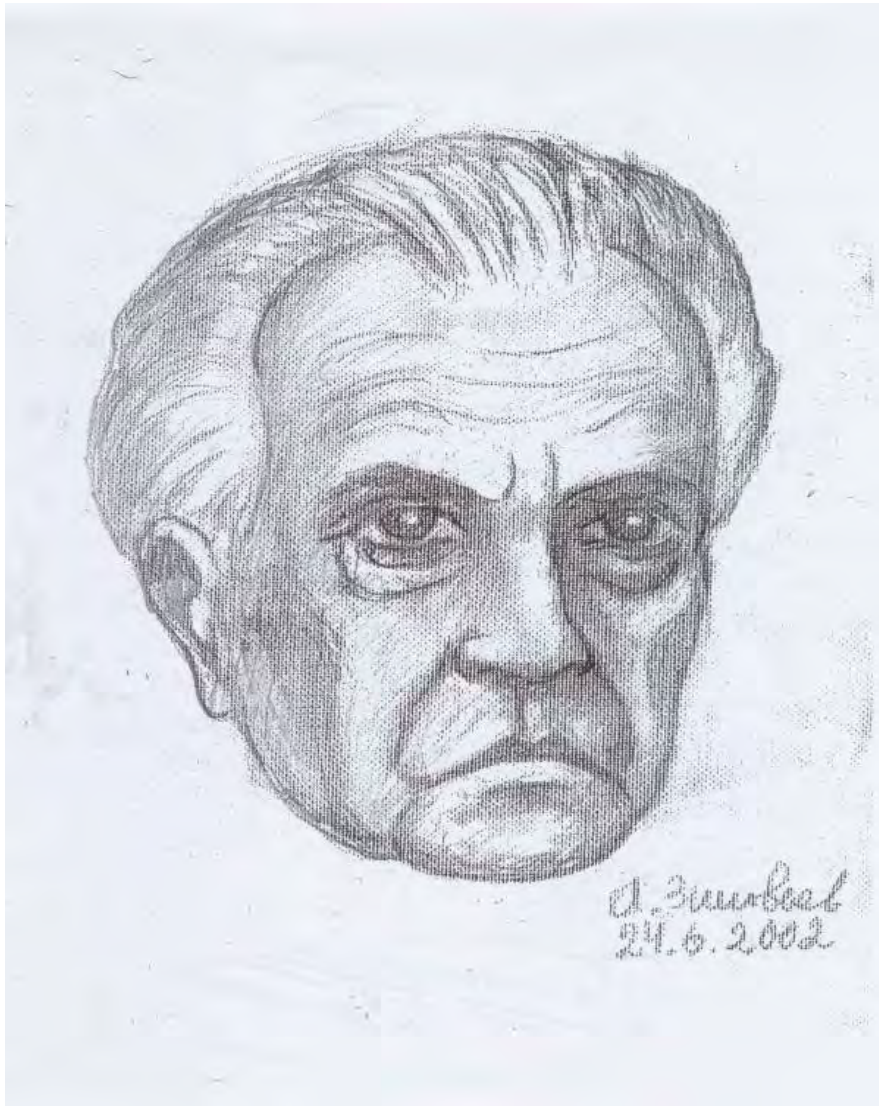

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы I Международной научной конференции
Москва, 15-16 мая 2007 года

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

15–16 мая 2007 года

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ИМЕНИ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Москва
Издательство Московского гуманитарного университета
2007

ББК 87.6
3 63

Публикуется при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (проект №07-03-14039г)

Подготовлено к печати Исследовательским центром
имени А. А. Зиновьева Московского гуманитарного университета
при поддержке Института гуманитарных исследований МосГУ.

Общая редакция материалов:
О. М. Зиновьева, Вал. А. Луков

Зиновьевские чтения : материалы I Международной научной кон-
3 63 ференции. Москва, 15–16 мая 2007 года.. — М. : Изд-во Моск. гуманит.
ун-та, 2007. — 208 с.
ISBN 978-5-98079-349-4

В сборнике публикуются стенографические записи выступлений и другие мате-
риалы «Зиновьевских чтений», прошедших в Московском гуманитарном университете
в мае 2007 г.

ББК 87.6

ISBN 978-5-98079-349-4

© Авторы статей, 2007
© Московский гуманитарный
университет, составление, 2007

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*15–16 мая 2007 года в Московском гуманитарном университете
состоялась Международная научная конференция «Зиновьевские чте-
ния», посвященная памяти выдающегося русского мыслителя нашего
времени Александра Александровича Зиновьева.*

*На открытии конференции с докладами выступили ректор МосГУ,
доктор философских наук, профессор И. М. Ильинский, директор Ин-
ститута философии РАН, академик РАН А. А. Гусейнов, Председатель
ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ, доктор фи-
лософских наук Г. А. Зюганов, заместитель председателя Госдумы ФС
РФ, доктор юридических наук, профессор С. Н. Бабурин, политический
деятель, публицист Ю. Ю. Болдырев, Президент Пятигорского госу-
дарственного лингвистического университета, академик РАО, доктор
экономических наук Ю. С. Давыдов, заведующий отделом Азии и Африки
ИНИОН РАН, директор Института русских исследований МосГУ, кан-
дидат исторических наук А. И. Фурсов, профессор, заведующий кафедрой
славистики Университета Глазго (Шотландия) Майкл Кирквуд
и другие известные ученые и общественные деятели. Состоялось тор-
жественное вручение дипломов студентам-выпускникам Школы мето-
дологии социальных исследований имени А. А. Зиновьева. На площади
Надежды МосГУ прошла церемония открытия мемориальной доски
в честь А. А. Зиновьева.*

*Конференция освещалась в средствах массовой информации как
в России, так и за рубежом.*

В адрес Оргкомитета «Зиновьевских чтений» поступили многочисленные письма, правительственные телеграммы с поздравлениями и под-держкой инициативы, необходимой как осознание и освоение огромного творческого наследия, оставленного мировой науке и культуре великим русским гражданином и мыслителем.

В сборнике материалов «Зиновьевских чтений» публикуются стено-графические записи выступлений участников заседаний, а также мате-риалы, присланные в Оргкомитет конференции.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

И. М. ИЛЬИНСКИЙ,

*Ректор Московского гуманитарного университета,
доктор философских наук, профессор*

Дорогие друзья!

Минул год, как из жизни ушел Александр Александрович Зиновьев — выдающийся русский мыслитель и гражданин. Каждый из присутствующих в этом зале знал его по-своему и по-своему любил.

Прощаясь с Александром Александровичем, мы обещали помнить его и подтверждать нашу память, прежде всего делами.

В нашем университете открыт Исследовательский центр им. А. А. Зиновьева, которым руководит Ольга Мироновна Зиновьева. Сегодня мы откроем Памятную доску Александру Александровичу.

Сегодня же проводим первые зиновьевские чтения.

Хочется думать, что зиновьевские чтения — это наше общее дело на долгие годы. Оно станет таковым, если начиная это значительное дело и рассчитывая на успех, сумеем, как говорится, хорошо прицелиться. В нашем случае это значит ответить на ряд вопросов, связанных с зи-

новьевскими чтениями. В частности, дать ответ на вопрос о том, какими должны быть их содержание и характер?

В самом деле, если дело только в том, чтобы просто выразить свое отношение к дорогому для нас человеку, то мы сделали это уже не од-нажды: на похоронах, на поминках, на открытии надгробного памятника на Новодевичьем кладбище 10 мая с. г. Еще при жизни А. А. Зиновьева опубликован фундаментальный труд «Феномен Зиновьева», только что вышла из печати пятая книга «Русский интеллектуальный клуб», в кото-рой содержатся материалы заседания этого клуба, посвященного памяти Александра Александровича. В апреле 2007 года журнал «Вопросы фи-лософии» опубликовал материалы «круглого стола», посвященного на-шему другу.

О том, кто и за что любил и ценил Зиновьева, сказано практически все. Если и далее все будет происходить в таком духе, то, мне кажется, мы очень скоро выдохнемся.

Между тем, зиновьевские чтения — дело гораздо более значительное, чем просто выражение дружеских чувств.

На мой взгляд, мы должны подойти к зиновьевским чтениям, прежде всего, как к **научному проекту**.

Зиновьев — выдающийся мыслитель и гражданин, оставивший после себя огромное творческое наследие. Он был ученым: логиком, социоло-гом, философом с научно-ориентированной линией в развитии филосо-фии. Научность во всем была его жизненной позицией. Говорят, что во второй половине 50-х годов два философа — Зиновьев и Ильенков со-вершили интеллектуальный переворот. Зиновьев сформулировал собст-венное понимание логики. Зиновьев создал свою собственную социоло-гическую концепцию и утверждал, что современный мир не может быть объяснен и понят в существующих категориях, понятиях и терминах, что это можно сделать лишь в том случае, если использовать его, зиновьев-ский понятийный аппарат.

Однако скажем прямо — творческое наследие Зиновьева плохо из-вестно российскому обществу. Говорят, что новое понимание логики и ее задач, в конце концов, не приняли даже некоторые его ученики. Из-вестно также, что зиновьевская социологическая концепция пока не вос-требована ни профессионалами-социологами, ни педагогическим сооб-ществом.

В принципе все это не так уж удивительно и необычно. Такое бывало в истории не раз. Во все времена общество упрямо стремилось и стре-

мится уничтожить оригинальность, сделать однообразными характерные черты своей эпохи. Люди, в том числе и ученые, охотно подражают друг другу в тривиальности и глупости, но не в оригинальности, на которую не способно подавляющее большинство.

Гений бросает идею в стоячее болото интеллектуальной посредственности и его идея, встретив сначала, как правило, плохие оценки и немногих последователей, распространяется затем подобно волне на гладкой поверхности озера.

Зиновьевские чтения, если мы сумеем сделать их трибуну известной и престижной, будут побуждать исследователей, политиков и общественных деятелей обращаться к творчеству Зиновьева, изучать его наследие, овладевать его идеями. Так Зиновьев продолжит **жизнь в своем творчестве.**

На мой взгляд, вторым и не менее важным разделом зиновьевских чтений могли бы стать **глобальные проблемы человечества и России**, которым посвящены все труды А. А. Зиновьева. Говоря об этих проблемах, исследователи также будут неизбежно обращаться к трудам Зиновьева. Так продолжится **цитатная жизнь** Александра Александровича и она, несомненно, будет богатой и продолжительной.

В жизни Зиновьева бывали, видимо, такие времена, когда он не мог выразить себя сугубо логически, прозаически. Тогда он прибегал к высшему способу организации слова — к поэзии, садился за мольберт, брал в руки кисть, чтобы облечь свои мысли и чувства в образы. Зиновьев не был тоскливым рационалистом, он представлял собой натуру возвышенную, романтическую, поэтическую. Он был писатель, поэт, живописец.

Творчество Зиновьева не было лишь служением бесстрастной логике, сухой Истине, оно было живописно, оно было исполнено могучими эмоциями и страстью, высокими чувствами справедливости, совести, долга, чести и мужества.

Зиновьевские чтения призваны показать миру Зиновьева во всей полноте его богатой натуры, высветить человека, прошедшего земной путь в героических битвах один против всех во благо этих самых «всех». Зиновьев — фигура героическая, былинная. В оценках этого человека легче недооценить, чем переоценить.

Поэтому неизбежным элементом зиновьевских чтений, на мой взгляд, будет **мифотворчество**. И я не вижу в этом ни сказки, ни обмана, не нахожу ничего плохого, если наше повествование будет свободно от

фальши и вымысла. Без романтической, поэтической, живописной части образ Зиновьева будет обеднен. Миф же о Зиновьеве, подобно отсеченной голове Орфея, продолжит петь прекрасные гимны издали, вызывая восторг у новых и новых поколений.

А. А. ЗИНОВЬЕВ: «ЧЕЛОВЕК — НОРМАЛЬНЫЙ»

И. М. ИЛЬИНСКИЙ,

*Ректор Московского гуманитарного университета,
доктор философских наук, профессор*

Как и многих здесь присутствующих, меня давно занимает проблема улучшения человеческих качеств российского народа или, как часто говорил А. А. Зиновьев, «человеческого материала». Я занимался этой проблемой в 80-е и 90-е годы, когда был директором Научно-исследовательского центра при ВКШ, занимаюсь ею и ныне.

Зиновьев, с тех пор как я познакомился с ним в 1999 году, всегда интересовал меня (кроме всего прочего — любовь, уважение и т. п.) как объект моих наблюдений. Особенно с тех пор, как прочитал в «Исповеди отщепенца» его слова: «Как будто кто-то приказал мне: «Иди!» И я пошел... Пойду до конца жизни тем путем, на который уже встал, — **путем создания своего собственного внутреннего мира и собственного образа человека.** Это и будет, — сказал я себе, — мой протест против всей мерзости бытия, мой бунт против порочности Вселенной и мрачного Бога». И мне, и другим (я знаю) он не раз говорил, что это его антропологический эксперимент на самом себе.

Наблюдая Зиновьева и никогда не забывая, что передо мной выдающаяся личность, знаменитый ученый, я отмечал, что его интересует и волнует, как он рассуждает, общается с людьми, что пьет и ест, чему

радуется, на что и как сердится и т. п. И приходил к заключению, что в повседневной жизни Зиновьев выглядит «как все», что это **нормальный** человек, если брать норму **по ее нижней границе**, соответствующей широко распространенным представлениям о том, каким должен быть **типичный, массовый** российский человек в быту, чтобы не раздражать собой окружающих, не вступать в конфликт с нормами морали и права.

Но вот я видел Зиновьева на трибуне, читал его новые статьи и книги, слушал его сообщения и реплики на заседаниях Русского интеллектуального клуба — и тут он был совсем иной, ни на кого другого не похожий — оригинальный и уникальный человек. То, что говорил и писал Зиновьев, как правило, выходило за рамки «нормальных» представлений о «нормальном» ученом (философе, социологе, политологе). Его крайне резкие и часто мрачные выводы шокировали окружающих, казались ненормальными.

Однако тут все зависит от того, что принимать за норму. У понятия «норма» есть не только нижняя граница и «золотая середина», принимаемая за идеал, но и **верхняя граница**. И эта — верхняя норма не типична. Она существует не для всех. Точнее сказать, ее вовсе не существует. Задать себе немислимую для всех высоту планки выше общих, типичных представлений о том, каким должен быть идеал человека, даже если такой идеал, такая модель кем-то сформулированы, может только личность, в высшей мере, я бы сказал, болезненно озабоченная саморазвитием и ставящая себе особые и чрезвычайно высокие цели, немислимые для остальных. Ну надо же додуматься до такого: поставить эксперимент на самом себе, чтобы показать всему миру, каким должен и может быть человек, отвечающий нормам и правилам, которые он сам себе определил. А дальше жить всю долгую жизнь по этим правилам.

Но именно так и поступил Зиновьев.

Мы были знакомы с ним около семи лет, беседовали многие десятки раз. Иногда — подолгу, даже по несколько часов, но обычно это были короткие, двадцати-тридцати-сорокаминутные встречи: Зиновьев очень ценил время, всегда торопился. Да и я живу в постоянном цейтноте.

Я обратил внимание на то, что часто во время разговоров Зиновьев то куда-то «улетал», а то вовсе существовал, как минимум, в двух измерениях: он говорил со мной, говорил жарко, умно, увлеченно, а все же мне казалось, что в это время находится где-то еще, думает еще о чем-то, еще что-то переживает.

Было нетрудно заметить: Зиновьев непрерывно о чем-то думает, что-то переживает. А это шла постоянная внутренняя работа души по созданию того самого «собственного внутреннего мира», который он строил в себе до последних дней.

Сегодня мы говорим о **целостности**, как о главном качестве зиновьевской натуры, и печалимся тем, что нынешние люди, в массе своей, будучи плодом свехрационализма и гиперспециализации в образовании, — это люди фрагментарного, осколочного, усеченного сознания и душевной пустоты. Но как же так получается: ведь Зиновьев и все они, все мы — современники?!

Своим экспериментом Зиновьев показал, каких высот в интеллектуальном и духовном развитии может добиться человек, если он самоозадачивает себя в своем духовном развитии.

Сам на себе Зиновьев показал, что душа не является врожденным качеством человека, что она развивается — умалется или увеличивается в зависимости от тех норм и правил, которые устанавливает для себя человек и которым он следует, прикладывая для этого максимальные умственные и волевые усилия. Он показал, что все свойства души — из практики: воспитания, самовоспитания и деятельности.

Зиновьев был человеком **высокоразвитой души**. Его душа не сводилась лишь к одному свойству — мышлению. Она была наполнена эмоциями и страстями, которые определяли его могучий темперамент и мужество, его способность идти одному против всех и побеждать. Зиновьева нельзя определять только по уму. Его душа была широкой и высокой, именно она связывала воедино все его многочисленные способности.

Сегодня, когда воспитание в нашем обществе практически изъято из образования, а внешняя среда во всех ее проявлениях, особенно СМИ и Интернет, разлагают души молодых людей, подлинное духовное развитие, к сожалению, становится делом **исключительно** самого человека. В этом смысле результаты эксперимента Зиновьева по созданию «собственного внутреннего мира» приобретают огромное значение. Труды Зиновьева стоит изучить под этим углом зрения с целью использования их в педагогической практике.

Зиновьев часто говорил: «Я — думательная машина. Мне все равно, что думать». Как думал Зиновьев — мы знаем. Но почему он мог думать так, а другие не могут? Почему он и тут выше «оптимума», выше «золотой середины»? Ответить на эти вопросы крайне сложно. Можно полагать, будто гениальный человек обладает своей биохимией мозга, опре-

деляющей легкость ассоциаций при минимуме информации и многое другое. Возможно, это так и есть.

Но мне кажется, что особое устройство ума Зиновьева определяется тем, что ценой своих огромных волевых усилий по саморазвитию он существенно **преодолеет типичную для всех людей асимметрию** левого и правого полушарий мозга. Всем хорошо известно, что у 90% людей доминирует левое полушарие, которое «отвечает», кроме всего прочего, за счет, математику, логику, анализ, видение деталей действительности и т. п. Очевидно, что левое полушарие работало у Зиновьева прекрасно, что вполне соответствовало его профессии логика.

Но для решения тех многообразных **творческих** задач, которыми был занят Зиновьев, кроме счета и логики, были необходимы высокоразвитые интуиция и воображение, кроме способности анализировать — дар синтезировать, мыслить глобально и видеть не только детали, но и «общую картину» в целом.

Судя по трудам Зиновьева, и эти качества были развиты у него прекрасно.

Иначе говоря, и в умственном отношении Зиновьев был гармоничным, а не асимметричным человеком. И это тоже выдающийся результат зиновьевского эксперимента на самом себе с целью создания своего уникального внутреннего мира, своего собственного образца человека. На мой взгляд, и этот результат, насколько это теперь возможно после его смерти, должен быть осмыслен и использован в образовательной практике.

Я не имею возможности вникать в проблемы нейро и психофизиологии человеческого мозга. Скажу одно: мне известно, что асимметрия полушарий мозга — итог эволюции человека, что их несоразмерность имеет свои причины, что до известной степени асимметрия даже необходима.

Но те же специалисты утверждают, что человек не рождается с функциональной асимметрией полушарий. Если человек останется на всю жизнь неграмотным и будет занят рутинной работой, межполушарная асимметрия у него почти не разовьется. Если же человек включен в процесс **образования**, то специфика полушарий станет изменяться. Иначе говоря, большое значение имеют не только генетические, но и **социальные факторы**. Функции как левого, так и правого полушарий, предположенные в мозг человека природой и развившиеся в процессе эволюции, **могут быть развиты или — погашены**, в зависимости от

того, насколько они задействованы в реальной практике. **Нормой** считается осуществление любой из названных функций за счет работы **всего мозга** — и левого, и правого полушарий.

Проблема состоит в том, что современное образование идет по пути **все более узкой профессиональной специализации**, которая есть путь к частичности, односторонности, ограниченности мышления и сознания. Отсюда, в основном, — проблема понимания, которая особенно заботила Александра Александровича Зиновьева, как заботит и всех нас; отсюда (как следствие проблемы понимания) — масса глобальных проблем человечества, угрожающих его существованию.

В то время как потребность в способности человечества видеть не только детали, но и целое, не только локальное, но и глобальное отношение частей к целому, многомерность и сложность мира все **увеличиваются, гиперспециализация** ведет к драматическому росту фрагментации знания, а стало быть, и раздроблению человеческого сознания, противостоит его целостности, развитию тех свойств человеческого мозга, которые помогают «связывать» воедино сущности различных специальных знаний. А это и есть воображение, интуиция, целостное видение «общей картины», «живущие» в правом полушарии.

Когда я думаю о феномене Зиновьева во всей его полноте, он предстает передо мной как невероятная Сложность. Это не просто homo sapiens (человек разумный), а тем более — homo faber (человек-ремесленник), homo economics (человек хозяйственный), homo prosaicus (человек прозаический). Зиновьев — существо рациональное и эмоционально неистовствующее; работающее и играющее; экономическое и потребительское; эмпирическое и воображающее; прозаическое и поэтическое. Одним словом, существо внутренне противоречивое. Но таким и должен быть **полноценный, нормальный** человек.

Таким образом, Зиновьев в моем понимании — это образец для оценки существующих людей и создания человека нового типа: с высокоразвитым умом и высокоразвитой душой, озабоченного самим собой, судьбами своей семьи, отечества и всего мира. Зиновьев — это норма. Все остальное — ненормальность.

Другое дело, что я не могу представить себе мир, состоящий из одних Зиновьевых. Этого никогда и не случится, зато есть высота, к которой можно стремиться.

УЧЕНИЕ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

А. А. ГУСЕЙНОВ,

*директор Института философии РАН, академик РАН,
заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова*

Зиновьев как логик, социолог и писатель более или менее хорошо известен. Известен также Зиновьев-художник. Здесь, на конференции, представлена часть его графического наследия. Известен Зиновьев-поэт, хотя меньше, чем Зиновьев-художник. Я же хочу раскрыть еще одну грань Зиновьева, еще одну его ипостась, может быть совершенно неожиданную, а именно: рассказать о Зиновьеве как моралисте.

«Зиновьев-моралист или Учение о житии Зиновьева». Или так, как он сам называл, «Зиновьевка». Это и будет предметом моего сообщения.

Учение это представлено во многих его творениях, но, прежде всего, в повестях «Иди на Голгофу» и «Живи». Также это поэмы «Евангелие для Ивана» и «Мой дом — моя чужбина», а также автобиографическая повесть «Исповедь отщепенца». Логика Зиновьева систематизирована им самим в книге, которая называется «Очерки комплексной логики». Социология в какой-то степени систематизирована в книге «На пути к сверхобществу». «Учение о житии», конечно, нигде у него систематически не изложено. Но вопрос, поддается ли это учение систематизации. Оно в этом смысле принципиально бессистемно. Как говорит Зиновьев, его можно изучать, излагать, практиковать в любом порядке. Потому что цель этого учения — не вырвать человека из привычных обстоятельств жизни, не переместить его в какой-то идеальный мир, а объяснить, как он может достойно прожить в тех обстоятельствах, которые выпали на его долю. Это очень важный момент. Исходный пункт рассуждений Зиновьева в этой сфере — не какое-то теоретическое утверждение, аксиома, с которых всегда начинались все этические концепции, будь то Аристотеля, Канта и т. д., а реальный живой индивид, кто бы он ни был. Собственно говоря, герои повестей «Живи» и «Иди на Голгофу» — это индивиды, которые имеют собственные имена. Это редкость для Зиновьева. Вы знаете, что в его работах «Зияющие высоты» и «Желтый дом»

и во многих других герои не имеют имен собственных. Они имеют клички, обозначают некие функции. Это Мыслители. Претенденты. Балбес. Невеста. Шизофреник и т. д. Предстают как бы в тех ролях, которые они играют в коллективе. Здесь же нет. Здесь живые индивиды с именем, отчеством, индивидуальной биографией. И это, конечно, совсем не случайно.

Главный герой повести «Иди на Голгофу» считает себя Богом. И как бы играет в эту игру. В жизни Зиновьева, как он описывает в повести «Исповедь отщепенца», был такой эпизод, когда он семилетним мальчиком пошел в школу, а там был медицинский осмотр и нужно раздеваться. Он снял нательный крест и выбросил его. Когда дома мама об этом узнала, она ему сказала: «сейчас время безбожья. Не думай о том, есть Бог или нет. Но очень важно, чтобы ты прожил так, словно за твоими поступками и мыслями кто-то наблюдает». И вот это,— говорит Зиновьев,— стало для меня путеводной нитью на протяжении всей жизни. Точно так же рассуждает и главный герой повести «Иди на Голгофу». Цитирую: «Для меня нет проблемы, существует Бог или нет. Верить в Бога и верить в существование Бога — не одно и то же. Я принимаю принцип: живи так, будто некое высшее существо наблюдает каждый твой шаг и помысел». Есть онтология знания, где бытие предшествует знанию. А есть онтология веры, где вера предшествует бытию. И вопрос о том, существует или нет то, во что ты веришь, не имеет существенного значения. Существенно то, что ты создаешь некую реальность в соответствии со своей верой. И быть Богом,— логика героя, как я ее излагаю,— это есть предельный случай веры. Это именно тогда, когда человек живет и действует, как если бы он всегда находился под наблюдением Бога или как если бы он сам был Богом.

Хочу сказать, что исходные пункты учения Зиновьева о житии показывают, что его взгляды находятся в русле основной европейской этической традиции. Эта традиция всегда была озабочена одной основной проблемой — как возможны и в каких формах осуществляются индивидуально ответственные действия, индивидуально ответственный способ жизни человека. Вот чего искали философы и мыслители на протяжении многих столетий. И Зиновьев вписывается в эту традицию. Но при этом мы видим, что он дает свое, совершенно особое, понимание того, как эта индивидуально ответственная жизнь возможна. Герой есть Бог в силу бесконечного одиночества и абсолютной безнадежности. Страдания человека,— говорит он,— можно облегчить надеждой, верой в Бога. А кто

может облегчить страдания самого Бога? Вот ему уж не на что надеяться. Отсюда делается вывод: быть Богом — значит идти на Голгофу.

Логика Зиновьева такова: даже если Бога нет,— точка зрения, на которую толкает нас современная наука,— то это еще не основание, чтобы отказываться от самой идеи Бога. А как ее сохранить, если нет Бога? От идеи не хочется отказываться. Как ее сохранить? Очень просто. Надо самому решиться стать им. Здесь опять Зиновьев придерживается традиции. Мы знаем, что многие философы включали понятие Бога в свои системы. У Спинозы субстанция есть Бог. Мы знаем, что Фейербах низверг Бога с небес для того, чтобы создать свою религию любви. Мы знаем, что Лев Николаевич Толстой считал себя истинным христианином именно потому, что он отрицал божественность Иисуса Христа. Но эти мыслители все-таки подходили к Богу онтологически, хотя и отвергали богословские версии относительно этого предмета. У Зиновьева другое: он подходит к этому вопросу психологически и этически.

В психологическом смысле это означает высшую ступень личностного самоутверждения. Не в том смысле, что человек живет для себя, не в смысле какой-то эгоистической замкнутости, а в смысле полного принятия жизни в тех ее конкретных выражениях, которые выпали на долю человека. Живет для себя так, как если бы именно он был единственным носителем жизни. Вы знаете, есть известное, часто цитируемое сравнение Канта бесконечности звездного неба над нами с бесконечностью морального закона в нас. Но забывают еще один оттенок мысли Канта: о том, что бесконечность нравственного закона во мне намного выше, если это вообще возможно, когда мы говорим о бесконечностях, бесконечности звездного неба надо мной. Вот точно также рассуждает и герой Зиновьева. Вот его высказывание: «Плывать мне на Галактику, звезды и общество. Для меня моя жизнь важнее и интереснее, чем, например, эволюция некой звездной системы за тридевять земель».

Это есть формы самоутверждения еще и в том смысле, что сам индивид является основой жизни. То есть, он сам задает программу своей жизни. Основная функция Бога, по Зиновьеву, — это этическая, моральная функция. Быть Богом — не удача и менее всего награда. Это скорее страдания. Богом личность не кончается. С нее она начинается. Быть Богом — значит разработать свою собственную религию, собственную программу жизни. И здесь мы сталкиваемся с одним из самых трудных вопросов, но в то же время таких, которые позволяют понять специфику подхода Зиновьева. Именно специфику его учения о житии. Вопрос о

том, как соединяются социология и этика Зиновьева. Социология Зиновьева исходит из того, что социальная жизнь — это нечто совершенно объективное, существующее и развивающееся по своим законам, законам, которые вполне сопоставимы с законами природы. И с ними ничего нельзя сделать. Нельзя улучшить мир, не ухудшая его. Нельзя его ухудшить, не улучшая. Это его социология. Идеальное общество Зиновьев отвергает, считая, что оно невозможно. Не в том смысле невозможно, что не существует какого-то совершенствования социальной жизни, а в том смысле, что невозможно такое устройство общества, в котором не было каких-то недостатков и т. д. Возникает проблема. Как человеку быть ответственным за свою жизнь и жить по своей программе, когда он вынужден подчиняться законам социальности точно так же, как ему приходится подчиняться и действовать в рамках закона природы.

Зиновьев говорит, что у человека есть две возможности: либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы. И вот «Учение о житие» говорит о том, как уклониться. Говорит о путях и способах уклонения. В этом и состоит учение о житии. Уклониться не в том смысле, чтобы замкнуться в какой-то искусственной среде, уйти в частную жизнь и т. д., а уклониться, оставаясь в трясине жизни, но руководствуясь своими собственными ценностными представлениями. У него есть такое выражение: «как стать святым без отрыва от греховного производства». То есть идея такова, что само уклонение или, если хотите, способ уклонения, противостояния этим законам социальности и становится содержанием нравственной, достойной жизни.

Учение о житии,— говорит Зиновьев,— это, в общем-то, учение, которое он разрабатывал для себя и которое действительно, имеет смысл и разумно только применительно к России. Основного героя повести «Идти на Голгофу» зовут Иван Лаптев. А учение — лаптизм. Это зиновьевский стиль, зиновьевская сатира. Он хочет сказать, что это — сугубо русское. Он не был, конечно, ни почвенником, ни националистом в смысле какого-то эгоцентризма. Своеобразие России, своеобразие человеческого материала, который создал Россию и русскую историю, он связывал с определенным образом жизни,— с гипертрофией коллективных начал, с тем, что в опыте нашей страны коммунальные начала, коммунальные аспекты жития довлеют над деловым и формально-юридическим аспектом. По этой линии обнаруживает себя русское своеобразие. Это было и в дореволюционной России, и в постсо-

ветской. Но наиболее полно и адекватно эта особенность России раскрылась в советский период, что не является преимуществом или недостатком. Просто это особенность России.

Здесь очень важны акценты. Скажем, общинность, соборность, коллективность, — понятия, которые многих вдохновляют. А Зиновьев на эти вопросы смотрел несколько иначе. Он считал, что это не то, что надо культивировать, а то, от чего надо защищаться. Причем опять-таки хочу подчеркнуть, что речь здесь идет о его этическом учении. Речь идет о диспозиции, когда он вырабатывает взгляд, программу жизни отдельного человека, индивида как личности. Здесь речь не идет о какой-то социальной программе и т. д. И вот под этим углом зрения как раз и рассуждает Зиновьев. Превалирование коллективности есть разгул социальной стихии. Это своего рода саодарвинистская стихия, где человек постоянно является объектом лицемерия, обмана, зависти, подсиживания, жалости, заботы, интриг, демагогии и т. д. и т. п. И сам человек, поскольку является социальным субъектом, а значит, включен в эту социально-групповую жизнь, действует по тем же законам, и не может иначе. Зиновьевка — это есть как бы поиск путей защиты человеком себя от самого себя, от других людей, от социальных групп и организаций. И оно действительно не в обществе с атомизированной структурой, где оно лишено смысла. Оно действительно именно в обществе российского типа, где социальность навязывает себя индивидам в разных формах коллективности.

Еще одна особенность этого учения в качестве этического. Это кажется невероятным. Герой говорит, а это, конечно же, позиция самого Зиновьева: я не учу ни добру, ни злу. Я учу только тому, как жить в разрезе бытия, в котором теряют смысл понятия добра и зла. То есть этическое учение, которое не учит ни добру, ни злу. Как это возможно? А это возможно потому, — говорит Зиновьев, — что это учение не для других, а для себя. А то, что делает человек для себя, бессмысленно расценивать в категориях добра и зла. Понятие «совершенный человек» имеет как бы два разных смысла. В одном смысле совершенный человек — это идеальный человек, как бы совокупность всех положительных качеств. А в другом совершенный человек — это существо, в потенции обладающее всеми способностями и возможностями как положительными, так и отрицательными, плохими, т. е. такими, которые позволяют ему жить, адаптироваться в любых условиях. И вот именно во втором смысле только его Зиновьев и имеет в виду. Совершенный человек, конечно, реализуется в массе человечества.

Зиновьевка и есть рассуждение о том, как распорядиться абсолютностью совершенного существа, но в индивидуальном опыте.

Особенность зиновьевки в том, что она, определяя стратегию, некое направление жизни, оставляет совершенно открытым вопрос о тактике. То есть, о конкретных поступках и решениях, которые выпадают на долю человека, и в которых он совершенно автономен. Учение о житии — это сотни правил, применимых к разным сферам и обстоятельствам. Правила самые детальные, вплоть до того, как надо сидеть на стуле. Ключевыми являются правила, которые объединяются им под рубрикой «Я и другие», регламентирующие отношение к другим. Это и есть то, что составляет специфическую предметность морали.

Вот как эти правила звучат. «Держи людей на дистанции. Относись к ним с уважением. Не привлекай к себе внимания. Свою помощь не навязывай. Не насилуй других. Вيني во всем себя». Это не весь набор, а лишь выборка. Этот «малый кодекс» начинается с утверждения: «Сохраняй личное достоинство». И кончается: «Никогда не рассчитывай на то, что люди оценят твои поступки объективно. Ты есть единственный и высший судья своего поведения, ибо оно есть *твое* поведение». Назначение этих правил — блокировать опасности, которые исходят от других. Парадокс этики Зиновьева формулируется в следующем утверждении: «Своим уважительным отношением к другим людям мы от них защищаемся». В этом смысле то, что составляет нравы общества, не только соединяет нас друг с другом, но и задает необходимые безопасные дистанции, которые совершенно необходимы для того, чтобы вести жизнь в социальной форме. Это рассуждение как будто бы схоже с идеей Гоббса о естественном состоянии, которое есть состояние войны всех против всех. И которое «снимается», дисциплинируется через посредство государства, этого мощного Левиафана, который все обуздывает. Зиновьева мысль развивается по-другому, его логика более жесткая и суровая. Зиновьев принимает утверждение о естественном состоянии, но при этом считает, что государство не «снимает» его, но только видоизменяет. В каком-то смысле придает ему более жесткую, изощренную форму. И поэтому выход состоит только в том, — отсюда его знаменитое утверждение, — чтобы самому стать суверенным государством.

Можно по-разному относиться к этим утверждениям и к той теоретической схеме, которую задает Зиновьев, но надо признать, что здесь есть ответ на вопрос, который не разрешен ни в одной, насколько я могу судить, философско-этической концепции. А именно: вопрос о том, поче-

му индивид, озабоченный единственно тем, чтобы самому стать совершенным, индивид, который рассматривает себя в перспективе некой абсолютности, должен думать и заботиться о других? Почему?

Зиновьев дает ответ на этот вопрос. Станный, парадоксальный ответ. Есть некое (оно считается поддельным) письмо греческого философа Анаксимена, адресованное Пифагору. В нем Анаксимен говорит: «Как же Анаксимену думать о делах небесных, когда есть опасность, что он может стать рабом или подвергнуться нападению». И вот проблема: как защититься от того, чтобы не попасть в рабство, защититься от других людей. Это очень важная проблема. И Зиновьевское решение состоит в том, что именно в рамках нашего стремления к совершенству мы должны уважать других людей, потому что уважение — это есть наш способ защиты от них.

В заключение хочу сказать, что «Учение о житии» Зиновьева не содержит,— и он это прямо говорит,— претензии на последнюю этическую истину, которая была свойственна многим философам. Здесь заложена другая претензия, которой, как он считает, должен руководствоваться любой человек, поскольку он человек. А именно, претензия придать своей собственной жизни достоинство последней истины, или поднять свою жизнь до этого высокого уровня.

О ЗИНОВЬЕВЕ

Г. А. ЗЮГАНОВ,

*Председатель фракции КПРФ в Государственной Думе
ФС РФ, доктор философских наук*

Я хочу поблагодарить организаторов конференции за то, что здесь, в Московском гуманитарном университете мы собираемся не в первый раз и обсуждаем судьбу выдающихся людей России. Я лично искал

встречи с А. Зиновьевым по целому ряду обстоятельств. Первый раз после трагедии 1991 года, развала единой страны. И в 1993 году, когда многие мои друзья и приятели погибли при расстреле Парламента. Мне очень хотелось встретиться с человеком, который предсказал эту трагедию гораздо раньше. И если бы мы читали внимательно целый ряд его произведений, то нашли бы ответы, сумели бы уберечься от этой большой беды. Здесь сидит Большаков Владимир, наш талантливый журналист, который представлял много лет во Франции газету «Правда». Он помог мне встретиться с Зиновьевым после того, как я стал работать в Совете Европы. И мы вместе с ним провели первую беседу в одной из гостиниц в Париже, когда Александр Александрович приехал из Мюнхена. Беседа была интересной, очень продолжительной.

Потом такие беседы повторялись каждые 3–4 месяца, особенно после того, как он вернулся на Родину. Я его тогда уговаривал вернуться. Считал, что это крайне важно. И обещал всячески способствовать и помогать, что делаю и по сегодняшний день. Делаю с искренним удовольствием.

Мне очень важно было понять, что случилось со страной, каковы главные причины произошедшего, и что следует делать сегодня. А Зиновьев, как логик и математик, прекрасный социолог и политик, человек, который великолепно знал советскую систему, советский коммунизм и понимал сущность европейской системы управления — западнизм, казалось, подскажет целый ряд интересных рецептов и решений. И я не ошибся.

В то время, когда мы с ним встречались, была очень мощная кампания против нашей Победы, против нашего участия в Великой Отечественной войне, когда нас пытались отождествить и поставить на одну доску с гитлеровской Германией, которую мы победили, заплатив за это 27 млн. жизней. Я ему тогда задал вопрос, почему, на его взгляд, идет такая оголтелая атака на пакт Молотова — Риббентропа. Это был спусковой крючок для того, чтобы опорочить историю, опорочить Победу. И почему выбран именно этот документ. И вдруг услышал очень оригинальный ответ. Зиновьев сказал: «а мы одержали три важные победы еще до 1941 года. Победу над пространством, когда сумели освоить гигантский простор и рассредоточить свою экономику. Победу над временем, когда сумели отодвинуть западные границы на 300 км в результате этого Пакта. И победу за единство страны, несмотря на все перекосы, репрессии и многие другие трудности». И эти три победы были залогом

будущих побед. Сумели за 10 лет пробежать исторический отрезок и создать 9 тысяч промышленных предприятий. Мы еще в 1929 году не производили ни одной машины, ни одного самолета, ни одного танка. А 1941 год встретили с прекрасным танком Т-34. Снимите броню, это будет великолепный трактор. Великолепный штурмовик ИЛ-2. Мессершмитт так и не сумел сделать за 4 года войны подобную машину. Я уже не говорю о «Катюше БМ-13», которая во многих операциях решала исход сражения.

Но одновременно была высказана еще одна любопытная стратегическая идея. Зиновьев говорил, что сегодня у нас внимание приковано к Эстонии, к нашему многострадальному бронзовому солдату, праху наших предков. Вообразите, если бы фашисты начинали войну с Эстонской границы. До Ленинграда 140 км. Первый месяц фашисты продвигались со скоростью 34 км в сутки. Через 5 суток они были бы у стен Ленинграда. Тогда не помогла ни Ладога, ни другие операции. И ситуация могла бы развиваться решительно иначе.

Или представьте, что враг начинал бы войну с литовской границы. Напрямую до Москвы 600 км. На пути нет легендарной Брестской крепости, где на месяц задержали фашистов. Нет Минска, Ельни, нет Наро-Фоминска. Тогда бы к Москве пришли на 1,5–2 месяца раньше. И не помогли бы шесть крупнейших дивизий, которые сформировали в Сибири и на Дальнем Востоке, перебросили и спасли тем самым Московский театр военных действий. Вот после такой логики, фактов и цифр ситуация становится совершенно прозрачной.

И всякие доводы, что было все не так, что не то подписывали, теряют элементарный смысл. К сожалению, мы этой логикой, конкретными фактами пользовались плохо. В одном из своих выступлений в Германии (я читал об этом в спецлитературе), Зиновьев заявил, что Советскую страну прямой атакой победить невозможно. Исторически Россия отбилась от всех походов, начиная от Батгя и Чингисхана, Наполеона и Гитлера, но ее можно взять иным способом, если на место главной управленческой фигуры посадить своего человека, который начнет ломать систему управления. И тогда эта система — централизованная, жесткая — начнет разваливаться.

На этой лекции многие смеялись, но некоторые сделали далеко идущие выводы. И вариант развития событий 1991 года во многом напоминает его пророчество, когда произошел слом КПСС, которая была, собственно говоря, не партией, а системой управления. Расстрел Советов

в 1993 году открыл дорогу к неудержной приватизации, а точнее — разграблению и уничтожению целых отраслей производства. И только сегодня приходит понимание, что можно было спокойно этого избежать, если бы вовремя провели нормальное реформирование, как сделали это другие, те же китайцы. Уже было 10 лет реформ Дэн Сяопина. Они начались после того, как в Китае в результате культурной революции 100 млн. было репрессировано. Все нынешнее руководство Китая, 15 первых лиц отсидели в тюрьмах или были сосланы. Но когда они вернулись и хотели свести счеты с предшественниками, Дэн Сяопин сказал: «утонем в этой кровавой разборке. Ставим точку. Портрет Мао Цзедуна — на Тяньаньмынь. У него 30% ошибок, остальное — правильно. Далее строим социализм с китайской спецификой, учим свою молодежь во всех вузах планеты и двигаемся вперед». И уже на протяжении двадцати восьми лет китайцы показывают самые высокие темпы экономического развития в мире. Сегодня Китай стал супердержавой вместо Советского Союза. За эти годы построено двадцать автомобильных заводов. Завершается строительство четвертого космодрома. Это вопрос об эффективности реформ и о необходимости соответствующих выводов.

Мне очень важен был взгляд Зиновьева на то, как можно выбраться из сложившейся ситуации. Ответ тоже был довольно любопытным. Суть его в том, что без перспективной науки, без нового поколения, которое освоит глобальные процессы, без умной социальной политики и внимания к человеку, который работает на земле, двигаться вперед невозможно. Я вчера держал в руках проект нового государственного бюджета на следующие 3 года. Ни на один из этих вопросов ответов нет. Наука обескровлена. Ничего на нее из бюджета не выделяется. Даже перестали строить свои самолеты. В свое время на пятнадцати заводах строили полторы тысячи летательных аппаратов — самолетов, вертолетов и др. в год. Сейчас для себя ничего не делаем. Только на восемь самолетов выделены деньги, хотя Министр транспорта заявил, что последние двести пятьдесят придется списать в ближайшие 3–4 года.

Что касается села. В свое время на него выделялось почти 19% из бюджета. При раннем Ельцине — 15%, а сейчас меньше 1%. Село продолжает деградировать и умирать. Я уже не говорю о жилье, которое перестали строить для обычных людей, хотя почти 40% жилищного фонда — это жилье хрущевской эпохи. Оно решило в свое время проблему, но сегодня выходит из строя. Если его не обновлять и не реконструировать, то ситуация будет только усугубляться.

Я уже не говорю об инфраструктуре, связанной, допустим, с коммуникациями. Страна стоит на миллионе километров трубопроводов разного сечения, начиная с нефте- и газопроводов, кончая квартальными сетями. Из них, как заявил недавно министр Яковлев, отчитываясь в Думе, изношено 650–700 тысяч. Даже если завтра у вас будут деньги, строители и материалы, вы не в состоянии технологически быстро решить эту задачу. Вы будете замерзать в собственном доме.

Есть ли возможность исправить ситуацию? Есть. Я недавно участвовал в трех крупных международных мероприятиях. В Европе, в Страсбурге, где работаю в Совете Европы много лет, мне важно было изучить европейский опыт, начиная от левых партий и кончая партиями правящими. Рассматривалась проблема перспектив развития Европы в XXI веке и роль России в этом процессе. Я выступал там с содокладом. Самое любопытное, что западные европейцы понимают, что без взаимодействия с Россией Европа во многом обречена. Если все известные природные ресурсы разделить на каждого человека, то в России приходится по 160 тыс. долларов, в Европе — по 6, в Америке — по 16. То есть без наших ресурсов Европа не в состоянии развиваться, и хотя ее постоянно пытаются заставить отвернуться от России, стратегически мыслящая часть европейского истеблишмента понимает это, и потому весьма заинтересована в долгосрочных отношениях с нами. Со своей стороны мы должны эффективно работать с Германией, Францией, Италией, Испанией. Тут перспективы хорошие.

Пришлось участвовать в работе трех крупнейших форумов в Азии. Только Азия проводит встречи лидеров от левого до правого фланга, каждые два года. Выступал с докладами в Бангкоке, Пекине, Сеуле. И Азия не видит своего эффективного развития вне тесного взаимодействия с Российской Федерацией. Я это прекрасно понимаю. Если учесть интересы той же Азии, объединенной Европы, то у нас, на территории России, остались две нераспечатанные кладовые. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, где мы теряем население. Почти 18% наших граждан уже сбежали оттуда, хотя осваивали эти территории четыре века. И даже в годы войны там население постоянно прибывало. Но одновременно все понимают значение и ценят еще три важнейших ресурса, о которых сегодня говорят мало. У нас половина запасов пресной воды Планеты. Пресная вода составляет всего 3% от водных запасов Земли. У нас половина этого запаса в том же легендарном Байкале. Если все реки мира туда направить, то они его заполнят только через год. Но на-

ша вода отличается от вод Амазонки или Миссисипи тем, что холодной зимой проходит прекрасную санитарную обработку.

Водородный двигатель. Эта проблема будет решена в ближайшие десять лет. И вода станет лучшим топливом, лучшим горючим. И в этом отношении без наших ресурсов не могут благоденствовать ни объединенная Европа, ни Америка, ни Китай. К 2015 году в Америке будет 310 млн. населения, в Китае — 1 млрд. 400 млн., в объединенной Европе — 500 млн. У нас при нынешней политике останется максимум 135 млн. Мы с таким населением не в состоянии будем контролировать свои границы и свои ресурсы. И тут неизбежна выработка нового курса, новой социально-экономической политики. И еще раз хочу подчеркнуть, что Азия тоже весьма в нас заинтересована.

Только что я был в Мексике, на Кубе и в Венесуэле. Нас очень привлекает развитие отношений с этим континентом. Мы восстановили связи с лидерами местных левых. Последние встречи проводили в Афинах, Лиссабоне. Была встреча с лидерами латиноамериканских стран. Этот континент на глазах резко «покраснел» и «порозовел», его развитие отличается удивительным динамизмом. С одной стороны, они попробовали американскую либеральную модель на собственном опыте. Что везде дало отрицательный результат. Одни богатели. Другие нищали. И даже богатейшая Венесуэла, которая входит в пятерку стран по объемам добычи нефти и занимает второе место в мире по ее запасам, где есть алмазы, золото. Здесь 40% абсолютно нищего населения и страшный бандитизм. Приходится броневик нанимать для того, чтобы эффективно передвигаться по этой многострадальной стране. И теперь понятно, почему вслед за Фиделем Кастро подняли высоко знамя Чавес, Моралес, Даниель Ортега. Они при нас собирались и вырабатывали общую экономическую политику.

Сегодня прорастают новые ростки идей Зиновьева, связанные не просто с советским коммунизмом, который он считал вершиной прогресса, а с социализмом XXI века. На следующий год намечен ряд интересных встреч, где лучшие специалисты будут собираться и обсуждать эти проблемы. Мы к этому тоже готовимся. Наша подготовка включает и 90-летие великого Октября. Все левые лидеры соберутся в Минске, где мы проведем большую научную конференцию. Позже подобная встреча пройдет в Москве. Я считаю, что обсуждения, подобные сегодняшнему, послужат более глубокому осмыслению прожитого и позволят наметить формулировку новых задач для развития нашей страны.

Я еще раз хочу поблагодарить ректора МосГУ Игоря Михайловича Ильинского, весь большой коллектив университета, Ольгу Мироновну Зиновьеву за светлую память великого человека, за то, что он нам помогает жить и бороться в это непростое и смутное время.

СУВЕРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Ю. Ю. БОЛДЫРЕВ,

политический деятель, публицист

Уважаемые товарищи, друзья!

Прежде чем начать свой доклад, я хотел бы сделать два важных замечания в развитие того, о чем говорил сейчас Г. А. Зюганов. Мыслящие люди на Западе вроде бы хотят с нами сотрудничать. Но в то же время надо понимать, что, по большому счету, сегодня Запад больше хотел бы иметь возможность не сотрудничать с нами в использовании наших ресурсов, а просто иметь возможность их у нас забирать.

К чему я сейчас об этом говорю. В нашей стране, нашим правительством запущена идея, что есть доходы заработанные, а есть доходы незаработанные, что наши нефтегазовые доходы — доходы незаработанные. Так вот, на чтениях, посвященных памяти А. А. Зиновьева, надо сказать, что эти доходы, безусловно, заработанные, в том числе и те, о которых говорил сейчас Г. А. Зюганов. Они заработаны теми победами, о которых ему рассказывал Зиновьев, и той Победой, в которой А. Зиновьев участвовал, совершив свои 30 с лишним вылетов в штурмовой авиации, при среднем выживании летчика штурмовой авиации — 15 вылетов. А. А. Зиновьев — один из тех, кто заработал для нас и для наших детей и внуков сегодняшние, завтрашние и послезавтрашние нефтегазовые и прочие доходы, связанные с нашей территорией, с нашим сырьем, с нашими ресурсами.

Это первое замечание.

Второе. Обращаюсь к молодым, присутствующим здесь. Представьте, какую надо противоречивую, поразительную жизнь прожить, чтобы сегодня одного из наиболее жестких, острых, едких критиков советской коммунистической системы чувствовал сегодняшний лидер российских коммунистов. Причем из того, что он говорил, видно, что это не лицемерно.

Теперь перехожу к своему основному докладу. Смотрите: рядом с вдовой Ольгой Мироновной Зиновьевой сидят двое — лидер российских коммунистов и лидер другой российской партии. Но сегодня здесь нет никого, кого можно назвать прозападными либералами? Ведь они зачитывались Зиновьевым в советское время, они превозносили его. И никого! Почему? Давайте задумаемся. Этому как раз посвящен мой доклад.

Александр Зиновьев провозгласил: «Я сам себе государство». Что это означает? Это что, такая анархия? Как это понимать? Не нравилось ему то государство. Он его изучал и едко критиковал.

Идеология в то время исходила из установки: наше государство лучшее — и не критиковать.

Но может быть и другая установка. Бердяев говорил о том, что государство создается не для того, чтобы создать на земле рай, а чтобы избежать ада. При второй установке можно дискутировать, спорить, соотносить плюсы, минусы и т. д. Но до второй установки не дошло. И в этом наша беда.

Были ли в советской системе плюсы? Разумеется, были. Огромные плюсы, о которых говорил сегодня лидер коммунистов. Но в то же время было что-то и такое, что, в конечном счете, привело к крушению, например такая сверхцентрализованность, которая позволила, как предсказывал Зиновьев, поставить во главу угла человека, который начал все разрушать. Или то, что позволяло таких людей, как Зиновьев, высылать из страны.

Сейчас модно считать, модно говорить, что советская система была обречена, что не было потенциалов, что в любом случае в рамках советской системы невозможно было разрешить противоречия. Но давайте задумаемся. В России в той или иной степени сбылось предсказание Маркса, а затем и Ленина. Произошло на некоторое время крушение капитализма. Следует ли из этого, что капитализм в принципе не способен приспособиваться, адаптироваться и брать лучшее, в том числе из совет-

ской системы? Конечно, не следует. Мы это видим из истории. Но применим эту логику к современной России. Советская система была разрушена. Следует ли из этого, что у советской системы не было потенциалов, подлежащих реализации, что при использовании лучшего, в т. ч. западного опыта, мы не могли бы адаптироваться и двигаться дальше? Конечно, не следует. Но, к сожалению, возможности творческой дискуссии по ключевым вопросам здесь в тот момент не было.

Обратите внимание: Советский Союз интенсивно развивался в тех сферах, где конкуренция так или иначе была обеспечена. Даже в космической сфере была конкуренция — между конструкторскими бюро Королева и **Челомея**. В авиации была конкуренция. Несколько фирм, которые практически конкурировали, одерживали победы на мировом уровне. А в сфере идеологической конкуренция была недопустима.

Мне скажут: Зиновьев не был конструктивным, доброжелательным критиком. И, наверное, это так. Но давайте встанем на его место. Что делает доброжелательный человек, когда он видит чью-то ошибку? Он старается деликатно, как-то мягко об этом сказать. И все. Но если ошибающийся упорствует, и не просто упорствует в заблуждении, а заставляет всех лицемерить и делать вид, что это самое лучшее, самое полезное и ничего иного в принципе быть не может, что делает творчески мыслящий человек? В нем просыпается острый сатирик. И из-за этого он враг?

Александр Зиновьев видел в Советском государстве и его плюсы, и его минусы. Волею судьбы, волею тогдашнего руководства он оказался за рубежом. Он оказался не там, где нет государства. Человек, провозгласивший: «Я сам себе государство», — он не оказался в лесах Амазонии. Его приютило другое государство, западная система, конкретно — Германия. И там его научный метод, направления исследований, результаты всячески приветствовались, в отличие от того, что было здесь. Что же это означает? Что есть идеальное государство? И формула «Я сам себе государство» больше не актуальна? Она не нужна?

Но Александр Зиновьев был ученым. Как он рассказывал здесь, на нашем Клубе, со временем он попытался свой научный метод применить не только к Советскому Союзу, но и к западной системе — западнизму, как он называл. И что? Овации, аплодисменты? Ничего подобного. Стена молчания. Это оказалось никому не нужно. «Это значит, — говорил он сам о своем трагическом моменте своей жизни, — я нужен был как ученый только тогда, когда критиковал Советский Союз». Что это —

личное крушение? Нет. Все встало на свои места. Просто — «Я сам себе государство». И нет такого государства, которому я нужен. Эти слова приводятся в журнале «Вопросы философии». Видимо, он повторял их часто.

Представим ситуацию, в которой он оказался после крушения Советского Союза. По идее, человек должен почивать на лаврах — ведь он был одним из самых острых, жестких критиков советской системы. Но что ему мешало слиться воедино с Западом в этом «празднике демократизации»? А то, что заставило в свое время идти на фронт. Он осознавал, что это не есть победа для России, для российского народа и, как он позже неоднократно говорил, — эти его слова и сегодня приводились, — что советская система, несмотря на всю ту жесткую критику, которой он подвергал ее как объективный исследователь, тем не менее, была пиком, вершиной самоорганизации российского общества за всю предшествующую историю.

Как понять и распознать истинные мотивы, движущие человеком, если он критикует систему. Реальный мир всегда разделен на лагеря, а значит критику всегда можно сказать, что он льет воду на мельницу противника. Я не беру друзей Зиновьева — тех людей, которые знали его с юности, соратников по университету, которые не сомневались в чистоте его помыслов. А для многих внешних наблюдателей окончательно все прояснилось только тогда, когда он вернулся в Россию. Все вернулось на свои места. Он хорошо знал, уважал, ценил западную систему, западное государство, но при этом рассматривал Запад как исторического противника. Не просто соперника, а противника России. Причем не Советского Союза в его конкретной исторической форме, а России всегда — и в прошлом, и в будущем.

Он знал, изучал и не уважал нынешнее российское государство как фактически марионетку Запада, действующую не в интересах своего народа. Значит, опять — «Я сам себе государство». Но «Я сам себе государство» в каком смысле? Это значит, что я ни в чем не участвую? Стою в стороне? Нет. Как и в годы Великой Отечественной войны, он вернулся сюда как солдат. В 77 лет, уже пожилым человеком. Он вернулся в строй как солдат, чтобы сказать нам: люди, против нас ведется война. Все эти годы велась и сейчас ведется война. Не потому, что они плохие, а мы хорошие. А потому что существуют объективные противоречия. Потому что у них на человека приходится вот столько-то природных ресурсов, а у нас вот столько-то. Им всегда лучше поставить нас под

свой контроль и самим диктовать, что нам делать, чем договариваться с нами, сотрудничать с нами. И целый ряд заседаний Русского интеллектуального клуба в период, когда им руководил А. А. Зиновьев, был посвящен именно новым формам и методам той войны, которая ведется против нас. То есть Александр Зиновьев вернулся в нашу страну снова как солдат.

В этом смысле, мне кажется, его идея «Я сам себе государство» — это не идея анархии. Она перекликается с идеей (если не ошибаюсь, уважаемые философы, фраза приписана Сократу), что философы — счастливые люди: только одни они будут продолжать жить так, как жили, если отменить все законы. Как понимать эту мысль, приписанную Сократу, и мысли А. Зиновьева? Наверное так, что источник нашей самоорганизации не во внешнем насилии, не в том лидере, которого, по предвидению же Зиновьева, можно подменить, и у нас все рухнет, а в том, чтобы каждый из нас был самостоятельной, ценной, творческой личностью, единицей самоорганизации общества. И вот здесь, мне кажется, есть некая параллель между состоянием нашего общества в период, когда Александр Зиновьев вернулся в Россию, и замечательной историей, которую он рассказывал. Это история о том, что когда войсковая часть оказалась в окружении, значительное число наших солдат, офицеров, понимая, что попадут в плен, стали к этому готовиться, срывать с себя нашивки, а небольшая горстка тех, кто с этим не соглашался, призывала товарищей продолжать сражаться. И не срывающие нашивки оказались осужденными, как предатели своих товарищей. Он акцентировал внимание на этом извращенном моменте морали.

И сравните это с состоянием нашего общества в период, когда Александр Зиновьев вернулся сюда, когда люди по долгу, по чести, по званию обязанные защищать свою страну, с удовольствием срывали с себя эти «нашивки» долга, чести и достоинства, клятвы Родине и продавали на Запад все, что только можно: и природные ресурсы оптом, и стратегические и оборонные объекты. Вот в этих условиях Александр Зиновьев вернулся к нам как солдат.

И в заключение. Александр Зиновьев прожил замечательную жизнь. Еще раз подчеркиваю: ситуация, когда представители той партии, которая была у власти в период, когда его изгнали из нашей страны, сегодня так искренне и аргументированно воздают ему должное, конечно, говорит о многом. Если бы тогда к нему и к таким, как он, больше прислушивались, все могло бы пойти иначе.

Обращаюсь к молодым, присутствующим здесь. Вы сделаете какие-то карьеры. Кто-то из вас будет бунтарем, а кто-то будет в аппаратах, во власти. И те, кто будет во власти, столкнутся с бунтарями. Так вот, среди этих бунтарей всегда нужно будет уметь отличать, где продажные шкуры, которые за чужие деньги льют воду на чужую мельницу, а где настоящие патриоты своей страны, которые с чем-то не согласны, пытаются найти способ бороться с тем, с чем они не согласны.

Но Александр Зиновьев как гражданин своим примером, мне кажется, учил и продолжает учить нас гражданственности, способности объединять в своих личных интересах и суверенитет личности и настоящий патриотизм.

ЗИНОВЬЕВ СЕГОДНЯ

С. Н. БАБУРИН,

Президент Российского государственного торгово-экономического университета, Заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ, профессор, доктор юридических наук

Когда мы вспоминаем Александра Александровича Зиновьева, я не могу не упомянуть о своем первом посещении мюнхенской «обители» Зиновьевых и разговоре, который был еще на немецкой земле, о том, почему погиб Советский Союз, что произошло в обществе, что происходит и что грядет.

Среди тех материалов, которые представлены сегодня участникам заседания, имеются очень содержательные философские, социологические тексты. Но я хочу привести только цитату из присутствующего здесь академика Гусейнова, напомнившего, что жить — это значит понимать. Если говорить о А. А. Зиновьеве, то во второй половине XX века он жил

в то время, когда миллионы людей в нашей стране благополучно существовали — беззаботно, безмятежно, уверенно в завтрашнем дне, не задумываясь, почему, что, как происходит. Кто-то в тот момент, забыв Бога, так и не осознал, что такое жизнь без Бога. В результате среди многих не было ни искренних атеистов, ни искренних верующих.

Общество превратилось в очень непростой конгломерат существ. Это сейчас на рубеже XX–XXI веков А. А. Зиновьев опять одним из первых, если не первым, сказал, что мы потеряли народ, мы имеем сегодня население, потому что миллионы людей обречены выживать. Они должны заботиться конкретно о себе и о своих детях, о своей семье, потому что их поставили в такие социальные условия, когда не выплачивается заработная плата, когда люди не обеспечиваются работой. Поэтому многие миллионы людей сегодня не думают о происходящих процессах, погружаясь в ту будничную сумятицу, которая называется «болотом».

Александр Александрович принадлежал к тому великому племени людей, которые даже в относительно спокойные времена всегда понимали глубинные процессы, происходящие в обществе. Если прибегать к аналогиям, то он мне всегда напоминал Лакона, того жреца, который, предостерегая, говорил, что может произойти, если мы не задумаемся о действиях сегодняшних, и к которому не прислушивались. Именно за то, что Зиновьев говорил о делах, которые не были понятны и требовали усилия мысли, он в свое время, очевидно, и оказался за пределами того советского истеблишмента, которое принимало решения о науке, об экономике, обо всех сферах нашей жизни.

Так он оказался в Германии.

Совершенно верно Юрий Юрьевич Болдырев сейчас подметил, что Зиновьев был желанным гостем на Западе до тех пор, пока анализировал советские процессы. А как только он с присущим ему мастерством стал говорить о процессах, происходящих в западном обществе, он тут же стал неприемлем для тогдашнего тамошнего научного, политического истеблишмента. В этом отношении его возвращение в Россию было закономерным, потому что Россия пробуждалась через шок, через такой чудовищный кризис, который соизмерим только с событиями начала XX века, с Гражданской войной, процессами, которые происходили в исторической России в 20-е годы. И в 20-е годы, и в 90-е происходило историческое уничтожение русской цивилизации, деление единой нации, которую создавали многие этносы, многие народы, на несколько частей и несколько государств. Происходила попытка подмены фунда-

ментальных ценностей, которые эта цивилизация создавала на протяжении тысячелетий, ценностями, привнесенными извне.

В чем беда? И на эту тему Александр Александрович Зиновьев писал в своих работах. В чем беда той системы советского социализма, которая была создана? Прежде всего, конечно, в отвлеченности, в отрыве социальной идеологии от национальных корней, от исторических корней общества. Если мы говорим сегодня о триумфе многих движений за социальную справедливость, за национальное освобождение и в Латинской Америке, и в других странах, то успех этого процесса объясняется, прежде всего, тем, что участники таких перемен не повторили нашей российской, или русской, ошибки. Они не забыли фундаментальных истоков и смогли соединить воедино национальную идеологию и борьбу за социальный прогресс, за социальную справедливость.

Возьмите Кубинскую революцию, где мы сегодня говорим о соединении социалистической идеологии и идеологии Хосе Марти. Я уже не говорю о том, что никто из нас с вами, бывая на Кубе, не видит и никогда не видел в минувшие десятилетия на каждом углу портрета Фиделя Кастро. Нет культа руководителя — есть культ идеи. Поэтому там можно увидеть только изображения Че Гевара, Хосе Марти.

В этом отношении нам сегодня тоже необходимо осознать, почему стал возможен 1991 и 1993 год и что необходимо сделать, чтобы мы смогли, возрождая историческую Россию, не повторить ошибочных схем в конструировании фундамента. Было смешно и грустно, когда в конце прошлого века на заседании Центральной избирательной комиссии Александра Александровича Зиновьева снимали из партийного списка Российского общенародного союза. Я смотрел на государственных чиновников и думал: а они понимают, что делают? Я не говорю сейчас о юридической стороне, о нелепице, об абсурдном предлоге, что, дескать, Зиновьев должен был за те годы, когда жил в Германии, представить справку о налогах в Центральную избирательную комиссию. Впоследствии они сами сказали: да, это было такое стечение обстоятельств. После можно признавать, что они ошиблись.

Я имею в виду другое. Насколько несоизмеримы были потенциалы этих людей. В этом отношении мы все благодаря Александру Александровичу восприняли как некую историческую иронию, что сегодняшние государственные структуры так же испугались Зиновьева, как испугались в свое время советские государственные структуры. Испугались очень серьезно.

Когда мы говорим о сегодняшней социальной среде, то воистину критический пафос идеологии Зиновьева — это просто констатация реального факта. Ибо сегодня как никогда важен тот дух нонконформизма, которым пропитаны все его работы. Зиновьев к любой проблеме подходил со стремлением понять ее, не оглядываясь на навязываемые оценки: слева, справа — откуда бы то ни было. Важно понять реальность проблемы, важно понять реальность процессов, происходящих в обществе.

Конечно, когда он выступал по злободневным вопросам, это были всегда точные аналитические выкладки, которые позволяли нам за сиюминутной политикой видеть основное звено. В том числе, если говорить о политических процессах, это, прежде всего, процесс собирания страны, собирания единого народа и через союзную Российско-Белорусскую интеграцию, укрепление шанса возродить историческую Россию. Ведь мы все прекрасно понимаем, что Российская Федерация, являющаяся сегодня государством, — это самый большой осколок исторической России. Замыкаться только в этих рамках — значит выполнить директивы тех, кто разрушал Советский Союз в 1991 году.

Говорить о том, зачем нам Белоруссия, зачем Украина, Казахстан, сколько мы за это будем платить — означает ничего не понимать в жизни, или, просто подменяя понятия, делать все для того, чтобы не допустить возрождения единого общества, единой цивилизации. Когда в течение последних лет процессы интеграции не просто расслоились, а стали тормозиться, для А. А. Зиновьева это было личной бедой. Он искренне переживал по поводу того, что нет понимания между российским и белорусским президентом. Что создание союзного государства, будучи провозглашенным еще в 1999 году как цель, так и не стало реальностью.

Нам говорят, что надо договориться о едином рубле, а только после этого идти к союзному государству. Я могу подтвердить, что впервые об этом договорились еще в 1997 году. Потом ежегодно договаривались. Чем больше проходит времени, тем больше интервалы между очередными договоренностями. И, на самом деле, мы — Россия и Белоруссия — сегодня дальше друг от друга, чем это было 10 лет тому назад. Когда поздравляли с 10-летием начала объединения России и Белоруссии в 2006 году, то лично для меня это было оскорблением. Я сказал тогда: «А как вы будете поздравлять с 50-летием? Вы представляете, о чем говорите?». От падения Берлинской стены до объединения Германии прошел год, а мы хотим, чтобы у нас был некий длительный процесс.

Я считаю, что в этом отношении во многих властных структурах отсутствует главное — жизнь как понимание того, что происходит. Отсутствует, может быть, стремление признать наличие самой русской цивилизации. У меня 3 дня назад был руководитель болгарской партии «Новая Зара». Это партнер «Народного союза», который максимально участвует в том, чтобы Болгария смотрела не только на Запад, но и в сторону России, чтобы сберегались отношения с ней. Он с душевной болью рассказал, как 4 года назад его пригласили в советское посольство и молоденький пресс-атташе сказал: «Я знаю, Вы один из известных литераторов, старый друг нашей страны, я хотел с Вами поближе познакомиться. Вы возглавляете движение против вступления Болгарии в НАТО, движение за то, чтобы Болгария была вне любых военных структур». И когда Минчо Минчев стал рассказывать, почему это движение крепнет в Болгарии, почему они выступают за то, чтобы НАТО как военная организация, направленная против России, против мира в Европе, не расширялась на Восток, российский дипломат просто его оборвал и сказал: «Вы человек из прошлого, вы не понимаете, что НАТО не опасно, оно не направлено против России, что Россия и НАТО сообща отвечают за порядок в Европе». Я еще раз подчеркиваю — официальное российское лицо!

Хорошо, что Минчо Минчев уже видел многих наших дипломатов со времен Козырева. Он его послушал и сказал: «Вы знаете, сегодня для меня трагический день, я не хочу с Вами больше разговаривать». Встал и, не прощаясь, ушел из российского посольства.

Вот такие Иваны-Родства-Не-Помнящие, как тот российский пресс-атташе, всегда боялись Зиновьевых, боялись людей, которые говорят: посмотрите, что на самом деле происходит. Сегодня, как никогда, важно понять, что западнизм перешел в решительную атаку против русской цивилизации. Только социальная солидарность общества при понимании необходимости возвращения к нашим фундаментальным традициям, отказа от навязанной с 1993 года конституционной схемы, от окончательно себя дискредитировавшей избирательной системы. Ведь уже сегодня только человек, не задумывающийся ни о чем, верит в итоги выборов. Потому что основная масса людей, зная, что они уже давно не ходят на голосование, и видя при этом, что по их району явка 60%, задумываются: что будет, что идет на смену сегодняшним формам?

Ведь то же самое происходило перед февралем 1917 года. Почему мы и говорим от имени «Народного союза» сегодняшнему руководству: «вы можете поделить следующую Государственную Думу между Единой

Россией и Справедливой Россией, вы можете уничтожить все другие партии. Это все в ваших силах. Но на выборы придет 5% населения. И то только те, кто работает в вашем аппарате. Неужели вы думаете, что остальные 95% вечно будут молчать?» Не будут молчать. Поводом может быть малейший экономический «шип» в мировых экономических процессах. Вот это все может обречь на хаос сегодня слепленную, унаследованную от ельцинского режима нашу «демократическую» систему.

В этом отношении А. А. Зиновьев оставил после себя столь фундаментальное научное наследие, что оно продолжает оставаться камертоном в оценке социальных и социально-политических процессов России и мира XXI века. Именно поэтому я считаю актуальным, важным и социально значимым рождение Зиновьевских чтений. И хочу за это еще раз поблагодарить Московский гуманитарный университет, руководство университета, и сказать: я надеюсь, придет время, когда Зиновьевские чтения будут транслироваться на страну вместо Евровидения, потому что народ надо не умерщвлять, а пробуждать в нем надежду.

А. А. ЗИНОВЬЕВ КАК УЧЕНЫЙ И ФИЛОСОФ

В. С. СТЕПИН,

*Заместитель академика-секретаря
Отделения общественных наук РАН,
академик РАН*

В первой части нашей конференции говорилось о том политическом и идеологическом звучании, которое имеет наследие Зиновьева. Но настала пора поговорить и о том, что он был замечательный ученый и философ.

Уже отмечалось, что тип его сознания — это, прежде всего, тип сознания ученого. Если кратко характеризовать, чем наука отличается от

других форм познания мира (от обыденного познания, философского познания, которое тесно связано с наукой, но имеющее свою специфику, от художественного постижения мира и т. д.), то можно выделить, прежде всего, два основных отличительных признака науки.

Первый состоит в том, что наука особым способом программирует человеческую деятельность, выделяя в ней объектные структуры. Наука, как царь Мидас: к чему бы она ни прикоснулась, все для нее объект, как для царя Мидаса было все золото. Наука может исследовать любые объекты и процессы — природные, социальные, она может изучать человека, его деятельность, состояния его сознания, но с особых позиций и под особым углом зрения — как объекты, которые изменяются в соответствии с определенными законами. Это значит, что наука не может исчерпать собой всей культуры. Но она дает нечто очень важное для человеческой жизнедеятельности — она ищет законы функционирования и развития объектов, которые может осваивать человек.

Теперь о второй отличительной характеристике научного познания. Наука не ограничивается исследованием только тех объектов, которые уже попали в поле человеческого практического действия той или иной эпохи, которые осваиваются в обыденном опыте, в производстве данной эпохи. Наука всегда выходит за рамки сегодняшних, уже наличных форм практики. Она способна делать прорывы к предметным мирам будущего практического освоения. Она открывает для человечества эти предметные миры. То есть она изучает не только то, что сейчас дает практическую непосредственную выгоду, но и изучает объекты, которые могут быть освоены в будущем, и знания о которых могут обеспечить прорыв к технологиям будущего. Именно благодаря этой способности наука по мере развития цивилизации становится производительной силой и социальной силой.

С этими двумя презумпциями науки соотнесены другие ее особенности — специфика средств и методов исследования, особенности языка науки. С этими презумпциями соотносятся и особенности научного этоса. Ученый в идеале всегда обязан исповедовать следующие установки. Во-первых, искать истину, искать то, как устроены изучаемые ими объекты, каковы их законы. Он может ошибаться в своей деятельности, но он не имеет право умышленно исказить истину в угоду тем или иным идеологическим или иным соображениям. Во-вторых, ученый должен не просто фиксировать уже открытые истины, он должен наращивать рост истинного знания, четко фиксируя то новое, что он открыл. Эта установ-

ка стимулирует непрекращающийся научный поиск, который в конечном итоге и приводит к прорывам познания в новые предметные миры, еще не освоенные практикой.

С этими установками связаны два запрета научного этоса. Первый — на умышленное искажение истины, а второй — запрет на плагиат.

Если с этой точки зрения рассматривать творчество Зиновьева, то он, пожалуй, один из очень немногих жестко следовал этим этическим идеалам и презумпциям науки. Все его конфронтации с властью предерживались исходили только из одного: он говорил, как устроен социальный объект и каковы законы его развития. Если эти законы жизни объекта кому-то не нравились, то он все равно говорил, что так на самом деле, так есть, это истина. И он никогда не удовлетворялся тем, что смог достигнуть, не ограничивался идеями, которые уже были выработаны в науке. Он был новатором. Он по-новому сформулировал проблемы логики, по-новому увидел проблемы социологии. И это был его дух, настоящего, подлинного ученого.

Но он еще был и философ. Эта связь философии и науки — очень важная композиция в жизни человеческой культуры и в творчестве Александра Александровича. Я на этом остановлюсь особо.

Если наука делает прорывы к новым предметным мирам, если она открывает то, что еще для человечества новое и неисследованное, то возникает проблема понимания этого нового и предпосылок его дальнейшего исследования. Для того чтобы понять новый объект, надо всегда иметь некую категориальную сетку. Надо осмыслить объект посредством этой сетки, особым образом истолковать категории элемента и структуры, части и целого, вещи и процесса, особым образом интерпретировать причинность, пространство и время.

Разные типы системных объектов, с которыми сталкивалась и которые осваивала наука в своем историческом развитии, требовали разных по смыслу категориальных сеток. Если вы имеете дело с механической системой, то вполне достаточно считать, что свойства частей исчерпывающе определяют свойства целого. Здесь можно абстрагироваться от системного качества целого, не сводимого к свойствам элементов. Для освоения простых (механических) систем достаточно истолковать причинность в духе лапласовской детерминации, пространство и время рассматривать как внешнее по отношению к системе, как арену, на которой происходит взаимодействие объектов. Это понимание выражено в ньютоновской концепции абсолютного пространства и времени. Этой

категориальной сетки было достаточно, чтобы осваивать и изучать простые механические системы. И философия механицизма, обосновывая эту категориальную сетку, обеспечила на несколько веков эффективное изучение таких систем.

Но настала пора, когда наука столкнулась с новым типом систем, которые можно было бы обозначить как сложные саморегулирующиеся системы. Такими системами являются все живые системы и все социальные объекты, в технике это системы саморегуляции, гомеостатические технические устройства, рассмотренные в аспекте их функционирования. Для их освоения понадобилась другая категориальная сетка. Выяснилось, что просто из свойств частей вы не получите свойства целого, что существует особое системное качество, которое не сводится к свойствам элемента.

Пришлось по-новому истолковать причинность. В таких гомеостатических системах есть подсистемы с вероятностным стохастическим взаимодействием элементов. Там возникает та причинность, которая была обнаружена в квантовой механике, то, что потом назвали вероятностной причинностью. Вероятностная причинность ограничивала лапласовский детерминизм, но в ограниченном диапазоне он также действует, и применим для описания некоторых аспектов функционирования сложных саморегулирующихся систем.

Категории пространства и времени для этих систем пришлось также по-новому интерпретировать. Для их понимания и описания недостаточно только представлений о внешнем физическом пространстве и времени. В таких системах обнаруживается внутреннее пространство и время, несводимое к внешнему. Биологи это хорошо знают, используя понятие биологических ареалов и биологических часов.

Новый прорыв был осуществлен наукой во второй половине XX века. Она стала систематически изучать сложные саморазвивающиеся системы, характеризуя их не только феноменологически, но и структурно. Эти системы способны от одного типа саморегуляции переходить к другому типу саморегуляции. Им свойственна эволюция, историческое развитие. Для таких систем приходится заново переопределять категориальную сетку. Кроме того, что приходится учитывать системное качество целого, несводимое к свойствам частей, нужно еще учесть, что со временем оно может заменяться другим системным качеством, что процесс эволюции — это переход от одного гомеостаза и типа целостности к другому. Саморазвивающиеся системы открыты, постоянно обме-

ниваются веществом, энергией и информацией с окружающей средой. Они способны усложняться в процессе развития, наращивать уровни иерархической организации элементов, причем формирование каждого нового уровня оказывает обратное воздействие на уже сложившиеся, перестраивает их.

Благодаря такой перестройке и происходит изменение типа целостности. Сам процесс становления новой целостности предполагает, что система проходит через состояние динамической неустойчивости, через состояние динамического хаоса. В этом состоянии возникают аттракторы, которые могут тянуть систему, как цель, к определенному руслу. Как только аттрактор возник, другие возможности выгорают. Чтобы описать и понять эти свойства системы приходится расширить понятие причинности. Уже не хватает ни вероятностной причинности, ни лапласовского детерминизма. Нужно ввести еще понятие целевой причинности. Аттрактор всегда втягивает систему в определенное русло развития, меняя вероятности первоначальных сценариев как возможных направлений эволюции системы. И эти особенности могут быть охарактеризованы как целевая причинность.

Категории пространства и времени также приходится переосмысливать применительно к саморазвивающимся системам. В них внутреннее пространство и время меняется по мере эволюции. Когда система надстраивает высшие уровни своей организации, каждый новый уровень меняет композицию элементов системы и ее пространственно-временную структуру. А поэтому математическое описание процессов саморазвития ставит сформулированную И. Пригожиным проблему оператора времени.

Категориальная сетка, необходимая для того, чтобы понять систему, должна присутствовать в сознании ученого. Но тогда возникает очень сложный вопрос: откуда она берется? Ведь если наука натолкнулась на новый тип системы, которая требует новых категориальных смыслов, а в сознании ученого доминируют привычные старые смыслы, обеспечивавшие освоение более простых системных объектов, то он должен поменять эти смыслы. Иначе он вообще не поймет новых объектов. Он будет наталкиваться на парадоксы, которые будут возникать при попытках понять новые системные объекты в старых, уже обжитых категориальных смыслах. Таких ситуаций множество в истории науки. Когда создавалась квантовая механика многие дискуссии относительно особенностей квантово-механического описания переходили в споры

о смыслах категорий причинности, пространства и времени и о возможностях синтеза причинного и пространственно-временного описания микрообъектов. В дискуссиях между А. Эйнштейном и Н. Бором на Сольвеевских конгрессах эта проблематика была центральной. Известно, что Эйнштейн оппонировал Бору, который отстаивал понятие вероятностной причинности. Известна эйнштейновская формула «не верю, что Бог играет в кости». Эйнштейн считал также, что дополнительность причинного и пространственно-временного описания не может быть идеалом и нужно стремиться к синтезу дополнительных описаний. Иначе говоря, дискуссии вокруг собственно физических вопросов органично переплавлялись в постановку философских проблем.

Философские проблемы всегда возникают в науке, как только она осуществляет прорыв к новым предметным мирам и начинает осваивать принципиально новые объекты. Вопрос состоит в том, как философия решает эти проблемы. Внутри нее заранее должны вырабатываться новые категориальные смыслы, которые потом науке обеспечат понимание новых типов систем.

Но как это возможно? Это вопрос почти кантовский: как возможна философия? Чтобы получить ответ на этот вопрос нужно по-новому рассмотреть природу философского познания. Недостаточно определить философию как науку о наиболее общих законах природы, общества и мышления. Это частично правильное, а в целом неточное определение. Оно соответствует только сциентистским направлениям философии, которые в ней есть и развиты, но которыми философия не исчерпывается. Под него трудно подвести очень многие философские концепции, в том числе богословские системы, содержащие развитую философскую компоненту, философские концепции Ж.-П. Сартра, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, представленные в их литературных произведениях, философские работы В. В. Розанова и др.

В свое время Гегель писал, что философия — это эпоха, схваченная в мысли, живая душа культуры. Культуру можно рассмотреть как сложную систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, которая представлена в нормах, правилах, в образцах поведения и деятельности, ценностях, знаниях, предписаниях, закрепленных в соответствующих знаках, кодах. Этот сложный развивающийся массив регулятивов человеческой жизнедеятельности системно организован и есть основания, обеспечивающие его системную целостность. Такими основаниями выступают фундаментальные жизненные смыслы и ценно-

сти. Их обозначают по-разному, называют концептами, категориями культуры, универсалиями культуры. Я называю их мировоззренческими универсалиями. К ним относятся фундаментальные базисные ценности и жизненные смыслы, составляющие содержание категорий «человек», «природа», «личность», «деятельность», «свобода», «справедливость», «истина», «красота», «пространство», «время» и т. д.

В своем сцеплении и взаимодействии они образуют целостную картину человеческого жизненного мира. Человек усваивает смыслы этих категорий в процессе воспитания и социализации, через образцы поведения и деятельности, через включение в разные виды деятельности, через язык, через транслируемые в культуре знания, которые он приобретает. Часто он не осознает всего содержания этих категорий, хотя и понимает их. Он имеет о них неявное знание. Если спросить человека, не занимающегося философией, на уровне его обыденного сознания, что такое справедливость, то, опираясь на конкретные примеры, он покажет, что есть справедливые и несправедливые поступки, но не сможет дать обобщающего определения справедливости.

Мировоззренческие универсалии культуры функционируют как предельно обобщенные программы деятельности, поведения и общения людей. Они являются своеобразными генами социальной жизни, в соответствии с которыми воспроизводится тот или иной тип общества. Для того чтобы радикально изменить общество, надо изменить эти гены. Поэтому духовная революция всегда предшествует революциям политическим.

Философия осуществляет рефлексию над этими фундаментальными мировоззренческими универсалиями культурами. Она их осмысливает, выносит их на суд разума, улавливает изменения, которые в них происходят, и начинает критически их обсуждать. Это первый этап философствования. На этом этапе категории культуры переплавляются в философские категории, но очень своеобразно. Они вначале предстают в форме смысло-образов, но это еще не строгие понятия, с которыми философия затем будет работать. Это их начало. На этом этапе философия ближе к литературе, к искусству. Она в разных областях человеческой жизнедеятельности, в разных сферах культуры выявляет глубинные смыслы и базисные ценности, программирующие людей.

Второй этап философствования первичные категориальные смысло-образы переплавляет в строгие понятия. Они упрощаются, схематизируются, становятся своеобразными идеальными объектами, абстракциями, с которыми мышление начинает работать как с особыми сущностями.

Философ исследует их свойства так же, как, например, математик изучает числа, фигуры, функции, различные типы геометрических пространств, создает какие-то новые представления о числах, фигурах и пространствах и т. д.

Философия строит теоретическое знание и начинает вырабатывать такие смыслы категорий, которые выходят за рамки своей культурной традиции. Эти новые смыслы философия как бы предъявляет культуре, они включаются в исторический поток культурной трансляции как своего рода дрейфующие гены и ждут своего часа. Наступает время, когда социальные запросы, изменяющаяся жизнь общества востребуют эти смыслы и заставят на них ориентироваться. Тогда сухие философские абстракции начинают обретать актуальную жизненную силу. Они воплощаются в публицистике, эссеистике, художественной критике, литературе, искусстве, наполняются эмоциональным содержанием, переживаются людьми. Тогда они постепенно погружаются в недра культуры и становятся новыми мировоззренческими универсалиями.

В этой работе на двух полюсах: с одной стороны, улавливания смыслов категорий культуры и экспликации намечающихся в культуре точек роста новых ценностей, а с другой — строгих теоретических исследований, направленных на конструирование новых категориальных смыслов и их обоснование, философия намечает новые пути социального развития. Она предлагает возможные изменения генома культуры, адресуя их будущему, и это — одно из условий становления новых форм социальной жизни.

Философия часто открывает новые идеи для науки, для политики, которые затем, часто через столетия внедряются в жизнь. Она способна опережать свое время, чему есть множество примеров. И представление об атоме вначале было идеей, первоначально развитой в философии, а затем было обосновано в науке. И идея современной демократии, разделения властей тоже была выдвинута в философии. Прежде, чем американская конституция была создана, был Локк, который за сто лет до американской конституции развил идеи разделения властей и прав человека. Все это взяли на вооружение отцы американской конституции.

Заготовка новых категориальных смыслов органична для философии. Неудивительно, что наука всегда обращается к ней, когда осуществляет прорыв к новым предметным мирам. Многие великие ученые, которые развивали фундаментальную науку, были великими философами. Некоторых из них вообще непонятно по какому ведомству числить. Р. Декарт,

Г. Лейбниц — они философы, но они и великие математики. Такие ученые как И. Ньютон, А. Эйнштейн, Н. Бор, Ч. Дарвин, В. Вернадский — великие умы, которые были естествоиспытателями, но и внесли значительный вклад в философское понимание науки. Философская работа — обязательное условие для того, чтобы увидеть открываемые наукой явления под новым углом зрения, устранить парадоксы, которые возникают при использовании старых категориальных смыслов, трансформировать эти смыслы.

Завершая разговор о связи философии и науки, еще раз подчеркну, что в той части, когда философия работает с категориями, как с особыми сущностями, и когда она изобретает новые категориальные миры, которые потом могут пригодиться для будущего развития цивилизации, в этой части философия, выступает как наука. Она — наука по типу мышления близкая к математике. В свое время Лейбниц определил математику как науку о возможных мирах. По аналогии философию можно было бы определить как науку о возможных мирах человеческой жизнедеятельности.

А вот в той части, когда философия улавливает в культуре изменения, выражая их в категориальной форме смысло-образов, она ближе к искусству и литературе. Это два крыла совы Минервы, о которой писал Гегель. Без этих крыльев она не летает.

Вспоминая и свои личные встречи с Александром Александровичем, и его работы, я должен заметить, что мои собственные занятия философией науки во многом были инициированы его трудами. Ведь если бы не было его диссертации, посвященной анализу «Капитала» К. Маркса, где он показал, как возникают парадоксы в системе научного знания, как они разрешаются путем переопределения научных понятий, если бы не было его деятельности по внедрению в отечественную философию науки логических средств анализа, то, наверное, мы бы не имели тех достижений в этой области, тех новых результатов, которые мы получили в 60–80-х годах XX века.

Александр Александрович огромную роль сыграл в разработке логики и методологии науки. Но еще большую роль он сыграл, являя собой образец научного сознания, образец того, как надо мыслить. Это то самое неявное знание, о котором писал Полани, которое трудно расчленишь, но без которого наука тоже не существует. Александр Александрович был не только настоящим ученым, он был подлинным философом. Он работал в обоих аспектах философского знания — и художественно-

образном и строго концептуальном. И он умел органично переходить от одного к другому. Большинству из нас этого не дано. Мы обычно концентрируемся на одном стиле мышления, а другой уже трудно дается. Но у А. А. Зиновьева, с одной стороны, удивительно сочеталось его умение увидеть изменения в культуре, построить свои антиутопии, которые часто пророчески предсказывали будущее, развивать философские идеи в форме литературы, а, с другой стороны, создавать профессиональные философские работы, строго научно обосновывая каждое положение, четко расчленивая смыслы, формулируя проблемы, что свойственно науке и что представлено в его логико-философских исследованиях. В этом отношении можно сказать: да, это был действительно великий философ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

КИРКВУД МАЙКЛ,

*Заведующий кафедрой славистики
Университета Глазго (Шотландия)*

В 1978 году мне в руки попала книга «Светлое будущее». Первый абзац первой страницы ошеломил меня. Я стал энтузиастом. Между прочим, этому первому абзацу я посвятил половину второй главы моей книги. Я, конечно, до этого знал, что появилась великолепная книга «Зияющие высоты». Но у меня сложилось впечатление потому, что мне рассказывали коллеги-литературоведы, что книга очень длинная, очень сложная. Но, прочитав «Светлое будущее», я, конечно, захотел читать дальше.

Короче говоря, я буквально все произведения А. Зиновьева, кроме сочинений по логике, читал. Решил составить конспект каждого отдель-

ного текста, записать каждое заглавие, количество страниц. Ведь долгое время книги А. Зиновьева издавались без списка глав, страниц, без указания содержания вообще.

Этот метод напросился сам собой, поскольку иначе я ничего не смог вспомнить. Но в течение этого процесса постоянного конспектирования я постепенно раскрывал мотивы, сопоставления, трактовки одной и той же проблемы с разных точек зрения в разных стилях. Короче говоря, архитектура стала зримой.

Важный момент был следующий. Я читал произведения А. Зиновьева вскоре после их появления. Констатирую: он их быстрее писал, чем я их читал. Но я был всегда недалеко позади.

Моя первая статья была опубликована примерно в 1982 году. Хотя она появилась на английском, но название русское — «Основы зиновьевизма». В этой статье я изложил свои взгляды по отношению к книгам «Светлое будущее», «Без иллюзий», «Желтый дом», «В преддверии рая», «Мы и Запад», «Коммунизм как реальность». Как видно, первая моя публикация не посвящалась лингвистическому анализу, но я так хотел ознакомить коллег с ошеломляющими открытиями о сути, так называемого, реального коммунизма, что отложил лингвистический анализ до следующей публикации.

Вторая публикация именовалась так: «Elements of Structure in Alexander Zinoviev's «Зияющие высоты». Примерно так, точно не помню. Во всяком случае, речь в ней шла о структуре в этом произведении. Я решил изучать этот вопрос, поскольку пришел к заключению, что многие комментаторы или же всю книгу не читали, или, если читали, то только очень поверхностно. Это мне показалось ясно хотя бы по той простой причине, что у этих комментаторов часто говорилось о хаотичности произведения.

Я доказал противоположное тем, что я выявил десятки цепей ассоциированных текстов и десятки тем, которые являлись только частично в этих цепях. Короче говоря, сложное дело и не тема для устного изложения.

В последующие годы появлялись публикации по разным темам, к которым А. Зиновьев возвращался не раз, в разных местах, в разных периодах. Используя проверенный метод — конспектирование, я сумел собрать размышления А. Зиновьева из разных книг, статей, интервью по той или иной теме и привлечь внимание читателей к тому, что именно думает А. Зиновьев по данному вопросу.

С большим интересом я читал то, что писал А. Зиновьев по теме «Война». Появилась моя статья о войне в произведениях А. Зиновьева. Между прочим, он очень убедительно и трогательно писал о своей военной службе. Особенно мне понравились по этой теме его стихи. Они, на мой взгляд, ничуть не уступают Василию Теркину. Эти стихи находятся в большинстве в «Преддверии рая», хотя они есть и в «Зияющих высотах».

Очень интересовался вопросом о разнообразии стилей в произведениях А. Зиновьева, хотя последние его произведения такого разнообразия уже не проявляют. Дело в том, что подход к анализу литературы А. Зиновьева по интересующему вопросу выходил за границы целого ряда дисциплин, что, с одной стороны, расширило поле деятельности, а, с другой, служило препятствием для обыкновенного научного анализа.

Этим я хочу сказать, что критический анализ зиновьевской мысли с обыкновенной научной точки зрения сталкивался с препятствием, что Зиновьев ускользнул за рамки данной дисциплины. Зато многоплановый анализ трудов А. Зиновьева уже не был по силам рядового эксперта, работающего в рамках своей дисциплины. Но, как он сам неоднократно заявлял, для научного анализа гротескного нужен подход, который готов использовать юмор, как средство. Вот почему за научным дискурсом в одном месте следует стих или разговор между выпившими сотрудниками.

Лингвистический анализ А. Зиновьева выявляет и следующий момент. Возникают противоречия, повторения, кусочки одной книги переносятся во вторую, даже третью. И сравнительно просто выявить постепенный поворот во взглядах А. Зиновьева по отношению, во-первых, к реальному коммунизму, во-вторых, к реальному капитализму.

Пожалуй, я тут закончу свой лингвистический анализ произведений А. Зиновьева. Я его не вел после появления книги «Смута в Царьграде». Есть предложение развить мои исследования о теме идеологии в произведениях А. Зиновьева (издавалась глава в книге по этому вопросу несколько лет назад), чтобы включить произведения, появившиеся в этом тысячелетии.

К такому анализу я готов.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТАХ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Ю. С. ДАВЫДОВ,

*Президент Пятигорского государственного
лингвистического университета, академик РАО,
доктор экономических наук*

Уважаемые участники наших сегодняшних чтений, мне хотелось бы начать свое выступление перед вами со слов Сергея Кугушева, футуролога, который говорил, что Александр Зиновьев принадлежит не прошлому, а будущему.

Мне хотелось бы обратить внимание присутствующих на то, что это будущее может быть достигнуто только через понимание происходящих в мире процессов и активную позицию людей, борющихся за свое будущее, а не пассивно соглашающихся и созерцающих происходящее.

«Понимание,— как отмечал А. А. Зиновьев,— есть тяжелый труд, с которым не так-то легко идти по жизни. Понимание вносит в жизнь человека тревогу, беспокойство. Оно ко многому обязывает. Оно развивает чувство ответственности за происходящее и будущее. Непонимание же избавляет человека от обременительного чувства ответственности и от чувства сопричастности к происходящему».

Добиться понимания происходящего, активной жизненной позиции в борьбе за свое будущее — это одна из важнейших задач, стоящих перед российской высшей школой, задача очень и очень трудная. Задача эта весьма трудная хотя бы уже потому, что имеет место массовое стремление людей к активному непониманию сущности современного общества, его скрытых механизмов и объективных тенденций. Это характерно для западного общества. Об этом писал А. А. Зиновьев в 1988 году, проживая в Мюнхене. Такое стремление характерно и для нынешней России. «Люди готовы,— говоря словами А. А. Зиновьева,— набивать свои головы чем угодно, только не горькими и беспощадными истинами».

К сожалению, мы имеем это уже в школе. Недавно на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова проходило творческое собе-

седование с будущими абитуриентами. Вот типичный пример для этого собеседования.

Перед комиссией выпускница из Перми, которая заявляет, что ее интересует политическая журналистика. На вопрос о том, какое важное политическое событие ожидает страну в 2008 году, она ответить сразу не может. Ей подсказывают: «Выборы президента». «Да, выборы президента»,— радуется девушка. Но вот что происходит далее. Ее спрашивают: «Что думаете о предложении оставить Владимира Владимировича Путина на третий срок?» «Конечно, нужно оставить»,— отвечает абитуриентка. «Но по закону президента нельзя выбирать более чем на два срока»,— напоминают ей. «Да? — удивляется наша абитуриентка,— тогда нужно изменить закон». «А как это сделать?»,— спрашивают ее. «Давайте опросим население». Ее спрашивают: «Кстати, а какова у нас численность населения?». Наша абитуриентка отвечает: «По-моему, миллиарда полтора».

К сожалению, почти все абитуриенты продемонстрировали полное отсутствие понимания ситуации в стране, того, как устроено государство.

Межведомственная программа «Студенчество России в 2004–2008 годах» констатирует, что сегодня формируется новый тип личности, ориентированный на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы и на ценность капитала. Программа эти ценности бесстрастно перечисляет, не оценивая их и не предлагая ничего другого. По существу, авторы программы исходят из тезиса, который провозгласил первый президент России Б. Н. Ельцин: «Стремитесь стать богатыми и заботьтесь о собственном благополучии, тогда все общество станет богатым, и все будут жить хорошо».

Ж. И. Алферов, оценивая этот тезис, говорил, что если каждый будет заботиться лишь о себе, то получится, скорее всего, то, что он будет пытаться делать это за счет других.

Подтверждением этих слов являются результаты социологических исследований, проведенных в стране, которые показывают, что у нас почти каждый шестой молодой человек считает возможным взять силой то, что ему хочется. Только один из десяти готов безоговорочно подчиняться требованиям закона. Мы добились уже «успеха»: 55% молодых людей предпочитают собственное благополучие благу коллектива. И особенно огорчительно, что в иерархии ценностей, которым отдают предпочтение молодые люди, образованность, духовное богатство занимают только 12-е место.

Формой отвлечения людей от современности, попыткой занять их чем угодно, кроме понимания происходящих в стране процессов, является то море насилия и бездуховности, которое захлестнуло наши электронные средства массовой информации. По словам бессменного руководителя программы «Очевидное–невероятное», слава богу, возрожденной на нашем телевидении, профессора Сергея Петровича Капицы, нынешние электронные СМИ ведут к одичанию страны. Страна великой культуры «пичкается» продукцией на уровне Элочки-людоедки, на уровне Буратино, у которого были коротенькие мысли и который нес свой золотой на поле чудес. И эти коротенькие мысли мы уже пытаемся экспортировать. И как это ни странно, с достаточным успехом. Мы все с вами были недавно свидетелями выступления нашей группы «Серебро» на конкурсе «Евровидение». Они выступили с песней с незатейливым названием «Song №1». Уважаемые коллеги, пели они на английском языке. Я хотел бы до вас довести содержание этой песенки на русском языке:

Дорогой, заграбастать твои денежки —
Для меня это раз плюнуть.
Мои подружки — стервы рядом со мной.
Я двигаю для тебя своей красивой попкой!
Получая над тобой все большую власть,
Я сама становлюсь свободнее.
Мальш, знай, что я сексуальная маньячка!
Я дразню тебя, плохой мальчик,
Давай, прими мой вызов, не стесняйся.
Положи свою вишенку на мой тортик!
Попробуй меня на вкус!

Аплодисменты в зале можно считать одобрением этой песенки? Одобрить ее можно, она третье место заняла на «Евровидении».

Когда речь идет об этой песенке, тот факт, что она заняла 3-е место на конкурсе «Евровидение», подтверждает вывод А. А. Зиновьева о том, что в настоящее время имеет место упрощение, вульгаризация культуры, что человечество сейчас вступило в такую фазу, стадию, когда интеллект большого масштаба ему не нужен. Это же и пример форм привития нашей молодежи прозападной системы ценностей.

Должен вам сказать, что в настоящее время в нашей молодежной печати и факт выступления нашей троицы на «Евровидении», и его содер-

жание выдаются за лучшее достижение российской культуры. А председателем экспертной комиссии, которая эту песенку выдвинула, является Лариса Долина.

Уважаемые коллеги, страшно и обидно звучат слова С. П. Капицы,— между прочим, сказаны они на заседании Правительства РФ,— о том, что «пренебрежение культурой ведет к превращению России в страну идиотов. Может, такой страной идиотов станет проще править, но будущего у нее нет».

Что же нужно сделать, чтобы изменить положение?

На мой взгляд, для этого нужно сделать следующее.

Во-первых, надо в корне изменить образ России в наших глазах. Сегодня она все еще предстает обкраденной, обесцещенной, нищей, идущей по миру с протянутой рукой. Мне думается, что это ошибочное представление. Надо показать, что у нашей страны есть силы, и духовные, и материальные, вновь стать великой державой. И в этом я вижу задачу, которую должна и может выполнить наша молодежь. Определенная программа действий в этом направлении, и это очень хорошо, содержится в апрельском послании президента России В. В. Путина Федеральному собранию.

Игорь Михайлович Ильинский в одном из последних своих выступлений подсчитал, что материальные ресурсы России в настоящее время в два раза превосходят американские ресурсы, в пятнадцать раз — немецкие и в восемнадцать-двадцать раз — японские. Но вся проблема в том, говорит И. Ильинский, как используются эти ресурсы, этот потенциал, каков механизм распределения дохода от национального богатства России.

В качестве примера скажу, что владелец Липецкого металлургического завода за прошлый год получил такие доходы, что увеличил свой капитал на 8 млрд. долларов. Это втрое больше, чем получает вся высшая школа в год.

Во-вторых, для того, чтобы изменить положение, нужно прекратить обливать грязью прошлое страны. Прошлое никогда и никому не прощает своего поругания. Будем откровенны, в этом поругании и забвении прошлого мы уже достигли значительных «успехов».

Недавно мы отмечали всенародный праздник 9 мая. В этой связи я хотел бы рассказать вам в двух словах о впечатлениях Евгения Евтушенко от одной из встреч с молодыми людьми. Евтушенко рассказывает, как на этой встрече в Москве при разговоре о Второй мировой войне

он получил записку (прошу обратить внимание, от кого) от аспиранта исторического факультета МГУ, указывающего ему на то, что он ошибается, называя Эльбу рекой, что это остров, где находился в изгнании Наполеон.

А при недавнем анкетировании в школах Москвы, опять рассказывает Евтушенко, нашлись молодые люди, которые считают, что Главкомандующим Красной Армии во время Второй мировой был не кто иной, как Суворов.

В-третьих, нам надо обратиться к словам А. А. Зиновьева: «Изучите советское общество, и вы выработаете наилучший из реалистических проектов общественного устройства для России». Применительно к вопросу, который я сейчас рассматриваю — вопросу воспитания культуры у молодежи, мы вполне можем обратиться к моральному кодексу строителей коммунизма. Если мы опустим из текста морального кодекса строителей коммунизма слово «социалистический», то останутся (я ничего не сделал, только слово «социалистический опустил): любовь к Родине; добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга; нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и взаимопонимание; взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, нечестности, карьеризму, стяжательству; нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

Я думаю, что никто из присутствующих не станет возражать против любого из этих принципов. Но, дорогие мои, это и есть содержание морального кодекса.

В-четвертых, мне хотелось бы обратить ваше внимание на то, что в настоящее время телевидение и радио от размещения рекламы получают в год около 2 млрд. долларов дохода. Это немногим меньше того, что расходуется в стране на высшую школу. И вряд ли они откажутся после каких бы то ни было уговоров от этих доходов, ибо, как писал, например, более века назад классик, известный под именем Карл Маркс, высшая англиканская церковь скорее простит нападку на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на 1/39 ее денежного дохода. Так что нужно, вспоминая одну из басен И. А. Крылова, просто «власть употребить». Нужна политическая воля для того, чтобы положить реальное на-

чало длительному процессу вознесения культуры и образования на пьедестал ценностей.

В заключение я хотел бы обратить внимание присутствующих на два новых законопроекта, принятых в последний месяц Государственной Думой. Жаль, что у нас сейчас отсутствуют депутаты Государственной Думы, ибо было бы интересно услышать их мнение, как же они вели себя при принятии поправок к законам «Об образовании» и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Это поправки о введении Единого государственного экзамена (ЕГЭ) и поправки, касающиеся перехода к подготовке специалистов по двухуровневой, или, скорее, по многоуровневой системе в связи с вхождением нашей страны в Болонский процесс.

Что касается ЕГЭ, вряд ли можно назвать еще один вопрос, который вызывал бы так много споров среди работников высшей школы. Но ЕГЭ, как танк, прокладывает себе дорогу. Хотя эксперимент должен продлиться еще до 2009 года, закон уже принят.

При этом на первое место вроде бы выходят расширение доступности высшего образования и повышение его качества. Но, надеюсь, вы со мной согласитесь, что доступность вовсе не обеспечивается тем, что свидетельство о ЕГЭ можно отправить в любой из 652 государственных вузов и еще такое же количество негосударственных. Доступность обуславливается самой возможностью обучения, т. е. социально-экономическими условиями. А качество также обеспечивается отнюдь не системой экзаменов, а той материальной базой и тем преподавательским составом, который ведет этот процесс.

В настоящее время главное все-таки не в этом. Главное, когда речь идет о ЕГЭ, на мой взгляд, то, что на первое место здесь выдвигается заучивание тестов. Их обещают публиковать тысячами. В то время как в основе российских педагогических традиций лежит не проверка памяти и ее объема, а умение творчески мыслить. Система тестирования, как считает председатель Совета Федерации РФ С. Миронов, заявивший, что он является идеологическим противником ЕГЭ, не учит детей самостоятельно думать и размышлять, то есть именно тому, что особенно важно с точки зрения воспитания понимающей личности. Об этом мы, прежде всего, должны, на мой взгляд, говорить.

Стоит задуматься и над выводами, к которым приходят английские исследователи тестовых экзаменационных систем. Энтони Эверит, опираясь на системное исследование государственного управления

в Великобритании, пишет, что механическое сведение экзаменационной системы к различным письменным тестам привело к тому, что учеников, которых в принципе трудно учить, школа начинает от себя отталкивать. В итоге такие дети чаще становятся членами молодежных преступных группировок, головной болью для полиции и судебной системы. Откровенно скажу, мне нигде еще в вопросах, связанных с обсуждением ЕГЭ, подобного рода ссылки на английское исследование не встречались.

Может быть, не все знают о том, что инструкция по обеспечению информационной безопасности при проведении ЕГЭ предусматривает привлечение к его проведению ФСБ, МВД и других силовых ведомств. Я думаю, что вы согласитесь со мной, что не мешало бы им лучше заняться своими прямыми обязанностями.

Я не говорю о том, что такой экзамен нельзя проводить в стране. Я считаю, что его надо проводить периодически, так же, как проводятся переписи для определения уровня развития образования в стране для определения государственной образовательной политики. Но ни в коем случае нельзя делать его обязательным, как это в настоящее время предполагается.

Кроме того, с точки зрения будущего, мне кажется это очень опасным и потому, что срок действия свидетельства о ЕГЭ полтора года. Но у нас сотни тысяч людей, которые не получили еще высшее образование, а в соответствии с законом о ЕГЭ поступление в вуз возможно только через ЕГЭ. Трудно представить, что человек, окончивший школу несколько лет назад, пойдет вместе со школьниками сдавать ЕГЭ, а это с 2009 года станет обязательным.

Если уж кто-то хочет использовать тестирования, то для этого есть система централизованного тестирования — дело добровольное. ЕГЭ — дело государственное. По ЕГЭ оценивают результаты работы органов образования. Естественно, они будут стремиться обеспечить соответствующий результат.

Один из моих коллег, краснодарский ректор заявил, что среди тех, кто сдает ЕГЭ в Краснодаре, высшие оценки получают менее половины выпускников, а вот в некоторых соседних республиках — 90%. Я говорю о том, что использование ЕГЭ для предотвращения подобного рода явлений уже показало свою несостоятельность.

Следующий законопроект, который уже принят, — о переходе к многоуровневой системе образования.

Уважаемые коллеги, я сторонник, горячий сторонник многоуровневой системы образования. Но у нас различные подходы к этой системе образования.

На Западе в настоящее время далеко не все положительно оценивают переход к многоуровневой системе. Многие ведущие университеты заявляют, что они сохраняют свою систему подготовки специалистов. Но когда в рамках Болонского процесса заседают министры и говорят, что они предлагают подготовку профессионально ориентированных бакалавров за 3 года, нужно иметь в виду большой удельный вес эмигрантов, которые в настоящее время живут в этих странах.

В последней Берлинской декларации в рамках Болонского процесса указывается, что выпускники высшей школы должны иметь различные направленности и профили. Вот за это положение о профилях наши чиновники и ухватились, говоря о том, что мы должны готовить профессионально-ориентированных бакалавров. Тот факт, что в настоящее время подготовку бакалавров в соответствии с законом отделили от подготовки магистров, тот факт, что для поступления в магистратуру вскоре понадобится сдавать дополнительный экзамен, тот факт, что наш министр А. А. Фурсенко заявил в Краснодаре, что он считает возможным оставить подготовку магистров только в 20 национальных университетах и в 120 университетах второго эшелона, — все это есть не что иное, как попытка наших экономических министерств сократить на 20% расходы на высшую школу.

Я за то, чтобы система была многоуровневой, но чтобы при этом мы перешли бы к подготовке бакалавров как людей с общим высшим образованием. Так же, как мы в стране в свое время обеспечили общее начальное, среднее образование. Я полагаю, что мы уже вступаем в этап, когда должны обеспечить общее высшее образование.

Я считаю, что не только в 9 классе учащиеся не могут определить, по какому профилю они будут заниматься, но и выпускники и студенты вузов этого еще не могут сделать. Я не считаю правомерными жалобы на то, что многие выпускники идут работать не по специальности. И не только у нас в стране. В Великобритании 1/3 выпускников не идет работать по специальности.

Только общее высшее образование даст возможность определиться в будущем нашим студентам.

В заключение хотел бы заметить, что снижение уровня самостоятельного и творческого мышления учащихся как следствие тотального вве-

АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ, РУССКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

А. И. ФУРСОВ,

*заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН,
директор Института русских исследований МосГУ,
кандидат исторических наук*

дения ЕГЭ и отлучение двух третьей государственных вузов от подготовки магистров в случае, если это произойдет, вообще-то говоря, отвечает современному состоянию российского общества и интересам его верхних слоев, которым высокий интеллект не нужен. Я обращаю ваше внимание на то, что это и предвидел А. А. Зиновьев. Он говорил, что система образования формируется в соответствии с реальной организацией общества и его конкретно-историческими особенностями и призвана воспроизводить новую социальную организацию в целом.

Другой вопрос: отвечает ли такой подход национальным интересам России? На наш взгляд — не отвечает.

В России в настоящее время только 21% населения имеет высшее образование. Экономика знаний предполагает, что в стране должно быть не менее половины, а некоторые говорят, что и 90%, населения с высшим образованием. Я думаю, что вопрос о доступности образования имеет первостепенное значение. Об этом особенно убедительно свидетельствует Болонский процесс.

Вы, наверное, обратили внимание: если мы посмотрим наши публикации, прежде всего, официальные, то в этих публикациях Болонский процесс определяется как процесс перехода на многоуровневую подготовку специалистов. В действительности главным в Болонском процессе является обеспечение отношения к высшему образованию как к общественному благу, то есть возможность получения его всеми на протяжении всей жизни.

Только добившись превращения высшего образования в общественное благо, мы можем, говоря словами А. А. Зиновьева, показать миру наше интеллектуальное преимущество, «переумнить» Запад и вернуть стране ее былое величие.

Сейчас Россия, как считал Александр Александрович, имеет возможность развить у себя такой интеллектуальный, духовный и моральный потенциал, имея который она не даст раздавить себя никаким внешним силам. Ключ к будущему интеллектуальному росту российского общества он видел в развитии гуманитарного высшего образования, поэтому не случайно наши Чтения проходят в гуманитарном университете, а опорной точкой интеллектуального роста России явится тот «поворот мозгов», к которому призывал А. А. Зиновьев.

Уважаемые коллеги, в своем сообщении я хочу поразмышлять над вопросом о том, какое место А. Зиновьев занимает в русской истории и в истории советского общества.

На мой взгляд, есть удивительная корреляция между тем экспериментом, который называется «Александр Александрович Зиновьев», и русской, советской историей. Русская история — это эксперимент построения общества в районе 45 параллели. Часто говорят, что канадцы тоже живут в таких условиях. Но дело в том, что за 45 параллелью в Канаде строят города с названиями вроде Ураниум-сити, Платинум-сити, и работают там вахтовым методом. У нас же это наша жизнь.

Второй аспект экспериментальности нашего общества — это уже советский аспект. Это попытка создать общество, которое должно быть, во-первых, системным антикапитализмом, во-вторых, антисистемой внутри мировой системы. Только так можно было вытащить Россию из той ловушки, в которой она оказалась между Крымской и Первой мировой войной благодаря реализации финансово-сырьевой стратегии, которую условно можно назвать стратегией Александра II и которая у нас восторжествовала с конца 80-х годов.

Если говорить об эксперименте под названием «Зиновьев», то прежде всего я хотел бы выделить такую вещь. Поскольку одна из констант, главная константа русской истории — это власть, то многие серьезные вещи, которые реализуются в России, реализуются через противостояние власти. Это не самоцель, это просто объективно так. Преодоление этой константы — это путь к самореализации. Причем так было во всех структурах русской истории. Этим структур было три: московское самодержавие, петербургское самодержавие и коммунистический порядок.

Очень интересна регулярность, как бы сказал экономист Кондратьев: в конце каждой из этих структур, когда накапливались серьезные противоречия, в обществе возникал индивид или личность, которая воплощала в себе эти противоречия. Это вообще одна из характерных черт русской истории и русского общества: поскольку у нас социальные группы и классы плохо формируются, то очень многие социальные противоречия реализуются как личностные противоречия неких людей с властью.

В конце московского самодержавия индивидуумом, воплощавшим в себе противоречия эпохи, был Аввакум, в конце петербургского самодержавия — Лев Толстой, а в конце советского периода это были два человека: Солженицын и Зиновьев. Однако если Солженицын вел свою игру, — я подчеркиваю слово «игру», — с советской системой, активно опираясь на Запад, на некое общественное движение, то Зиновьев, во-первых, не играл, а жил и двигался в своем направлении, что его «выталкивало» на противостояние, а во-вторых, в этом противостоянии Зиновьеву не на кого было опереться кроме самого себя. Это было в чистом виде противостояние индивида и системы.

В этом плане ниша Зиновьева вроде бы близка к нише Льва Толстого. Но все же я хотел бы сблизить Зиновьева с Аввакумом. Оба абсолютно бескомпромиссные люди. У обоих очень жесткое противостояние с властью. В этом плане можно сказать, что Зиновьев венчает, доводит до логического конца линию противостояния индивида системе власти. Причем это противостояние приобретает очень интересный характер: индивид противостоит власти, как минисистема большой системе.

Что сблизает, на мой взгляд, Аввакума и Зиновьева? Как я уже сказал, бескомпромиссность, каждый «гол как сокол»: ни поместий, ни счетов в банках, ни одному из них Запад не помог бы, не заступился, потому что во времена Аввакума такого Запада не было, а что касается Зиновьева, то к выходу «Зияющих высот» он не был хорошо известен на Западе, не был участником «холодной войны», которого Запад готов был защищать. Обоим — Аввакуму раньше, Зиновьеву позже — пришлось стать свидетелями крушения тех социально-духовных миропорядков, с которыми они себя соотносили. Правда, Аввакуму пришлось испытать приход его антихриста один раз, а Зиновьеву дважды. Зиновьев сначала считал трагически-неизбежным захват всего мира коммунизмом и наступление коммунистического царства, по поводу чего он написал такие стихи: «Я даже рад, что скоро сдохну, не встречу наяву с мечтой». А затем, уже в 1990 году, когда крушение коммунистической меч-

ты обернулось крушением России, Зиновьев сказал знаменитую фразу: «Метили в коммунизм, а попали в Россию». Это было уже второе крушение, которое пережил Зиновьев.

Это положение Зиновьева об отрицании советской системы как попытке ее понять, об отрицании в смысле снятия в некой схеме — оно очень интересно и важно. В известном смысле Зиновьев — это Аввакум поздней коммунистической эпохи, сменившей религиозную подоплеку противостояния власти на научно-философскую. Это линия Аввакума, доведенная до логического конца и обогащенная достижениями XX века, как научными, так и психологическими.

Наконец, еще одно сблизает Аввакума и Зиновьева. Оба знали свой народ, оба любили его. Но в то же время оба знали ему цену и не имели на сей счет никаких иллюзий.

За последние 15–20 лет о русском народе сказано очень много неприятных вещей. Привычно слышать это от реформаторов, от неолибералов, «перестроечной шпаны» и прочих. Но, пожалуй, самые жесткие характеристики, самые серьезные обвинения в адрес русского народа мне пришлось читать именно в работах Зиновьева и слышать от него во второй половине 90-х годов. Зиновьева нередко упрекали, что он не любит свой народ. Это ошибка. Начать с того, что Зиновьев — сам часть народа. Это внутренняя проблема — проблема отношений внутри самого народа, у Зиновьева есть своя правда в этом отношении. Русское слово «правда» (как и вообще русский язык и русская жизнь) — слово очень хитрое и самому себе не тождественное. Это не просто истина в смысле *veritas*, это некое иное качество, где истина сопрягается со справедливостью. Так вот, в основе позиции и поступков Зиновьева лежит правда — правда народа. Зиновьев — это мера отношения русского народа к самому себе, мера очень критического отношения.

Эта правда обусловлена целым рядом вещей. Если взять советское общество, то Зиновьев принадлежит к поколению победителей. Это те мужики, тогда молодые мужики, которые прошли войну, которые сломали хребет гитлеровской машине, которые вернулись, и вернулись без страха, в собственную страну. Их было немало — победителей, прошедших Европу, уверенных в себе, в своей правде, которые за время войны привыкли к самостоятельным решениям, иначе войну бы не выиграли. Одна из главных социальных проблем послевоенного периода — это несоответствие плеяды победителей, прошедших войну, той ситуации, которая была в стране. В этом плане, когда этих людей начали изы-

мать из социального оборота в конце 40-х годов, было очень существенное отличие от того, что происходило в 30-е годы: тогда люди не понимали, за что их сажают, они были жертвами. Эти же люди прекрасно понимали или, по крайней мере, осознавали некоторое свое несоответствие существующим порядкам.

Зиновьев относится к тому поколению, которое сделало возможным будущую десталинизацию и демократизацию общества. Но номенклатура эту демократизацию превратила в либерализацию для себя, по сути дела, украла. Но, тем не менее, десталинизация общества, то есть создание иной, постсталинской структуры советского общества — это в значительной степени заслуга вот этого послевоенного поколения. Именно на этом фундаменте потом плясали шестидесятники, делались крикливые заявления. А вот эти мужики, которые прошли войну, были очень суровыми по жизни, очень спокойными. Они не апеллировали к Западу. Я хочу подчеркнуть, это поколение не было антисоветским. Это было первое антисталинское по сути поколение. Это было поколение второй ступени развития советского общества, шедшее на смену поколению первой ступени, которое становилось уже архаическим.

Есть еще один очень важный момент, который мне хотелось бы отметить в плане того, какое место занимает Зиновьев в советском обществе. В 70–80-е годы оппозиционное движение выдвинуло несколько проектов общественного развития. В центре внимания оказались два из них: Сахарова — либеральный и Солженицына — почвеннический. Их и противопоставляли друг другу. Именно по их поводу спорила наша либеральная и диссидентствующая интеллигенция.

Но был третий проект. Причем различия между ним и вышеназванными были намного глубже, чем противоречия между Сахаровым и Солженицыным. Речь идет о проекте Зиновьева. И дело не в том, что Зиновьев не призывал к общественному перевороту, то есть к слому системы. Это был принципиально другой подход. Исходя из того, что хороших систем нет, что везде есть верхи и низы, Зиновьев стремился сформулировать принципы жизни индивидов применительно к конкретным, данным нам в ощущениях системам — принципы социального, а не только интеллектуального ухода в себя, причем ухода очень активного.

Хотя с точки зрения стратегии жизни при коммунистическом порядке программа Зиновьева исключительно важна, я хочу обратить внимание на другое. Желали они того или нет, но Сахаров и Солженицын объективно рассуждали с точки зрения новых, в советское время еще не

сформировавшихся или только начинавших формироваться господствующих групп. Адресат программ Солженицына и Сахарова — это элитарии, верхние слои. Я не говорю, что Сахаров и Солженицын сознательно работали на хозяев посткоммунистической жизни. Они никогда этого не делали. Они размышляли совершенно по-другому. Однако они стремились продумать и предложить такую модель общественного устройства, которая в идеале устраняла и снимала бы противоречия коммунистического строя. Посткоммунистический ельцинский режим снял эти противоречия реально. То, что получилось, отчасти далеко и от замыслов Сахарова, и Солженицына, а отчасти осуществило и тот и другой проекты. Но гильотина тоже была далека от замыслов Вольтера и Руссо.

Альтернативные, но в рамках одного качества, проекты Солженицына и особенно Сахарова, их позиции, взгляды получили наибольшее распространение среди той части советской интеллигенции, которая, по выражению Николая Климановича, стала интеллектуальной «пятой колонной» околопартийного истеблишмента, инициировавшего и осуществившей перестройку. В планах как Солженицына, так и Сахарова этой квазиэлитарной группе предназначалась существенная роль, а следовательно, и привилегированные позиции после смены строя. Отсюда отношение к этим двум людям со стороны представителей этой группы. Ее наиболее шустрая и не обремененная комплексами часть в постсоветское время превратилась в то, что называется у культур буржуазией.

Позиция Зиновьева смены строя не предполагала и не адресовалась к квазиэлитариям, а поэтому была неинтересна этой социальной группе. Проект Зиновьева был личностно-ориентирован. Он не предполагал занятия социально значимых позиций. Он предполагал жизнь по принципу: я — государство в одном лице. Вот таким подходом Зиновьев делал сразу два радикальных и парадоксальных шага. Во-первых, он, если и не выходил полностью за рамки традиции просвещения, ориентированного на социальное переустройство, то подходил к самому краю. А во-вторых, что еще более интересно, в своем упоре на внутреннюю работу атеист Зиновьев очень близко подошел к стратегиям личного самоусовершенствования и спасения.

Целый ряд ученых из США, Индии, арабских стран попытались взглянуть на исторический процесс не с позиций и, следовательно, не в интересах элит, не с точки зрения революционеров как будущих господствующих групп, а с точки зрения угнетенных, будь то крестьяне, черные рабы американского Юга или представители низших индийских

каст. Парадоксальным образом Зиновьев с его научной, социальной и, прежде всего, жизненной позицией, обусловленной советским строем, совпал с очень важным политически острым направлением мировой социальной мысли. Я не хочу сказать, что взгляд на историю с позиции угнетенных — полноценная альтернатива взгляду с позиции господствующих групп. Это две крайние точки. И точки односторонние. В этом плане мы оказываемся перед той же проблемой, которую когда-то сформулировал Карл Мангейм: можно ли создать знание, которое будет отражать не интересы и точку зрения господствующих групп, не интересы и точку зрения угнетенных групп, а объективно общество в целом. Я думаю, что Зиновьев очень сильно продвинулся в решении задачи вот этого целостного подхода к социальной реальности.

Еще очень важная, на мой взгляд, составляющая творчества Зиновьева заключается в том, что он выступает как последовательный критик любой системы социального неравенства, в том числе и неравенства, сложившегося в советской системе. На Западе он критик неравенства капиталистического. В этом плане он очень соответствует глубинному течению русской истории. Дело в том, что Россия — страна принципиально неклассовая, или антиклассовая. В России всегда был очень маленький избыточный продукт, поэтому, чтобы в России сформировались западноидные формы господствующих групп типа феодалов или буржуазии, здесь нужно, чтобы господствующие группы начали отбирать у населения, выражаясь марксистским языком, не только прибавочный продукт, но и необходимый продукт. Поэтому русская власть всегда в качестве одной из своих задач решала очень важную вещь: она постоянно укорачивала, ограничивала аппетиты господствующих групп, ограничивала эксплуатацию ими низов. Не потому, что она эти низы любила — плевать ей было на эти низы, и низы ей отвечали тем же, — но у низов и у центральной власти была одна сверхзадача: не допустить сверхэксплуатацию низов господствующими группами. Это было плохо и для низов, и для верхушки. Русская власть только дважды отступила от этого своего фундаментального правила: с 1860-х годов по 1917 год, получив Октябрьскую революцию, а второй раз с конца 80-х годов двумя законами: законом об индивидуальной трудовой деятельности и законом о предпринимательстве. Мы сейчас живем в период этого второго исключения из фундаментального правила русской власти.

Зиновьев, анализируя коммунистическое общество, а в варианте коммунистического общества он видел одну из изоморф русского обще-

ства, попытался найти адекватный понятийный аппарат для анализа этого общества. Дело в том, — так сложилось по разным причинам, — что и в XIX, и в XX веках мы имели две версии, две интерпретации русской истории: либеральную и марксистскую. И та и другая толковали русскую историю на западный лад. Очень хорошо об этом написал Максимилиан Волошин в самом начале XX века в одном стихотворении:

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани.
Наш пролетарий — гольтьба,
А наши буржуа — мещане.
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.

Одна из заслуг А. А. Зиновьева состоит в том, что он попытался разработать для анализа коммунистического общества адекватный понятийный аппарат, чтобы не «грезить» его под «чуждыми именами» всякой глупости вроде «тоталитаризма», «авторитаризма» и прочего. В этом плане, конечно, удивительно, что власть говорила примерно то же самое. Вспомним знаменитую фразу Андропова (это 1983 год), которая дословно звучит так: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся».

Зиновьев занимался как раз этим. Но именно это власть не услышала и не захотела услышать, потому что это было для нее значительно более опасно, чем движение диссидентов. Диссиденты говорят: это не правильно, то не правильно. Власть может говорить: мы будем работать, мы будем исправлять. Зиновьев говорит: то, что диссиденты считают неправильным — это и есть норма этого общества. Естественно, в краткосрочной перспективе это для власти значительно страшнее, чем мнение диссидентов. В среднесрочной перспективе власть должна была использовать учение Зиновьева как организационное интеллектуальное оружие. Воспользовались другие.

В завершение я хотел бы сказать, что А. А. Зиновьев был первопроходцем создания теоретической схемы, которая должна была анализировать русскую историю, начиная с коммунистической. Но, естественно, этот метод работает и для других периодов. В известном смысле, особенно если абстрагироваться от второстепенных деталей, система Зиновьева представляет собой грандиозную попытку теоретической и ценностной рационализации, хотя и в виде жестокой критики, коммунисти-

ческой фазы русской истории. Коммунистическая фаза русской истории действительно была высшей, экспериментально наиболее чистой фазой русской истории. Я глубоко убежден, что советское общество — это ключ ко всей русской истории. Это не телеологический подход, просто в советском обществе, при коммунистическом порядке в чистом виде проявилась особенность русской истории. Коммунизм — это русская власть, очищенная от собственности. В этом плане коммунизм как система дает ключ к пониманию предшествующей истории и будущего, поскольку мы до сих пор живем в процессе разложения коммунистического общества. То общество, которое существует у нас, которое кто-то из наших журналистов метко окрестил обществом «либерпанка» или обществом «либерастии», являет собой процесс разложения коммунистического общества. В этом плане изучение коммунистического общества — одна из центральных задач русской истории. Вклад в это дело Александра Александровича невозможно переоценить. Он первопроходец, он создал тот фундамент, на котором нам нужно работать.

РАСПАД ЮГОСЛАВИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

Е. Г. ПОНОМАРЕВА,
*доцент МГИМО МИД РФ,
кандидат исторических наук*

Я занимаюсь проблемами Югославии и пост-югославского пространства. Именно этому и будет посвящено мое выступление.

Сразу отмечу, что речь идет именно о социалистической Югославии, а не о той союзной республике, которая совсем недавно прекратила свое существование.

О причинах и процессе распада социалистической Югославии написаны сотни, если не тысячи научных исследований, не говоря уже о работах публицистического и идеологического толка. И вроде бы уже досконально изучены внутренние и внешние факторы, приведшие к краху югославский режим, а вместе с ним и эту красивую страну. Но по поводу одного из «проклятых» вопросов XX века: почему же все-таки распалась социалистическая Югославия? — однозначного ответа нет. Мыслители продолжают спорить по этому вопросу. Значит, не все ответы найдены. Значит, среди комплекса использованных методологий не было той, которая бы позволила максимально приблизиться к внутренней сущности данного объекта.

Изучая труды Александра Александровича, я пришла к выводу, что логическая социология может послужить научным «золотым ключиком», при помощи которого можно приоткрыть дверь в тайны социальных и политических процессов так называемого «порохового погреба» Европы.

Итак, сделаем некоторые методологические уточнения относительно причин распада СФРЮ сквозь призму логической социологии:

Первое. Народы и страны югославянского пространства суть социальные объекты, которые, как известно, локализованы в пространстве и времени, возникают, изменяются и исчезают. Значит, как и любые социальные объекты, они объекты исторические. Однако научный подход к ним не должен заключаться только в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Как отмечал А. Зиновьев, «не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования». Получается, что надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Второе. Посмотрим на природу того, что сложилось. Югославянские народы (сербы, хорваты, словенцы, македонцы, черногорцы) представляют собой человеческие объединения, которые А. Зиновьев емко назвал «человейниками». Человейник занимает и использует определенное пространство (территорию), обладает относительной автономией в своей внутренней жизни, производит или добывает средства существования, защищает себя от внешних явлений, угрожающих его существованию, обладает внутренней и внешней идентификацией, обеспечивает свое

развитие и самосохранение. Именно так формировались и развивались югославянские человеичники, начиная с VII века нашей эры, когда и пришли на Балканский полуостров.

Человеичники, как известно, характеризуются материалом (веществом или материей), из которого они строятся, и организацией этого вещества. Материал человеичника, согласно А. Зиновьеву, образуют не только социальные атомы, т. е. людей, но и все то, что ими создается и используется для существования (орудия труда, жилища, одежда, средства транспорта, технические сооружения и т. п.). Так вот, каждый из народов бывшей Югославии сформировался именно как самостоятельный и самодостаточный человеичник с присущими только ему характеристиками, хотя и с некоторыми уходящими в эпоху славянского нашествия на Балканы общими чертами. Эти народы прошли разные пути искусственного — имеется в виду, по Зиновьеву, социального, а не биологического — отбора. Словенцы и хорваты были в большей степени включены в орбиту западной цивилизации, а сербы и черногорцы — восточной, со всеми вытекающими отсюда формальностями социализации.

Очевидно, что характер народа не есть всего лишь сумма различных признаков, случайно собранных вместе в силу исторических условий жизни народа. Характер народа — это единый комплекс взаимосвязанных признаков. «Если такой комплекс сложился, то к нему нельзя добавить ничего постороннего и из него нельзя исключить ничего существенного, не разрушая его».

Конечно, народы исторически изменяются, но в рамках одного и того же характера. Характер народа устойчив и даже консервативен. Изменение его сверх меры ведет к его разрушению и к разрушению его носителя как единого этнического образования. Такая ситуация, например, произошла с боснийскими сербами, принявшими в период господства Османской империи ислам. Получилось, что в конце XX века противостояние между этническими сербами-мусульманами и этническими сербами-православными, в конце концов, вылилось в гражданскую войну на территории Боснии и Герцеговины. И несмотря на так называемые Дейтонские соглашения, ситуация в Боснии и Герцеговине остается нестабильной и далека от разрешения.

В достаточно долго живущем народе, а славянские народы, в общем-то, долгожители, складывается механизм сохранения его характера и передачи его от поколения к поколению, то есть механизм социальной наследственности. Этот механизм содержит в себе в снятом виде меха-

низм биологической наследственности. Но все-таки главным в нем является искусственный отбор, о котором я только что говорила, т. е. система воспитания, культура, идеология, религия, моральные нормы и другие социальные факторы. Следовательно, он является важнейшим компонентом механизма самосохранения народа вообще. Сложившись, он даже вынуждает народ приспособлять сами условия жизни к своему характеру. Возможно, даже по принципу «чем хуже, тем лучше».

Например, мифологизация воинственного героического прошлого поддерживает определенный тонус в народе. Особенно это касается сербов. Коллективный портрет серба XX века, не говоря уже о предшествующих столетиях, можно было бы сопроводить подписью «*homo militans*», т. е. «человек вечной войны». Соответствующий этос поведения и идеалы героизма, в принципе, характерны для культур пограничья, складывающихся на цивилизационных стыках, к которым относятся Балканы.

Зиновьев отмечал, что нарушение сверх меры адекватности характера народа условиям его существования может привести к кризисной ситуации, к упадку народа и даже к его исторической гибели. Возможно, что нивелирование, например, образа «отмщения Косова», сопровождавшего сербского человеичника с XIV века, приведет к его деградации. Здесь я имею в виду решение вопроса о статусе Косова как самостоятельной единицы.

Третий момент. Не любые смешения различных народов образуют единый народ. Между смешивающимися массами людей должны иметь место достаточно сильные соответствия, чтобы через несколько поколений они слились в однородное целое. Отсутствие таких соответствий стало одной из причин того, что население СФРЮ не превратилось в единый народ, несмотря на всю работу и продвигаемую идеологию так называемого «интегрального югославянства». В частности, по последней переписи, которая была проведена в единой социалистической Югославии в 1981 году, из 22 424 711 человек населения СФРЮ югославами себя назвали только 1 219 045 человек, т. е. чуть более 5% от населения.

Но, как известно, самоназвание не означает полной идентификации себя с конкретным человеичником. Как показала история, изменение ситуации в стране в 90-е годы XX века привело к быстрой смене самого названия и, соответственно, самоидентификации.

Четвертый момент. Югославия — это неудачная попытка создания сверхобщества, именно социальной организации верхней эволюционной

границы социального субъекта, определяющими элементами которой становятся компоненты сверхуровня, как определял их Зиновьев, т. е. сверхгосударство, сверхидеология, сверхэкономика, сверхкультура, сверхклеточные структуры и т. п. В Югославии, как и в СССР, формирование сверхобщества проходило в условиях военной и послевоенной разрухи, нищеты, хаоса, безграмотности населения, дефицита культуры. Коммунистическая партия во главе с Иосипом Броз Тито создавала, пыталась создать сверхобщество сверху, по инициативе высшей революционной власти и во многом благодаря ее усилиям. Власть мобилизовывала и организовывала на это массы населения, заручившись их поддержкой. Народный фронт под руководством Броз Тито действительно пользовался большой популярностью. Более того, югославянское сверхобщество складывалось в постоянной борьбе с внешними и внутренними врагами, складывалось как средство физического выживания народа между капиталистической и советской системами. Оно возникало в условиях ослабленной и даже разрушенной во время войны социальной организации общества. Последняя создавалась заново усилиями высшей власти, которая, созидая государственность, сама превращалась в надстроечную часть сверхгосударственности. Это о партии. Но собственно о партии ниже.

Пятый момент. Социалистическая Югославия была реальным типом коммунистического человекика, т. е. социальной организацией, в основу которой были положены базовые принципы коммунистической идеологии. Были ликвидированы классы частных собственников, частная собственность на землю (за исключением крестьянских наделов, которые оставались в руках крестьян) и природные ресурсы. Были обобществлены все средства производства. Все взрослое и трудоспособное население было организовано в стандартные деловые коллективы (местное содружество, самоуправленческое содружество, трудовое содружество, трудовая организация, основная организация объединенного труда, Социалистический союз трудового народа Югославии, Союз профсоюзов Югославии, Союз объединений ветеранов войны, Социалистический союз молодежи Югославии). Получалось, все население являлось наемными работниками государства. Была создана единая, централизованная и иерархизированная система власти и управления; единая плановая экономика, контролируемая и управляемая государством; централизованная и унифицированная идеология и централизованный аппарат идеологической обработки населения. При этом гражданам были гаран-

тированы (о чем уже здесь говорилось в предыдущем докладе) работа, бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование, пенсия по старости и инвалидности и другие минимальные соцблага. Были созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка, а также вооруженные силы. Причем, югославская армия, как вы знаете, считалась одной из самых сильных в Европе.

В общем, условия для развития сверхобщества в зиновьевском понимании, имелись, если бы не одна «заковыка». Югославское сверхобщество имело родовую травму. Оно формировалось не как надстройка над обществом, а как надстройка над несколькими обществами, а именно, о чем мы говорили в начале, сербским, хорватским, словенским, черногорским, македонским, мусульманским и, наконец, албанским. Сверхобщество не включило в себя общества и не подчинило их себе, и в результате закон отрицания отрицания не сработал. То есть не получилось то новое качество, которое имело возможность быть реализованным в Советском Союзе. Сверхобщество, не состоявшееся, распалось на компоненты микроуровня.

Шестой момент — последний. Распад Югославии был обусловлен несоответствием структуры сверхобщества его фундаменту. Под фундаментом я понимаю партийную власть как сверхвласть, как власть над государственностью, по терминологии А. Зиновьева, как сверхгосударственность. Так вот, в социалистической Югославии не сложилось даже единой партийной власти. Республиканские союзы коммунистов представляли и продвигали, прежде всего, интересы своих человекиков. Пока существовала большая выгода в интергированном государстве, чем в «отдельной квартире», партийные клеточки микроуровня коммунизма поддерживали единство. Как только ситуация изменилась, им показалось (подчеркиваю, показалось), что в отдельной квартире будет жить более комфортно,— партийные структуры как единственные центры власти сыграли на разрушение.

В заключение отмечу, что логическая социология А. Зиновьева позволяет исследовать процессы и явления изнутри, выявлять глубинные характеристики социальных объектов, а значит — максимально приближаться к истинному знанию. Выбранная в качестве методологии анализа распада СФРЮ логическая социология позволяет сделать вывод о принципиальной несостоятельности такой организации югославянских народов.

РОССИЯ: ПОСТСОВЕТИЗМ

Ю. Н. СОЛОДУХИН,

*Государственный советник РФ I класса,
Федеральное Собрание РФ,
кандидат философских наук*

Тип общества, сформировавшийся к началу 2000-х годов в России, А. А. Зиновьев охарактеризовал как **постсоветизм** («Фактор понимания». М.: Алгоритм, 2006. С. 420). Этот тип общественного устройства возник как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского (дореволюционного) фундаментализма.

По мнению Зиновьева, постсоветизм, как и любая синкретическая социальная организация, не есть нечто законченное и целостное, а потому неизбежно будет меняться, эволюционировать с точки зрения соотношения, баланса трех своих компонентов. Прогноз Зиновьева состоял в том, что речь может идти о следующих альтернативах: постсоветизм трансформируется в западнизированный советизм или советизированный западнизм. Иными словами, в функционировании социальной организации доминирующее значение приобретут либо компоненты, уходящие своими корнями в советский коммунизм (советизм), либо компоненты, представляющие собой российский аналог сущностных черт западнизма.

Чтобы выяснить, в какую сторону пойдет эволюция, необходимо, по мнению Зиновьева, всестороннее основательное социологическое осмысление того, что происходит в современной России. Пока такое исследование, в котором в первую очередь должна быть заинтересована власть, в стране не проводится. Тем не менее Зиновьев считал, что политика, которая проводится с приходом к власти В. В. Путина, ее результаты позволяют выдвинуть прогноз, согласно которому эволюция постсоветизма пойдет, уже идет **в сторону формирования западнизированного советизма**.

Впервые Зиновьев выдвинул данную гипотезу примерно три года назад, анализируя итоги первого президентского срока В. В. Путина. На мой взгляд, сегодня есть все основания утверждать, что гипотеза выдающегося ученого практически полностью подтвердилась. Среди базовых

черт современного российского общества все больше таких, которые роднят его с советским коммунизмом в том его виде, какой он обрел к началу горбачевской перестройки. В то же время это, конечно же, отнюдь не возврат во времена позднего СССР. Формируется действительно исторически новая социальная организация, которая существенно отличается от «классического» западнизма.

Очень сжато сформулирую те черты современной России, которые в характеристике возникшего нового явления позволяют сделать вывод о нарастании советизма.

1. Укрепление позиций государства в экономике. Доля расширенного правительства в ВВП на начало 2007 года поднялась до 30% (23–24% в конце 90-х годов). Государству принадлежит 40% основных фондов. Из 20 крупнейших компаний России 5 являются государственными («Газпром», «Роснефть», РАО «ЕЭС», ОАО «РЖД», «Алроса»).

Особенно быстро восстанавливаются позиции государства в секторах, отраслях, которые образуют «командные высоты» экономики. Для нашей страны это топливно-энергетический комплекс, оборонно-промышленный комплекс, финансовый сектор. В настоящее время Российское государство контролирует 80% добычи и переработки газа, 33% нефти, ему принадлежит 40% банковского сектора.

Взяв курс на формирование инновационной модели экономического роста, государство возложило функцию «первопроходца» в этой работе на оборонно-промышленный комплекс, а в его рамках — на крупные вертикально-интегрированные холдинги, находящиеся под контролем государства. Создана государственная объединенная авиастроительная корпорация (ОАК). По аналогичному пути решили пойти в области судостроения, атомной энергетики, в радиоэлектронике, в космической отрасли.

Всего же до 2015 года количество крупных интегрированных структур, находящихся под контролем государства, в машиностроении должно составить несколько десятков. Только в ОПК их количество планируется довести до 40.

2. Движение в сторону социального государства. Несмотря на повышение удельного веса частной собственности, основным источником доходов подавляющей части занятого населения остается заработная плата. Уменьшение расходов государства на социальные нужды привело к деградации институтов здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства, культуры, науки. Попытки компенсировать этот

процесс посредством расширения платности в условиях, когда реальные доходы населения оказались ощутимо ниже, чем до начала реформ, привело к накоплению мощного потенциала недовольства. Это вынудило власть к постепенному увеличению доли социальной сферы в расходных статьях бюджета, осуществлению национальных проектов.

Если вдуматься, то это те же общественные фонды потребления советских времен.

3. Восстановление и укрепление вертикали власти. В. В. Путин получил в наследство государственность, которая находилась в разорванном состоянии. Страна подошла к черте, за которой начинается распад ее политической и территориальной целостности.

Сохранение целостности России, восстановление управляемости страной команда В. В. Путина обеспечила посредством формирования модели политической системы, основными чертами которой являются доминирующая роль государства, отсутствие реального контроля над ним со стороны народа, слабость институтов гражданского общества.

В функционировании данной системы власти четко обозначились следующие тенденции.

(А) Расширение и усиление полномочий органов государственной власти, в первую очередь органов исполнительной власти федерального и регионального уровней. Все разговоры о сокращении сферы государственного регулирования, уменьшении объема разрешительных полномочий органов власти и должностных лиц, в сущности, так и остались разговорами. Число чиновников всех уровней власти достигло 1,45 миллиона человек, что ощутимо больше, чем в РСФСР, а объем экономики современной России тот же, что и в 1990 году.

(Б) Централизация власти. «Корректировка» российского федерализма, осуществленная в 2003–2006 годах (Федеральные законы №95, 131, 122, 199, 258) привела к сосредоточению основных властных полномочий и финансовых ресурсов на федеральном уровне власти. По оценкам руководителей регионов, политиков, ученых, примерно две трети жизненно важных для регионов вопросов сегодня решается федеральным центром или по согласованию с федеральным центром. Доля субъектов Российской Федерации в консолидированном бюджете страны на протяжении последних 5 лет в среднем не превышает 40%. Более половины субъектов Российской Федерации являются постоянными получателями трансфертов, других видов финансовой поддержки из федерального бюджета.

Укреплению позиций федерального центра способствовали также введение формирования Совета Федерации из представителей органов исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации, отмена выборов губернаторов и переход к системе наделения их полномочиями со стороны региональных органов законодательной власти по представлению президента Российской Федерации, введение института федерального вмешательства.

Сложившаяся в нашей стране модель «унитарного» федерализма не вписывается в мировую тенденцию регионализации, состоящую в децентрализации государственно-политического устройства, делегирования государством административных и финансовых полномочий на более низкий уровень государственной власти, органам местного самоуправления.

В) «Вершину» пирамиды власти образует лидер, которого действующая Конституция РФ наделяет широкими и сильными полномочиями. В состоянии, когда в стране фактически отсутствует политическая конкуренция, реальная оппозиция, бездействуют даже те немногие предусмотренные Основным законом нормы, которые призваны служить ограничителями (системой сдержек и противовесов) институту президентской власти. По сути, мы имеем авторитарную государственно-политическую систему.

(Г) Система принятия решений на высшем уровне власти сейчас носит закрытый характер, гораздо более закрытый, чем в Советском Союзе в период после смерти И. Сталина. Действительно, при всей значительной концентрации власти в руках лидера КПСС, славословиях в его адрес на самом деле принятие решений носило коллективный характер. Правда, сам этот коллектив ограничивался членами Политбюро, кандидатами в члены Политбюро, секретарями ЦК КПСС (в общей сложности немногим более 20 человек). Как правило, «соратники» одобряли инициативы и предложения генерального секретаря ЦК КПСС, но не всегда. Да и сами проекты решений, которые выносились на высший уровень, были результатом довольно сложной процедуры согласований, в ходе которой формировался баланс интересов, политические компромиссы. Такое впечатление, что в современной России нет даже такой, ограниченной коллективности. Состав институтов президентской власти (Совет безопасности РФ, советы и комиссии при Президенте РФ) формируется Президентом РФ. Государственный совет РФ состоит из губернаторов, которые, по сути, тоже назначаются Президентом РФ. Политбюро, сек-

ретариат ЦК КПСС избирались. Возможно, имеется неформальный «ареопаг», который играет существенную роль в подготовке решений, принимаемых Президентом РФ. Но о том, кто в него входит, российскому обществу, по большому счету, достоверно мало что известно. Даже тем экспертам, которые ежемесячно составляют списки 100 самых влиятельных политиков России.

4. Советский стиль функционирования государственно-политической системы. Параллели очевидны. Роль и функции Администрации Президента РФ очень близки роли и функциям аппарата ЦК КПСС. Президент РФ формирует Правительство РФ, руководит его работой, что вполне в русле традиции, у истоков которой находился В. И. Ленин. В. В. Путин имидж нанятого народом главного менеджера успешно сочетает с имиджем «вождя народа», «лидера нации», стоящего над политическими распрями, партийными битвами. Формально это вроде бы отличается от советской политической системы, основу которой составляла руководящая роль КПСС. Но поскольку другой партии в СССР не было, поскольку КПСС официально провозглашала себя партией всего народа, то ее лидер естественно был вождем всех советских людей. И в программных выступлениях, обращениях генеральные секретари ЦК КПСС также говорили от имени всей нации и апеллировали ко всей нации, поверх голов партийных функционеров и государственных чиновников.

Еще одна черта стиля современного режима, роднящая его с советским режимом,— отчетливо выраженное укрепление позиций и влияния правоохранительных органов и силовых структур. Было бы упрощением связывать эту тенденцию с определенным этапом в биографии нынешнего главы Российского государства.

Повышение роли «силовиков», силовых ведомств началось еще в период президентства Б. Н. Ельцина. В 2000-е годы данная тенденция усилилась настолько, что эта сфера стала главным поставщиком кадров для органов не только исполнительной, но и законодательной власти всех уровней.

Подобную «советистскую» эволюцию России А. А. Зиновьев связывает с действием объективного социального закона социальной регенерации («Фактор понимания». С. 422). Это закон, требующий для решения широкого класса проблем, возникающих в современной России, применения коммунистических методов. Это, указывает А. А. Зиновьев, имеет место и в странах Запада.

То, что объективный закон социальной регенерации проявился в нашей стране с особенно большой силой, обусловлено спецификой исторического пути России. Можно ли было решить задачу преодоления глубокого экономического и социального кризиса, восстановления управляемости страной, ставя во главу угла догматы либерального варианта рынка, формирование и развитие политической демократии, институтов гражданского общества? Полагаю, что нет. В первую очередь по причине отсутствия в России глубоких исторических традиций демократии, неразвитости гражданского общества.

В послании 2005 года В. В. Путин заявил, что «выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром». На самом деле, путеводным ориентиром эти идеалы для России никогда не были. Они и сейчас не являются таковыми для значительной части, даже для большинства российских граждан. Сохранение единства страны, восстановление управляемости ею было достигнуто командой В. В. Путина именно благодаря тому, что в своей политике он исходил не из умозрительных схем, а их исторических и современных реалий.

Реалии же эти были таковы, что о демократии можно было говорить, только обладая большим воображением. На самом деле режим представлял собой причудливую смесь региональной «вольницы», олигархии с отдельными демократическими вкраплениями. В стране отсутствовали политические силы, партии, способные к продуктивной деятельности. С 1994 до 2003 года, 10 лет, в Государственной Думе большинство, иногда значительное, принадлежало левым, в первую очередь КПРФ. Однако законодательная деятельность, способная дать импульс восстановлению хозяйства, экономическим и социальным реформам, отсутствовала. Зато в изобилии принимались популистские решения, не обеспеченные финансовыми ресурсами и потому невыполнимые. Горбачевско-ельцинский прорыв на Запад не состоялся. России дали ясно понять, что ЕС и НАТО рассматривают нашу страну скорее как проблему, а не как стратегического партнера.

Созданная В. В. Путиным система, несомненно, имеет авторитарные черты. Их возможность заложена в самой Конституции РФ, обеспечивающей доминирование исполнительной ветви власти над властью законодательной. Объективные обстоятельства превратили эту возможность в действительность. Однако авторитарность как черта политического

режима не обязательно есть зло. Между авторитаризмом, особенно на развитых стадиях этого режима, и демократией не существует различий качественных, они только количественные. Во многих своих характеристиках «путинизм» более демократичен, чем какой-либо иной режим, существовавший в истории России.

Политико-экономическая система, построенная В. В. Путиным, достаточно прочна. Она способна противостоять любым угрозам извне и любому массовому оппозиционному движению внутри страны. Собственно, таких движений нет, их появление не предвидится. Эта система в гораздо меньшей мере зависит от колебаний цен на нефть, газ, сырье, чем принято считать. Несмотря на нынешний всплеск напряженности в отношениях с Западом, опасность внешнеполитической изоляции страны представляется нереальной.

Демократия западного образца в России невозможна ни сегодня, ни в обозримом будущем. Потому что можно форсированно провести приватизацию, но невозможно форсированно изменить менталитет, политические традиции и политическую культуру нации.

ЧТО ТАКОЕ ИСТИННЫЙ КОММУНИСТ

В. В. БОЛЬШАКОВ,

*Шеф-редактор
информационного агентства ФК «Новости»*

После выхода в свет книги Александра Зиновьева «Зияющие высоты» его стали воспринимать и в Советском Союзе, и на Западе как антикоммуниста и антисоветчика. Не было ничего дальше от истины. Я убеждался в этом не раз. Как корреспондент «Правды» во Франции и других странах Западной Европы я неоднократно встречался с Александром Александровичем в 1989–1999 годах, в течение почти 10 лет.

Его возвращение к советскому читателю произошло именно через наше первое с ним интервью в «Правде» в 1989 году. После его возвращения в Россию наши беседы публиковались в журнале «Финансовый контроль», где я тогда был главным редактором; там же было опубликовано его последнее предсмертное интервью. Вопрос о его отношении к коммунизму был ключевым с самого нашего первого интервью. Вот что рассказывал мне Александр Александрович в 1989 году в Ницце, что дает сейчас возможность понять, как он это себе представлял:

«Конфликт между идеалами и реальностью произошел у меня еще в школьные годы. Я вырос как идеальный коммунист. Или, как говорили, “настоящий коммунист”. Не в смысле “член партии, делающий карьеру”, а как мы понимали, что такое Коммунист с большой буквы. Каким был Павка Корчагин и другие герои Гражданской войны. Таким был мой дядя, герой штурма Перекопа, известный большевик, член ЦК Михаил Маев. Он для меня был прообразом настоящего коммуниста. Ходил в шинели, отказывался от квартир и закрытых распределителей. Как говорил Маяковский, “кроме свежесмытой сорочки мне ничего не надо”. Бескорыстное служение своему обществу, своим товарищам, своему коллективу, всей Родине — это был мой принцип.

Еще мальчишкой, в 15–16 лет, когда я уже хорошо для своего возраста знал марксистскую литературу, я пришел к выводу, что если все люди будут настоящими коммунистами, жизнь будет справедливой, чистой, честной. А в реальности, увы, ничего подобного не было. В реальности люди хапали, воровали, доносили друг на друга. То есть происходило нечто прямо противоположное. Вот в чем дело».

Конфликт между коммунистическими идеалами Зиновьева и советской реальностью, начавшийся еще в юности, продолжался у него практически всю жизнь. И по мере того как российская Октябрьская революция трансформировалась в социалистическое государство, этот конфликт становился еще глубже.

Зиновьев не отказывался от этих своих идеалов, но, не имея возможности реализовать их в масштабах Советского государства, в советском обществе, в КПСС, стал их воплощать в самом себе. Именно в этом смысле следует воспринимать его известный тезис, о котором здесь уже говорили: «Я — самостоятельное государство из одного человека, я никому не служу, не следую ни за кем».

Это государство Зиновьева, без всякого сомнения, было от начала до самого конца коммунистическим.

Что касается его отношений с КПСС, то незадолго до выхода в свет «Зияющих высот» он сам пришел в партбюро Института философии АН СССР и попросил исключить его из партии. «По уставу,— как он мне рассказывал,— все равно было положено исключать. Я просто пришел в партбюро и сказал — “Исключайте”. Не потому что я считаю партию плохой, а потому что я начал совершать поступки, несовместимые по тем временам с пребыванием в партии».

Отчуждение Зиновьева от реального социализма и КПСС было обусловлено целым рядом причин. Я говорю именно об отчуждении, потому что было бы неверным говорить о том, что у Зиновьева с годами жизни в СССР сложилось неприятие советского общества. Я однажды это уточнил во время одной из наших бесед. Он говорил: «Неприятие это надо понимать только в том смысле, что существовавшая в СССР система не была реализацией моих идеалов». Это означает, что там не было реализации коммунистических идеалов «идеальных коммунистов», с которых Зиновьев с юности брал пример служения своему народу и своей Родине.

Сам по себе конфликт идеалов Зиновьева с советской системой можно считать моделью исторического противоречия между идеями коммунизма, которые подняли миллионы людей на те свершения, которые и сделали Советский Союз великой державой, и реальностью Советского государства, с которым эти идеи были несовместимы. С самого начала конфликт Зиновьева с советской действительностью носил нравственный характер, а не политический.

Иногда Зиновьева отождествляли с левыми диссидентами, которые считали, что советская действительность могла бы быть иной, если бы большевики во главе со Сталиным не отступили от ленинских идей. Зиновьев так не считал. В одном из наших интервью он говорил: «Я не рассматриваю это общество отступлением от идеалов. Я как социолог утверждаю, что другого и быть не могло. Это нормально. Это общество сложилось по законам организации масс людей в единое целое. Оно сложилось не на основе идей, а независимо от идей. Ленин говорил после революции, что марксизм поняли всего человек 50, да и то неправильно. Многие считают, что у большевиков был какой-то проект, и по нему они делали наше общество. Но советское общество складывалось по законам, о которых ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не думали. Я был первым, кто начал эти законы абстрагировать». Не случайно такой крупный французский философ как Раймон Арон сказал после

выхода книги Зиновьева «Коммунизм как реальность», что это первая научная книга о коммунизме.

В отличие от марксистов, которые считают, что новое коммунистическое общество не вызревает до революции, Зиновьев считал, что «советское общество было продолжением того, которое было до революции». Это как раз тот момент, который очень часто многие не понимают. Поясняя этот тезис, он говорил: «Революция и гражданская война — это, ведь, не только штурм Зимнего, не только Чапаев, который размахивал шашкой, или Буденный. Нужна еще и контора для того, чтобы Чапаев шашкой размахивал. Нужно документы оформлять, распределять те же самые шашки, обозы, еду. Без этого не обойдешься. Бюрократический аппарат неистребим. Он существовал и будет существовать всегда. Без него не проживешь. А это все уже было и до революции». Маркс считал, что государство, в конечном счете, отомрет. Зиновьев сказал: нет, не отомрет, общество без государства немыслимо.

Зиновьев считал, что перед революцией 1917 года в России действовали три основных социальных фактора. Отмирало дворянство как класс отживший. Набирала силу очень еще слабая буржуазия. Но существовал при этом могучий государственно-бюрократический аппарат, который, как говорил Зиновьев, вел свою родословную еще с Киевской Руси и со сборщиков дани для татаро-монгольских ханов. Вот что он сказал интересное: для бюрократии монарх или, скажем, генеральный секретарь ЦК КПСС — это вариации.

Сменив царские мундиры на буденновки и кожанки комиссаров, бюрократия дореволюционной России породила такой феномен, как партократия. Верная своей бюрократической природе, она фактически в полном соответствии с анализом Маркса в его «К критике гегелевской философии права» рассматривала государство как свою собственность, а свои бюрократические цели возвела в ранг целей государственных. В результате нескольких десятилетий своего засилья партократия последовательно уничтожала те коммунистические идеалы, в которые верил Зиновьев, превращая их в ритуальный формализм, а затем уничтожила и коммунистическое государство. Зиновьев видел, куда это приведет, еще на заре своей юности. С этого, собственно, и начался его конфликт с советским обществом.

«По существу, Сталин, став во главе государства,— говорил Зиновьев,— превратился в императора. В такого же по сути, каким стал Наполеон во Франции. Всевластным, абсолютным и неограниченным монар-

хом. И если бы он, допустим, захотел установить наследственную должность генерального секретаря, то вряд ли кто бы стал возражать. Поэтому я скептически отношусь к утверждениям о том, что Октябрьская революция прервала естественный ход русской истории. Она была прямым наследником дореволюционной системы. Даже уничтожив прежние классы собственников, революция не смогла, да и не захотела сломать российскую бюрократическую структуру управления страной. Советский строй был продолжением той системы государственности, которая сложилась в течение многих столетий в России».

По сути дела, считал Зиновьев, большевики восстановили прежнее государство, только без помещиков и капиталистов. Их победа в Гражданской войне сразу же обернулась укреплением государства и созданием новой Федерации, а затем уже и «Союза Нерушимого». И уже Ленина народ воспринимал как нового царя.

Почему так случилось? Зиновьев считал, что это не случайно, это историческая традиция, ибо есть социальные законы. И если какая-то социальная система рушится, то на ее месте привыкшая к ней масса людей создает новую систему, но максимально близкую к предыдущей. Это общий социальный закон.

Я не буду вдаваться в анализ нынешнего существующего в России общества, но если вы вчитаетесь в эти слова Зиновьева, то увидите, что сейчас происходит попытка воссоздать то общество, которое существовало до крушения Советского Союза. Это как раз тот социальный закон, который открыл Зиновьев.

Русский народ, считал Зиновьев, сформировался как народ государственный. Как только в 1918–1920 годах государственность России стала рушиться, страна немедленно распалась на десятки, сотни мини-государств и республик. Потребовались годы, чтобы все вновь собрать воедино. Как только в Советском Союзе горбачевцы попытались ослабить систему государственности, страна стала рассыпаться.

Развал СССР Зиновьев рассматривал как двоякий процесс. С одной стороны, имело место разложение партийной элиты, с другой стороны, Запад делал все, чтобы погубить Россию. Борьба с коммунизмом в этом противостоянии, как считал Зиновьев, была второстепенной. Главное было — уничтожить Россию как великую державу.

Трансформация партократии из служащих государства в хозяев неизбежно привела и к трансформации самого советского государства. «Все военное руководство, вся интеллектуальная элита Советского Союза,—

говорил Зиновьев в одной из наших с ним бесед,— оказались предателями, предали страну, народ и себя самих. Чем объяснить такое обвальное предательство? Они прекрасно знали, что предавать нехорошо. Они предавали потому, что лично им выгоднее было предать, потому что капитулировал сам главнокомандующий, и сопротивление потеряло смысл. За предательство их никто не наказывал и не наказывает. Ведь человеческая мораль — это очень хрупкое равновесие прав и обязанностей. А когда обязанностей практически не осталось, то люди, изначально нестойкие морально, лгавшие прежде и другим и себе, бывшие коммунистами не по убеждению, а по должности (а таких на высоких должностях в СССР было, увы, немало), поступили согласно своей натуре. Они потребовали себе всех прав сразу, выбросили свои партбилеты, расплозились и стали пристраиваться. Все номенклатурщики, кстати, пристроены. Вы не увидите их ни в очередях, ни с протянутой рукой. А вслед за ними и вся огромная многомиллионная КПСС расплозлась по норам, как в песок ушла».

Зиновьев не принимал того, что в СССР именовали научным коммунизмом, либо марксизмом-ленинизмом. Он создал свою теорию коммунизма, построив логико-математические модели советского общества. С помощью одной из них он, например, доказал, что кризисы возможны и при социализме, опровергнув тем самым один из основных постулатов марксизма-ленинизма о бескризисном коммунистическом обществе. Иногда говорят, что его критическое восприятие коммунизма и социально-исторического феномена Советской власти во многом кардинально расходится с традиционными и неомарксистскими оценками и находятся ближе к подходу Герберта Маркузе, нового левого идеолога 60–70-х годов, в частности, автора книги «Советский марксизм». Во многом, особенно в «Зияющих высотах», Зиновьев близок к критике Джорджа Оруэлла («Ферма животных» и «1984-й»). Хотя сам Зиновьев никакого духовного родства ни с американским идеологом «новых левых», ни с Оруэллом не признавал. В отличие от них, он не отрицал коммунизм, не хоронил его, а утверждал как идеал, говорил о необходимости исторической реабилитации коммунизма. Зиновьев считал, что коммунистическая практика была слишком кратковременной для того, чтобы судить о реальном потенциале коммунизма вообще и Советской власти, в частности. С его точки зрения, еще ничего не потеряно.

Зиновьев считал себя коммунистом, но отрицал марксизм-ленинизм, он вышел из КПСС, и в КПРФ, насколько мне известно, также не всту-

пил. Почему? Он говорил: «Я мало связываю надежд с Компартией России. И не только потому, что я не сторонник Маркса. На мой взгляд, нельзя сейчас в его теории и догмы втискивать российскую, да и любую другую реальность. Учение, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, сегодня для руководства к действию и анализа действительности не годится. Нужна новая идеология, соответствующая историческому опыту советского народа, в первую очередь, тем реалиям, которые характерны для периода Советской власти, начиная с Октября 1917 года. И эта идеология должна быть понятной рядовому гражданину, трудящемуся».

Зиновьев четко видел опасность интеграции коммунистической оппозиции в систему российского олигархического капитализма. О такой опасности он открыто предупреждал российских коммунистов. В интервью «Советской России» после парламентских выборов 2003 года, где показатели коммунистов сильно упали по сравнению с предыдущими выборами, Зиновьев резко критиковал увлечение КПРФ парламентаризмом. «Не надо бороться за какие-то посты, какие-то комитеты в Думе, даже за создание «красного пояса»,— говорил он в этом интервью.— Если коммунист приходит к власти в области, он рано или поздно перекрасится; если коммунист станет во главе Думы, он все равно предаст, если он каким-то боком прикоснется к власти — быть ему по ту сторону от партии. И это даже не потому, что они по натуре предатели, они другими быть не могут в этой системе. Выдвигая коммунистов во власть, КПРФ поставляет материал для того, чтобы компрометировать коммунистов». Это глубокий вывод.

Он считал, что, так как коммунисты играли роль самим фактом своего существования и какого-то заметного участия в общественной жизни, им нужно заняться всерьез разработкой теорий, новой идеологии, соответствующей условиям XXI века. С марксизмом, он считал, два века спустя уже ничего не сделаешь, и нынешним коммунистам сегодня брать на себя ответственность еще и за Маркса, который жил в XIX веке, не стоит. Нужно пропагандировать опыт реального советского коммунизма, а не догматического.

Зиновьев был одним из самых глубоких и острых критиков советского общества, но вместе с тем одним из самых последовательных борцов против искажения правды об этом обществе.

В одной из наших бесед уже после распада СССР он говорил: «Я защищаю не само это общество, а правду о нем. Как сторонник научного

подхода, я прежде всего отмечаю эту идеологическую перелицовку, когда советское общество изображается в жутко извращенном виде. Нравится мне это общество или нет — это второстепенно. А воспринимают этот подход, однако, так, будто я коммунистическое общество защищаю. Как бы то ни было, но это было общество поголовной грамотности. В нем минимальные потребности людей удовлетворялись, люди имели работу, гарантированное медицинское обслуживание — плохое оно или нет, другой вопрос, и т. д. Любые антисоветские идеологи воспринимают сам факт упоминания всего этого как апологетику коммунизма. Но это всего лишь реальность. Второй аспект. Я не могу сказать, что я абсолютно равнодушен к этому обществу. У меня есть свои пристрастия, симпатии и антипатии. Я продукт этого общества, человек советский, homo sovieticus, происходящий из этого советского общества.

Я говорю — это мое общество, и я продукт этого общества. Если бы я не написал «Высоты», меня бы оттуда никто не выгнал, а сам бы я не уехал. Я пришел к такому выводу, что для России существовавший до 1985 года строй был спасением, был рывком вперед, и с любым другим социальным строем Россия погибла бы. Но, защищая этот строй, я вовсе не идеализирую его. Я могу ошибаться. Но считаю, что Россия может устоять как великая страна, а русский народ может уцелеть как великий народ только с такой социальной системой. С любой другой он будет разгромлен».

Зиновьев не принял «демократической» России и считал, что тот путь, по которому она пошла в 1991 году, а то и раньше, при Горбачеве, для нее губителен. Поначалу он видел только одну альтернативу — возврат к тому, что было разрушено с перестройкой и распадом СССР. «Или русский народ,— говорил Зиновьев,— восстанавливает ту систему, которая была до 1985 года, либо он обречен на уничтожение, вымирание».

Он считал, что коммунизм, в силу того, что существовал исторически очень недолго, не использовал все свои возможности. Он был уверен в этом и говорил мне: «Я вижу путь дальнейшего развития гражданского общества, которое должно было сложиться постепенно. Оно уже начало складываться при Брежневе. Но при Горбачеве и Ельцине оно, увы, сыграло негативную роль в России. В условиях гражданской войны на него наложились разного рода негативные факторы, которые все вывернули наизнанку. В принципе, если бы развитие шло нормально, бескон-

фликтно, мирно, то это гражданское общество стало бы базой демократизации и экономического прогресса. А тут оно сыграло разрушительную роль.

На последнем этапе развития советского общества уже стала возможна борьба различных социальных сил. Вырисовывался путь нормального развития в рамках коммунистической системы. Эту возможность пресекли. Стратеги “холодной войны”, которые понимали, к чему это ведет, увидели возможности такого развития довольно четко. И это их испугало. Ведь одной из главных задач “холодной войны” было не допустить, чтобы коммунистическая система стала заразительным примером».

Анализируя эволюцию социальных и управленческих систем в мировом сообществе, Зиновьев к концу XX века пришел к выводу, «что какие бы перемены на политическом уровне ни произошли, радикальные социальные перемены уже невозможны. Если даже допустить, что к власти приходят коммунисты и провозглашают восстановление Советской власти, направление социальной эволюции страны это уже не изменит. Поздно. Процесс зашел слишком далеко. Запад имеет достаточно сил, чтобы не допустить восстановления коммунистического строя. В странах бывшего Советского Союза уже сложились мощные силы, которые действуют и будут действовать совместно с силами Запада».

Отмечу, что этот прогноз Зиновьева блестяще подтвердился на примере Молдовы, где к президентской власти пришел лидер Компартии Молдовы. В России он подтвердился в целом ряде субъектов Федерации, где правили губернаторы-коммунисты. Наш «красный пояс» просуществовал недолго. Наши «красные губернаторы» также прислуживали олигархам и местным воротилам, как и их коллеги-демократы. Пример трансформации бывшего первого секретаря Орловского обкома КПСС г-на Строева — лишь один из многих, но, увы, не единственный.

В последние годы своей жизни Зиновьев завершал свою работу над научной теорией реального коммунизма. В одной из наших бесед он говорил: «Если понимать под коммунизмом общество всеобщего благоденствия, справедливости, равенства, изобилия, то это неосуществимая утопия. И Советский Союз не был таким. Если же понимать под коммунизмом тот тип социальной организации, какой имел место в Советском Союзе, то тут требуется научная теория реального коммунизма. Без нее всякие прогнозы насчет будущего коммунизма лишены смысла. Я много

работал над такой теорией. Довольно много результатов этих моих поисков приведено в моих книгах».

Основываясь на том, что он уже сделал на этом направлении, он пришел к выводу, что реальный коммунизм уже сыграл свою великую историческую роль, оказав колоссальное влияние на ход эволюции человечества. В этом смысле коммунизм вошел в плоть и кровь цивилизации, завоевав тем самым место в будущем. Но коммунизм в том «чистом», концентрированном виде, какой он имел в России до 1985 года, неповторим. Зиновьев сказал: «Его следовало бережно хранить именно в том первоначальном виде, а не реформировать страну по воле руководящих кретин и предателей, а также по указке из-за рубежа». Но в России никогда не ценили и не берегли собственные достижения.

Зиновьев пришел к выводу, что у традиционных политических течений — коммунистических, антикоммунистических, националистических, либеральных, и т. д. будущего нет. «Все старые политические идеи, движения, группировки в свете происходящих в мире перемен утратили смысл».

К концу XX века Зиновьев окончательно хоронит свои надежды на реставрацию коммунизма в России. «Коммунистический социальный строй в России и Советский Союз не возродятся в течение жизни, по крайней мере, двух-трех поколений, а скорее всего, не возродятся в прежнем виде никогда. Всякие иллюзии на этот счет имеют лишь психологический и идеологический смысл.

Коммунистическая идеология и коммунистическое движение в той форме, какую им придал марксизм, исчерпали свою историческую роль. Практика реального коммунизма дискредитировала марксистские социальные идеалы в глазах широких масс населения, поскольку они (массы) считали реальный коммунизм воплощением этих идеалов. Марксизм как социальное учение перестал быть адекватным реальности. Достаточно, например, сказать, что радикальным образом изменилась социальная структура населения как западных, так и бывших коммунистических стран, так что рабочий класс утратил ту роль в обществе, какую он играл ранее.

Партии с определенной классово-основой теперь просто невозможны. Коммунистические партии утратили свою специфику, и, прежде всего, установку на революционное преобразование общества. А многие пункты их реформаторских программ стали общими местами в программах и демагогии чуть ли не всех прочих партий. Это мы наблюдаем

в последнее время на примере того, как, например, СПС выступает чуть ли не с коммунистическими лозунгами.

Самое большое, на что способны сегодня коммунистические организации, это на то, чтобы плодить явные или скрытые реставраторские умонастроения. А этого крайне мало для создания сильного и перспективного коммунистического движения. Устаревшая марксистская или дилетантская бесформенная идеология в сочетании с аморфностью социальной структуры населения не могут стать основой для создания серьезной коммунистической партии. А организации для завоевания голосов избирателей с целью избрания своих депутатов в органы, не имеющие фактической власти, — это пошлый фарс, а не серьезная историческая драма».

Зиновьев достаточно резок в своих оценках, но он справедлив.

Пожив в России, Зиновьев понял, что процесс капитализации зашел у нас слишком далеко и надо что-то делать, чтобы он окончательно не привел к полному разграблению страны. Пришло «время собирать камни» по Екклесиасту.

Однажды, когда мы готовили с А. А. Зиновьевым очередную беседу для журнала «Финансовый контроль» о проблемах управления Россией, я снова задал ему вопрос о том, каким он видит будущее нашей страны. Он сказал: «У России сейчас два выбора. Первый — идти по пути к некоему гибриду дореволюционного самодержавия и советской модели, где вся экономическая система подчинена центральной политической власти и чиновничьему аппарату. Второй путь — это более решительная западнизация. На этом пути приоритет в управлении принадлежит финансовой системе. Если эта система, которая у нас уже складывается, будет функционировать нормально, то государство в ней само неизбежно станет элементом финансовой системы. Это модель, принятая в странах Запада».

Зиновьев не стал говорить, хорош или плох тот или иной путь, который предстоит выбрать России. Как всегда он только рассматривал варианты. Ясно, однако, что идею возвращения к брежневской модели социализма он отбросил окончательно как нереальную и русским народом не востребованную. Очевидно «решительная западнизация» виделась ему в начале XXI века как путь более предпочтительный для России. Но западнизация не буквальная.

Зиновьев очень внимательно следил за тем, как с начала 60-х годов на Западе повторялась история радикализации российских дворян и разно-

чинцев. Ведь не секрет, что дети западной элиты ищут духовности, а не богатства. Они ищут возможности послужить своему народу и всему человечеству, идут «в народ». И современные народники становятся «идеальными коммунистами», такими как Зиновьев, исповедуют коммунистические идеалы. Мальчики из богатых европейских и американских семей зачитываются Бакуниным и Кропоткиным, а в последнее время все чаще — и Зиновьевым, их кумирами становятся батяня Махно и Че Гевара.

Зиновьев особо обращал в этой связи внимание на движение антиглобалистов, о развитии которого и контактах с которым говорил здесь Г. А. Зюганов. Он тоже видит в этом перспективу развития коммунистических идеалов на совершенно новом историческом уровне, на новом социальном уровне, на новом идейном уровне, если хотите, на новом экономическом уровне на фоне тех процессов глобализации, которые происходят. Не учитывать эти процессы, не видеть эти процессы — значит отрицать идеалы коммунизма, о которых говорил Зиновьев, ибо эти идеалы предполагают, в первую очередь, самое внимательное изучение реальной действительности, а не построение иллюзорных замков и иллюзорной действительности, которым занималась партократия в Советском Союзе.

Можно, конечно, на этом фоне новой радикализации западной молодежи порассуждать о феномене *deja vu*. Но дело не в том, что история повторяется. Она повторяется, только на более высоком и теперь уже глобальном уровне, ибо поиск социальной справедливости, возможностей бескорыстного служения людям, в чем для последовательных левых и есть высший смысл коммунизма — это, в общем, и смысл жизни. Даже для людей, которые далеки от партии, от идеологических структур и политических движений. То, что лидеры современных компартий этот смысл донести до масс не умеют, — это их беда, а не беда коммунизма. Очевидно, чтобы прийти к реализации тех коммунистических идеалов, в которые верил идеальный коммунист Зиновьев, потребуются и смена лидеров, и смена поколений, и неизбежная при этом трансформация коммунистического учения. Вот тогда, может быть, коммунизм получит снова тот исторический шанс, который по Зиновьеву, был в России упущен.

ПРИНЦИПЫ ГОМЕОМЕРИИ И ОСТРАНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

А. Э. ВОСКОБОЙНИКОВ,

заведующий кафедрой социальной и политической философии МосГУ, доктор философских наук, профессор

Большое спасибо за предоставленную мне возможность почтить в своем выступлении память об одном из своих выдающихся педагогов. Еще в 60-х годах я слушал лекции профессора Зиновьева по логике. Уже тогда нам было ясно, что это необычайший среди необычных сотрудников Института философии. А когда вывешивали на 5-м этаже знаменитую стенную газету (ее помянули в «Вопросах философии»), то я своими глазами видел, как очень многие лучшие представители интеллигенции Москвы стекались в Институт в течение 2-х дней, пока комиссия из ЦК партии не снимала ее (Институт философии напрямую подчинялся идеологическому отделу ЦК партии, минуя городские структуры). В эти два дня происходило что-то необыкновенное, потому что возникали какие-то свежие мысли, смелые идеи.

Но все равно все мы тогда были еще рабами, которых знаменитый писатель призывал понемногу выталкивать из себя, вытеснять из себя это рабское начало. И немало людей гордилось тем, что они медленно, ох, как медленно выдавливали или сейчас выдавливают из себя раба. Но были люди, и в числе правофланговых уважаемый Александр Александрович Зиновьев, которые никогда не были рабами, которые изначально были свободными, независимыми личностями и, более того, откровенно провозглашали себя независимым суверенным государством.

А как это возможно, если опираться на величайший опыт философской мудрости? Как возможно одному человеку нести в себе так много? Еще в Древней Греции, в античности, еще у Анаксагора, а потом у других, параллельно и в буддисткой философии возникло представление, что очень многое может существовать в чем-то единичном — это так называемый принцип гомеомерии. Все может существовать в единичном, но, правда, в потенциальной форме. Превратить эту потенциаль-

ность в актуальность дано не каждому. Удалось это профессору Зиновьеву, и удалось бесподобно. Он действительно был суверенным, независимым государством, еще раз доказав возможность актуализации того, что заложено гомеомерически в каждом из нас.

Кстати, если обратиться к масштабной иллюстрации того же самого принципа, то, вероятно, многие из вас знают о физическом принципе «зашнуровки». Он сводится к тому, что если уподобить все мироздание матрешкам, вложенным друг в друга, то довольно долго можно теоретически, мысленно вынимать из больших матрешек маленькие. Но как только мы доходим до самых начальных уровней микромира, происходит что-то необъяснимое, чудесное в известном смысле. Теоретически извлекая из самых тяжелых элементарных частиц то, что в них заложено, мы получаем нечто гораздо большее, чем они сами. Это и называют эффектом «зашнуровки»: на каком-то уровне мир оказывается как бы вывернутым наизнанку, и постепенно от самого уникального мы начинаем восходить к самому универсальному.

Мне хотелось бы, кроме принципа гомеомерии, вспомнить еще один важный философский эстетический принцип, связанный с творческим наследием Зиновьева. Я имею в виду принцип остранения. Сложный принцип. В Интернете идет целая дискуссия, как его толковать и понимать.

Кстати, замечу, что когда мы имеем дело с текстами, то современная герменевтика дает три варианта работы с ними.

Первый вариант: видеть то, что заложено в тексте само по себе. То есть, не выходя за его пределы, мы пытаемся постигнуть все значения и смыслы текста.

Второй вариант: мы пытаемся постигнуть, что хотел сказать автор. Это второй уровень. Там возникают новые смыслы, новые значения.

И, наконец, третий уровень. К сожалению, им часто пользуются поверхностные эпигоны, истолкователи: а что я хотел сказать в связи с этим текстом? Там больше идет «я», чем сам текст. Недаром говорят, что в молодости говорят «я», потом — «я и Пушкин», потом — «Пушкин и я», и, наконец, — «Пушкин, Пушкин, Пушкин». И так с любым текстом. Третий вариант тоже нужен, но в разумных пределах, когда сам истолкователь соотносит данный текст с эпохой и со своими идеями. Это тоже очень важно.

Я постараюсь (я уже начал это делать в своем коротком выступлении) все три принципа соблюсти: каковы тексты Зиновьева, что он хотел этим

сказать, что мы, люди, продолжающие его, хотим сказать, связывая это со жгучими проблемами эпохи.

В частности, в связи с этим кроме принципа гомеомерии, который мы разобрали, мне хочется остановиться на принципе остранения. Принцип сложно объяснять, а легче показать на примерах.

Один знаменитый меценат, покупавший картины для музея мирового значения, устраивался в удобной позе в кресле и просил повесить картину так, чтобы без особого напряжения мышц шеи он мог ее долго рассматривать. Посмотрев на нее минут 20, а иногда и более, он просил повесить ее вверх ногами. И тоже внимательно рассматривал. Это позволяло увидеть ему то, что он не видел, пока картина висела так, как ей было положено.

Один из аспектов остранения — это увидеть привычное, но в совершенно новом, неожиданном аспекте. И это постоянно делал в своих трудах Александр Александрович Зиновьев. Он самое привычное умел так повернуть, что оно виделось нами будто впервые увиденное.

Но есть второй, более сложный вариант остранения. И опять-таки здесь легче объяснить на примерах.

Пример будет киношный, как говорят. В недооцененном, но, я считаю, великом фильме Абдрашитова «Парад планет» есть такая сцена. Все отсекаю, остаюсь в рамках кинотекста этого эпизода. Группа условно погибших участников маневров. Они не мертвые, они живые. Им сказали: вы убиты, делайте, что хотите. Вот один из эпизодов. Они на острове делают шашлычок. Естественно, там есть и жидкое сопровождение. Идут нелепейшие анекдоты, треп самого низкого уровня. Хотя люди они высококультурные. Звучит все громче и громче музыка Вагнера «Вальпургиева ночь». Постепенно камера поднимается выше. Треп их становится тише и тише. Костер превращается в маленькую точку. А потом снова звук усиливается, но становится странным все, что они там делают. Мы видим это словно из иллюминатора самолета. Вот еще выше ушла камера, и всю Землю мы видим как маленький костер из глубин космоса. И такими нелепыми становятся наши каждодневные волнения, проблемы, которые мы обсуждаем с позиции более высокого измерения, с позиций инобытийных.

Величайшее свойство творчества А. А. Зиновьева — способность не отстраниться (это его отстраняли и устраняли, но не могли ничего с ним сделать), а остраниться — от слова «странность», увидеть не только нечто в неожиданном ракурсе, но видеть из другого измерения. Так он ко-

гда-то увидел двузначную логику из измерения многозначной логики. А теперь вообразите, что мы еще не знаем, что такое многозначная логика. Есть такое понятие в математике и логике — неполнота. Но мы захлебываемся от этой неполноты, нам хочется что-то прокричать на языке двузначной логики, а нет ни слов, ни символов, и мы предчувствуем, что что-то есть выше. Или, если мы вообразим себя одномерной точкой, будет предвосхищение того, что есть что-то не одномерное, а двумерное, многомерное. Из нашей одномерности мы будем воспринимать остальное как некую странность. Так, трехмерность, предчувствуемая из двумерности, кажется странностью в рамках двумерности. И лишь поднимаясь на более высокое измерение, мы обретаем временный покой, и снова возникает предвосхищение чего-то более высокого.

Наконец, мне бы хотелось остановиться на том, как прекрасно сочетались в нашем выдающемся коллеге его достижения в логике и в искусстве. Мы иногда удивляемся (и действительно, есть чему удивиться), но на самом деле это было для него естественно, потому что в его измерении, в измерении, где творят люди гораздо более талантливые и гениальные, чем мы, интуиция работает немного не так, как у нас. Наша интуиция идет из того, что на уровне бессознательного, не решив какую-то проблему, мы слепым методом проб и ошибок подбираем какой-то блок, который завершит картину. Можем заниматься другими делами, но слепой перебор идет. Наконец, блок найден. Эврика! — кричим мы, так как поступил сигнал, и ты понял, в чем суть того, над чем ты думаешь. Это подсознательная интуиция.

Таланты и большие гении творят не так. Они не снизу идут, подбирая блоки, недостающие для завершения величественного здания своего открытия. Они, наоборот, идут от более общего к этому как к частности. Они видят сразу то, где кто-то ищет, ищет и ищет. Решение им приходит сразу. Так, Моцарт говорил: «Я сразу слышу свою симфонию». Нам это не понятно, а он действительно целостно слышал ее сразу.

Такое многомерное мировосприятие было у А. А. Зиновьева. Дай бог, чтобы оно постепенно все больше расцветало в его учениках.

ВКЛАД А. А. ЗИНОВЬЕВА В РАЗВИТИЕ МНОГОЗНАЧНОЙ ЛОГИКИ

А. С. КАРПЕНКО,
*заведующий сектором логики
Института философии РАН,
доктор философских наук, профессор*

Уважаемые коллеги, сегодня здесь много говорилось о вкладе А. А. Зиновьева в философию, в социологию, в политологию, в методологию экспериментальных наук.

Я хотел бы подчеркнуть, что Зиновьев путь в науке начинал именно с логики. Его логические интересы были очень широкие, многогранные, как и в любой области, которой он занимался, поэтому я остановлюсь только на одном из логических направлений, а именно — на многозначной логике.

Многозначная логика появляется, когда к классической логике добавляются дополнительные истинностные значения: кроме «лжи» и «истины» появляется еще что-то. Выразительные возможности здесь вырастают, видимо, по экспоненте. С другой стороны, происходит сокращение классической логической парадигмы, критикуются основные законы классической логики (как раньше назывались, законы мышления) и довольно серьезно. Все это в какой-то степени характеризует стиль мышления Зиновьева.

Стоит вспомнить 1973 год, когда мы были четверокурсниками философского факультета МГУ, специализирующимися по логике. В это время Зиновьев нам читал спецкурс по многозначной логике. Он был уже известным логиком. Главное, он был первым автором монографии по многозначной логике на русском языке. До этого была только одна монография: вышла она в Америке и была написана двумя американскими логиками-математиками, очень специализированная. Это было 1952 году. В 1960 году появилась первая монография А. А. Зиновьева на русском языке. В 1963 году она была переведена на английский язык. Переработанный вариант вышел в 1968 году. Известность получила именно эта книга. На ней я кратко остановлюсь.

Сам я ее приобрел совершенно удивительным образом. После вынужденной эмиграции Зиновьева библиотеки страны стали очищать от его книг. Это не все знают. В том числе и библиотеку Института философии, где он много лет работал. Ученик Зиновьева Женя Сидоренко подошел ко мне и сказал, что можно получить эту книгу. Книги были свалены в коридоре, их не успели уничтожить, и там еще оставался один экземпляр «Многозначной логики». Книга к тому времени была уже редкой, хотя вышла она большим тиражом — 7 тысяч. Сейчас таких тиражей нет для научных книг.

Вот такое обращение с книгами неугодных. Это, конечно, было очень характерно для того времени: уничтожать и стирать память людей, неугодных тому строю. Ввиду тех глубоких перемен, что произошли с нашей страной, память эту уже стереть нельзя, тому подтверждение, кстати, наша конференция.

Само появление этой книги было большим событием. Это был 1960 год. В конце 50-х — начале 60-х годов шли оживленные, я бы даже сказал, напряженные дискуссии о статусе логики. Эти дискуссии происходили в университете на философском факультете и в Институте философии Академии наук. Тогда было очень мощным направление диалектиков, которые утверждали, что диалектическая логика есть высшая ступень мышления, а вот формальная логика — как раз низшая. Сейчас это странно, если не сказать, что смешно, но в то время все это было очень серьезно. И в это время как раз и появляется книга Зиновьева «Философские проблемы многозначной логики». 1960 год.

Конечно, это резко выделялось на фоне всей этой диалектической логики. Там вводились разные системы, много систем, которые сравнивались. Обсуждались разные проблемы, указывалась огромная западноевропейская литература, что в то время было уже большим достижением и основной массе не было известно. Все это, конечно, обращало на себя большое внимание. Книга сыграла большую роль в логической жизни страны.

Чтобы не быть голословным, я бы выделил только две проблемы, которые поднимаются в этой книге и которые, самое главное, злободневны и сейчас, хотя прошло столько лет.

Первая проблема — интерпретация истинностных значений. В 1959 году появилась большая статья Зиновьева в «Вопросах философии» именно об интерпретации истинностных значений. Это была первая в мире статья, отдельно посвященная этому. Проблема интерпретации истинност-

ных значений очень серьезная, потому что для удобства дополнительные истинностные значения обозначаются числами, различными классами чисел: натуральными, дробными, целыми, действительными, комплексными. Конечно, понимание того, что это на самом деле обозначает в логике — это проблема. Этому посвящена пятая глава книги.

С этим же связана другая проблема — интерпретация логических связок в этих новых системах. Интерпретация истинных значений должна соответствовать естественной интерпретации систем. Все эти вещи обсуждались в книге. По сей день можно констатировать: какие-то фрагменты, какие-то логические исчисления многозначной логики имеют интерпретацию. Проблема открыта, т. е. это обсуждается по сей день.

Еще одна проблема, очень, кстати, важная, серьезная — о несведении многозначной логики к двузначной. Периодически она возникает по сей день. Зиновьевым в этой книге рассматривается конкретный пример уникальности многозначной логики перед классической двузначной. Позже стали известны фундаментальные результаты в этой области, что добавление даже одного истинностного значения ведет к принципиальному отличию трехзначной логики от двухзначной. Появляются континуальные классы функций, а в классической логике есть только счетные классы, т. е. ни о каком сведении даже нельзя говорить. Видимо, вот это уже интуитивно Зиновьев чувствовал.

Что можно сказать в заключение? Конечно, нынешнее развитие многозначной логики, ее современная пора совершенно не сравнимы с тем, что было в 50–60-е годы. Я уже много лет занимаюсь многозначной логикой, имеются мои монографии, проводятся ежегодные международные симпозиумы. Найдены исключительно интересные применения многозначной логики, особенно в компьютерных науках, моделировании искусственного интеллекта, и много-много других приложений. Особое развитие получило применение чисто алгебраических методов многозначной логики. Это и понятно, потому что в основе многозначной логики лежит понятие логической матрицы. А это есть не что иное, как универсальная алгебра с выделенными элементами.

Многозначная логика настолько развилась, что когда мне в прошлом году предложили переиздать мою книгу «Многозначная логика», которая вышла через 37 лет после книги Зиновьева, я вынужден был отказаться. В том виде ее переиздавать было нельзя, потому что даже за 10 лет, которые прошли с момента ее выхода, многозначная логика сильно изменилась. Книжку надо переделывать, чем я и занимаюсь.

Конечно, несмотря на все эти современные результаты многозначной логики, ее уровень, мы не должны забывать первоходца в этой области, каким является Александр Александрович Зиновьев.

Я недавно копался в Интернете. Есть знаменитая электронная энциклопедия — думаю, многие знакомы с ней. Если там набрать «logician», то указывается список из ста логиков. Даже включены ныне живущие. Почему я обратил на это внимание? Потому что есть и другие сайты, на которых приводятся меньшие списки, российских логиков там нет. Но на этом сайте, в этой электронной энциклопедии есть два российских логика. Только два. Один из них — Шерстень, в 30-е годы создавший комбинаторную логику, которая тоже имеет большое значение в компьютерных науках. А второй — Александр Александрович Зиновьев.

ПЛАСТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА, ИЛИ ИЗО-ДИАГНОСТИКА ИНТЕЛЛЕКТА

Т. А. ЗИНОВЬЕВА,
искусствовед

Я попросила, чтобы меня пустили на эту трибуну сразу после выступавшего сейчас товарища, потому что у меня тема очень похожая. Тема про диагностику интеллекта.

Сначала в порядке мифотворчества: в начале этой конференции говорилось, что Зиновьев — это прекрасный повод для мифотворчества. Расскажу реальный биографический факт.

С папиной работой «Восхождение от абстрактного к конкретному в «Капитале» Карла Маркса» я познакомилась специфическим местом — мне этот огромный том, наверное, больший по объему, чем сам «Капитал», клали на стул, когда я в первом или втором классе занималась за письменным столом. Впоследствии я полистала и «Капитал» Маркса,

и зинovieвский труд и сказала: «Папа, неужели ты прочел “Капитал” до конца?». Я во всех изданиях, которые смотрела, дочитывала до какого-то определенного места, дальше шли неразрезанные страницы. Он сказал: «Да, действительно, я тоже прочел “Капитал” Маркса до этого самого места. А логический метод от абстрактного к конкретному сочинил сам. Но проверить-то никто не может, так как никто дальше того места “Капитал” не прочел».

Из данного анекдота можно сделать следующие методологические выводы. Можно бороться за истину, не жалея живота своего, быть героем, быть жертвой, быть мучеником и т. д. с одним условием: это должна быть истина, которую сочинил ты сам.

И второе условие. Кстати, тоже зинovieвское высказывание: не верь в истину, которую сам сочинил, не то свихнешься.

Вот такие парадоксальные вещи, которые были на самом деле. Мне с этого хочется начать мое выступление, потому что эти вещи надо помнить. При том, что это, конечно, смешно, это парадоксально, но об этом нужно помнить, когда мы занимаемся нашей концептуалистикой.

Я заинтересовалась проблемой измерения интеллекта безотносительно к папиным исследованиям. Мы очень долго никак не соприкасались в наших исследованиях. Я занимаюсь народным искусством, народным творчеством. Занималась всегда абсолютно автономно.

Кончилась советская власть, сменилась парадигма в исследовании этого явления. Социологическая парадигма себя исчерпала. Искусствоведы стали пробовать другие подходы к исследованию этого явления. Один из таких возможных подходов к исследованию народного творчества — подход когнитивный. Слово такое из Интернета вычитала — очень мне понравилось. Имеется в виду изучение особенностей мышления художников-непрофессионалов, художников, которые заведомо интеллектуально ниже, чем исследователи.

Несколько лет назад на философском факультете МГУ прошла конференция «Философия наивности». Что такое наивность? Хотя все знали, что это некое интеллектуальное качество, но точно не знал никто. Каждый на доске писал свое понимание наивности. Различались эти понятия порой диаметрально, а вкупе напоминали высказывание «шел дождь и два студента».

Тем не менее, для классификации художественных явлений по такому принципу как: искусство наивное, искусство примитивное, искусство маргиналов и аутсайдеров (в смысле психопатологии) — это вещь суще-

ствующая, этой классификацией пользуются. Но критерием отнесения того или иного явления к той или иной категории служат, как правило, анкетные данные автора, а не их художества.

Вот еще один, более ранний повод для того, чтобы поставить вопрос когнитивистский. Когда я училась в МГУ, у нас вел семинар по теории искусства В. С. Турчин. Он задает вопрос: «Есть ли прогресс в искусстве и в чем он состоит?». Один из ответов (даже можете догадаться, кто этот ответ дал) был такой: прогресс искусства состоит в нарастании интеллектуальной сложности художественной деятельности. Слова «когнитивный» я тогда еще не знала. Но поступили возражения: неужели «Черный квадрат» Малевича в интеллектуальном отношении сложнее «Джоконды» Леонардо да Винчи? Я им какую-то «лапшу вешала», но публика этого не восприняла. Иными словами, если рассматривать не анкетные данные творцов, а сами их произведения, то сделать вывод о когнитивной сложности художественного продукта невозможно. Так ли это?

Думаю, что здесь загвоздка в системе анализа художественного продукта. Нужно уметь определять эту когнитивную сложность. Причем искусствоведы имеют для этого все предпосылки.

В 70-е вошел в моду лотмановский структурализм. Для исследователей пластического искусства он не был «открытием Америки», потому что для нас формальный анализ — это конец XIX века, это Гильдебрандт, это Вельфлин. Мы осваивали его еще на первом курсе. Нам двойки за это ставили. Есть некоторая разница между этим типом анализа и структурализмом в филологии, разница терминологическая. Но не по сути.

Тем не менее, структурализм скоро иссяк, пафос свой потерял. К нему стали придираются. С какой точки зрения? Что ваши схемы, ваши подходы не отражают всей сложности произведения искусства, всей сложности процесса его создания, реальной исторически сложившейся морфологии. Всегда продукт сложнее, чем аппарат его исследования. На что оставшиеся в живых фанаты структурализма отвечали, что наша задача не состоит в том, чтобы всю сложность отразить, мы создаем инструмент, мы создаем аппарат анализа. Подзадача, которую, скажем, вы нам ставите — мы создадим этот аппарат исследования. Причем, в истины, которые сами структуралисты сочиняют, они не верят. Но это не отменяет познавательной продуктивности этих истин.

До сих пор когнитивный аспект изо-деятельности пока не получил достойного инструмента анализа. Почему? Потому, наверное, что искусствоведы слабо разбираются в интеллекте.

А кто разбирается? Разбираются ли в интеллекте психологи? Как раз слово «когнитивизм» — это аналогия в психологии нашему структурализму. Претензии к когнитивистам-психологам аналогичны претензиям к структуралистам-искусствоведам. Мол, ваших схем и ваших тестов слишком много, они не отражают сложности реальных процессов мышления. И вообще интеллектуальные тесты непонятно что измеряют. Интеллекта, как такового, не существует.

Значит ли это, что надо отказаться от идеи объективной диагностики интеллекта? Почему в науке это сложно, а на бытовом уровне сказать, что такой-то дурак — это очень просто? Никто не задумывается об этом.

А. А. Зиновьев сказал бы в данной ситуации, что надо сначала договориться о термине — что такое интеллект, надо сначала построить модель интеллекта. А потом уже с помощью этой модели можно изучать и конкретное мышление. Получается, что частным наукам (искусствоведению, психологии) собственными силами сделать это слабо. Поэтому я очень обрадовалась, когда прочла название книжки «Логический интеллект», открыла, стала читать. Это, может быть, второй раз в жизни, когда я залезла в папину логику. Наука интеллектология — вот та самая наука, которая нам может пригодиться.

Чем должна заниматься эта наука? Она должна разрабатывать модели интеллекта, разрабатывать методы моделирования интеллекта. Конечно, таких моделей и таких методов моделирования должно быть много. Если метод А. А. Зиновьева состоял в совершенствовании аппарата формальной логики, посредством которой он построил модель совершенного логического интеллекта, то наш метод, мой и моих коллег, состоит в разработке концептуального аппарата когнитивного анализа интеллектуального продукта на основе структурного анализа этого продукта.

Но вернемся к нашим баранам: что такое интеллект? Для Зиновьева это та сторона мышления, которая поддается описанию и обработке средствами логики. Подпадает ли изобразительная деятельность под эту категорию? Ответ зависит от определения интеллекта, которое мы сочинили.

А мы сочинили такое определение: интеллект — это совокупность действий по обработке информации, реализующихся в продуктивной деятельности. Я не буду долго топтаться на том, что такое информация, что такое продуктивная деятельность. Повторяю, это рабочее определение, которое не претендует на абсолютное значение, но оно позволяет построить модель интеллекта, позволяет получить инструмент.

Для многих интеллектуальный характер изобразительной деятельности проблематичен. Читала очень много книжек про творчество. Там распространено мнение, что художественное творчество иррационально, оно не поддается логическому анализу. Здесь вначале прозвучало, что есть полушарие, которое занимается логикой, есть полушарие, которое занимается чем-то другим, а гармония этих полушарий создает такой потрясающий интеллект, как у моего папы.

Мнение, что художественное творчество иррационально, основано на рассказах самих творцов, которые зачастую вольно или невольно мистифицируют свой творческий процесс. Подкрепляет это мнение некомпетентное наблюдение за процессом творчества со стороны.

В Академии художеств показывали французский фильм про Пикассо, в котором Пикассо рисует перед камерой. Кино называется «Тайна Пикассо». Свет в зале выключили. Мимо меня выбегают академики Академии художеств. К концу просмотра остался один академик, который сидел в кресле рядом со мной. Я ему тихонечко комментировала. А что же я делала? Я комментировала творческий процесс Пикассо с рациональной точки зрения, как алгоритм рациональной работы. Это было для него новостью, это было удивительно, поэтому он досидел до конца.

Что еще опровергает это мнение? Существует такой вид художественной деятельности, как дизайн. В чем сущность дизайна? Это именно рациональность разработки эстетически значимой формы. Даже просто обучение искусству по любому методу: по академическому, по авангардному методу — всегда предполагает раскадровку процесса. Какую? Рациональную. Поэтому нам не принципиально, как творит творец: «от балды» или по рациональному алгоритму, а важно, что этот процесс можно описать логически. Значит интеллект здесь уже присутствует. Эта деятельность носит интеллектуальный характер.

Что нужно, чтобы ее описать адекватно? Нужно только выявить, с помощью каких логических действий из исходной информации, скажем, из информации представления, получается информация, которую несет изобразительный продукт. К выявлению этих действий, фактически к построению моделей интеллекта, пластического интеллекта, можно подойти с двух сторон. Первая — это со стороны объекта, который подлежит наблюдению, со стороны продукта изобразительной деятельности. Другой подход — со стороны логики, со стороны концептуалистики. Поскольку в этой аудитории со стороны концептуалистики меня больше поймут, с этого и начну.

Работа мышления (все равно какого — рационального или «от балды») состоит в связывании информационных единиц, связывании информационных сигналов. Путем элементарной комбинаторики получаем два типа связи: временной и пространственной. Время и пространство имеются в виду не в физическом и не в философском смыслах, а как виды кодирования информации. Под временем подразумевается последовательная смена сигналов в одном месте; под пространством — одновременное присутствие сигналов. Соответственно, различаются две основные группы интеллектуальных действий: действия по организации информации во времени (логический интеллект) и действия по организации информации в пространстве (пластический интеллект).

Действия одного и другого интеллектов различаются целью. Цель логического интеллекта — из первого сигнала получить последний. Это делается путем установления причинно-следственных связей, связей между целями и средствами, связей ассоциативных, связей «от балды», просто перечислительных. Это не важно. Здесь речь идет об уровне этого интеллекта. Но суть интеллектуальных действий — это из первого получить последний.

Цель пластического интеллекта в искусствоведческом обиходе определяется малопонятным неспециалисту словосочетанием, хотя очень часто употребляемым — «организация пространственной целостности». Это означает: объединить разрозненные сигналы в один совокупный сигнал, то есть установить между сигналами ощутимые отношения, чтобы все эти сигналы можно было представить сразу.

В чистом виде логический и пластический интеллекты суть абстракция. Реальное мышление обрабатывает пространственную информацию посредством последовательных действий. Всякое мало-мальски логичное высказывание предполагает одновременное представление в уме двух последовательных единиц информации.

Информационная структура изобразительного продукта двоякая. В своей физической данности изобразительный продукт — пространственный. Все его элементы сосуществуют одновременно. Процесс создания изобразительного продукта протекает во времени, и процесс восприятия протекает во времени. И главное: его элементы могут быть структурированы интеллектом и как пространственная целостность, и как последовательный текст, и как их сочетание. Изобразительный продукт мы можем анализировать и алгоритмами логического интеллекта (создавать, строить), и алгоритмами пластического интеллекта.

Существует типологическое различие в обработке пластической информации преимущественно логическим либо преимущественно пластическим интеллектом.

Логический интеллект обрабатывает информацию последовательно. Он переходит от объекта к объекту, дробит единомоментную пространственную целостность зрелища на ряд отдельно рассматриваемых фрагментов. Изобразительный продукт у логического интеллекта представляет собой последовательную фиксацию отдельных объектов. А объекты конструируются из отдельных значимых признаков. Порядок работы соответствует временному принципу обработки информации: от начала — к концу, от значимого — к незначительному. Получается, по сути, не зрелище, а запись, текст.

Пластический интеллект представляет зрелище все сразу, во всех его аспектах: и как сумму значимых объектов, и как целостную пластическую форму, и как совокупность пятен на поверхности. Он ухитряется соотнести реальный размер фигуры с ее масштабом в изображении; посмотреть вдаль, увидеть перспективу насквозь, плоскость изобразительную видеть. Он фиксирует и локальный цвет объекта, и дробит его на многоцветье, и организует новую цветовую гармонию картины.

Вот видите: я вам рассказываю, как работает пластический интеллект, а многие, наверное, потеряли нить рассуждения. Потому что работа пластического интеллекта на порядок выше, чем работа обыкновенного логического интеллекта даже какого-нибудь научного работника.

Вернемся к вопросу диагностики интеллекта. Диагностика когнитивной сложности изобразительной деятельности свидетельствует о возрастании доли алгоритмов пластического интеллекта относительно алгоритмов логического интеллекта. Повторяю, мы измеряем пластический интеллект. Прогрессия эта не линейная. Следует учитывать уровни развития обоих интеллектов. Скажем, детское творчество дает образцы сбалансированного начального развития и логического и пластического интеллекта. А творчество взрослых, не умеющих рисовать, показывает нам перекося в сторону развития логического интеллекта.

И очень коротко, чтобы не задерживать ваше внимание, расскажу теперь, как обосновывается система когнитивного анализа изо-продукта с другой стороны — со стороны продукта. Она опирается на очевидные особенности строения этого продукта. Эти особенности описываются с помощью структуралистского концептуального аппарата. Но когнитивный анализ не ограничивается констатацией того, что есть в художе-

стве, каково оно. Он выявляет действия, приведшие к получению именно такого результата.

Вывести из искусствоведческого описания характеристику интеллекта его автора позволяет стратиграфическая модель переработки информации в человеческом мышлении. «Стратиграфия» — это термин из археологии. Думаю, что он всем понятен.

Мы выявляем следующие слои интеллектуальных действий: физический, технический, методический, базовый. Физический слой соответствует выполнению действий в реальности или в воображении. В техническом слое команды сознания руководят физическими движениями в порядке их планирования, в виде указаний, что надо делать. В методическом слое происходит выбор технических действий из всех тех, что человек знает. Художник как бы отвечает на вопрос «зачем?». Выбираются действия сообразно задаче изобразительной. И, наконец, базовый слой, который ставит изобразительную задачу, соотнося представление об изображаемом объекте с представлением о продукте. Вот этот базовый слой, действия, которые происходят на базовом слое и характеризуют интеллект.

Могу привести пример, чтобы было понятно. Пример аналитического углубления по слоям интериоризации. Исходное описание продукта звучит так: «В карандашном рисунке штриховкой, передающей градации тона от теней к свету, изображены объемные предметы». Вот вам искусствоведческое описание рисунка.

Мы реконструируем физический слой. Можно его реконструировать, просто увидеть, что делает художник. Можно восстановить эти действия, зная изобразительную технику. Реконструкция звучит так: «Короткие движения карандаша ритмично повторяются, на некоторых участках рисунка чаще, на некоторых реже». Реконструкция технического слоя — описание операций в профессиональных терминах: «Выполняется неравномерная штриховка в границах, намеченных контурами...» Реконструкция методического слоя — объяснение операций, зачем это делается: «...чтобы переходами от темного к светлому передать объем предметов». Наконец, реконструкция базового слоя описывает действие пластического интеллекта: «Представление об объемной форме предметов соотносится с двумерной поверхностью рисунка».

Вот оно, базовое действие. Мы его можем оценить по уровневой шкале. Я не буду подробно все эти шкалы рассматривать. Ну, допустим: может человек соотносить объемную форму реального или воображаемо-

го предмета с плоской поверхностью листа бумаги — это один уровень; не может — это другой уровень.

Предполагаемая польза от интеллектологии, кроме разработки моделей интеллекта и методов их моделирования, состоит в разработке практических рекомендаций по диагностике реального интеллекта. Я получила много заказов на разработку такой вот диагностики. Заказ от сектора народной художественной культуры Института искусствознания, чтобы я им объяснила, наконец, что такое наивность. Заказ от педагогов: как проверить эффективность развивающих и обучающих методик. Заказ от арт-бизнеса. Скажем, берут на работу дизайнера — как проверить, сможет ли он обеспечить должный уровень продукции. Заказ от арт-критиков. Может быть, вы слышали, сейчас составляется группой экспертов-искусствоведов так называемый рейтинг художников (кто лучше, кто хуже). Критерии у них никакие: кто творец, кто рыночный и т. д. — все не согласны. Посмотреть по нашим шкалам, по нашим показателям и дать если не объективную, то, во всяком случае, убедительную оценку интеллекта художника — это теперь вполне возможно.

Мы разработали следующие показатели. По группам. Очень коротко.

Первая группа показателей относится к категории формы. Это структурные закономерности изобразительной работы, которые присущи самой работе безотносительно к зрительской апперцепции: что в работе есть на самом деле. К ним относятся: композиция, пространство, конструкция, колорит, техника и материалы.

Анализ по второй группе показателей — выразительность и творчество — требует привлечения дополнительной информации помимо той, что содержится в самой работе. Это не анкетные данные творцов. Это культурный контекст создания и восприятия произведения. Конечно, разрабатывая нашу систему анализа по этим показателям, мы стремились свести на нет субъективно-оценочный фактор.

В применении перечисленных выше показателей к оценке интеллекта следует учитывать некоторые моменты. Диагностика интеллекта по изпродукции тем достовернее, чем меньше культура регламентирует использование изобразительных средств. Заказ на такую диагностику поступил от художественной культуры XX века. В XIX веке такой проблемы не стояло. В XVIII веке такой проблемы не стояло. Сейчас она стоит.

Вместе с тем, осознанность выбора изобразительных средств — тоже момент культуры новейшего времени, когда художник сам решает, какие изобразительные средства ему использовать, как ему уметь (учиться,

не учиться и т. д.). Это иногда вводит исследователя в заблуждение. Скажем, может спутать примитивы и примитивиста. Тем не менее, в таких обстоятельствах большое значение приобретают наши показатели второй группы: выразительность и творчество. Чем больше свобода творчества и меньше рефлексии в использовании изобразительных средств, тем изо-диагностика достовернее. Но это не значит, что мы не сможем решить сложные вопросы, вопросы высокоинтеллектуального творчества, что мы не можем здесь раскрыть интеллектуальную проблематику с помощью нашей системы анализа.

На сегодняшний день в нашем колледже, под моим руководством разработана подробная система анализа, интеллектуального аспекта анализа продуктов изобразительной деятельности по показателям первой группы. На подходе показатели второй группы. Это уже в следующем году, в следующем семестре.

Если вас заинтересует проблематика моих исследований и полученные уже нами результаты, то я прошу обращаться ко мне, и я вам расскажу подробнее, прочту лекции, дам методички и т. д.

ВЗРЫВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА, ИЛИ СИЯЮЩАЯ ВЫСОТА СЛОВЕСНОСТИ

К. М. КАНТОР,
кандидат философских наук

О сатирико-дифирамбическом, трагико-комическом, эпико-лирическом и художественно-научном повествовании «Зияющие высоты» и о его авторе Александре Александровиче Зиновьеве. Все, что связано с этой книгой, невероятно — и сама она, и то, кем и когда она была написана, и как, в каких условиях писалась, и где впервые была напеча-

на, и какое впечатление она произвела на родине и за рубежом, и какими последствиями обернулась ее первая публикация для автора. Я употребляю слово «невероятно» не как вялый эвфемизм салонного «превосходно», а в его буквальном значении, ибо вероятность появления такой книги, такого автора была действительно близка к нулю. Книга возникла наперекор всем социальным, житейским, даже возрастным противодействиям и ограничениям, всем детерминациям и вероятностям, ибо вероятность есть также форма закономерности. Она явилась утверждением свободы не как осознанной необходимости, но как осознанного преодоления необходимости, по крайней мере социальной, в творчества и в жизненной практике.

Невероятным было уже то, что «Зияющие высоты» явились литературным дебютом 54-летнего автора, что он не был ни профессиональным писателем, ни человеком литературной среды. Казалось, жизненный путь Александра Зиновьева определился счастливо. И дело не в том, что он давно уже был доктором философских наук, профессором, заведовал сектором в Институте философии АН СССР и кафедрой на философском факультете МГУ, был членом редакционной коллегии журнала «Вопросы философии». Его судьбу я называю счастливой, потому что он занимался тем, чем хотел, что философия была для него не средством заработка и социального престижа, а призванием, и в ней он достиг замечательных успехов на зависть осыпанным наградами и почестями маститым философским прислужникам идеологии. Зиновьев разработал самостоятельную систему многозначной логики, создал свою научную школу. Западные специалисты зачислили его в десятку крупнейших логиков мира. К нему тянулось все живое, что было в нашей философии. Из брошенных им мимоходом идей — в разговорах, на конференциях — изустные плагиаторы «делали» оригинальные статьи. Отдельные главы кандидатской диссертации А. Зиновьева его ученики — из наиболее одаренных — развернули в книги.

Что же заставило А. Зиновьева столь круто повернуть свою судьбу? Ответ на этот вопрос содержится в «Зияющих высотах» и почти в тридцати на сегодняшний день других его книгах (так что его поздний литературный «дебют» не стал, как многие ожидали, его «эндшпилем»). Я же, близко знавший Александра Зиновьева более 40 лет, остановлюсь лишь на некоторых фактах его биографии и отмечу некоторые черты «Зияющих высот», что, может быть, окажется небесполезным для постижения «феномена Зиновьева». А то, что он почти чудесный челове-

ский феномен, я понял в первые дни нашего знакомства на философском факультете в 1947 году. Еще в сельской школе Саша поразил своего учителя неумной любознательностью и одинаковым пристрастием к литературе и математике. Напутствуемый этим добрым человеком, поверившим, что его воспитанник — новый Ломоносов, Саша поехал учиться в Москву и здесь, среди столичных ребят, быстро выделился не только медалями на математических олимпиадах и талантливым подражанием Чехову (первый рассказ «Ванька»), но и таким пониманием социальной действительности, какое оказалось недоступным многим даже умудренным опытом взрослым.

Ребенком переживший коллективизацию в родной деревне под Чухломой и позднее, приезжая каждое лето в колхоз помогать матери, в Москве живший в сыром подвале «в холоде, голоде и нагоде», Александр видел чудовищный разрыв между идеалами и действительностью. Разрыв особенно нестерпимый потому, что эти идеалы объявлялись уже воплощенными в жизнь. «Социализм в нашей стране в основном уже построен», — провозгласил вождь всех времен и народов. Ложь была преднамеренной, всенародной и, казалось бы, очевидной. Московские соученики Александра — да и только ли они одни! — поверили обману. Саша стал рассказывать своим школьным друзьям о подлинном положении деревни. Опечаленные одноклассники, которые очень любили Сашу — заводилу, весельчака, отличника, — написали на него донос в КГБ, прося повлиять на их товарища, помочь ему избавиться от заблуждений. Так состоялось первое знакомство Александра Зиновьева с органами, так он впервые узнал, что такое искренняя дружба в понимании полностью социализированных и идеологизированных советских юношей и девушек («новая советская мораль»).

По сравнению с жизнью в московских подвалах («Бесконечный голод. Грязь. Поношенная одежда»), в тюрьме оказалось даже лучше: «В первый раз у меня была своя койка и я ел три раза в день из собственной миски». Когда он рассказал об этом в одном из своих интервью на Западе, ему не поверили. А некоторые обвинили в апологии сталинских тюрем. «Все, что я попытался сказать, — пояснял им Александр Александрович, — заключалось в следующем: как тяжелы были условия жизни свободного человека, если даже тюрьма казалась ему благом». О колхозе в той же автобиографии писателя сказано: «Условия жизни и труда там мало чем отличались от концентрационных лагерей». И тем не менее, предпочитая свободу любым материальным «благам», предос-

тавлять свое тело и душу «воспитателям» из тогдашней живодерни Александр не собирался. Когда два гебиста выводили его из здания на Лубянке, чтобы доставить в Бутырки, Александр воспользовался привычным доверием палачей к своей жертве: «Минутку подождите», — и был таков. Объявили всесоюзный розыск. Напрасно. Александр не вернулся ни в московский подвал, ни в деревню. Стал скитаться по стране. Год спустя, не дожидаясь срока призыва, где-то далеко от Москвы записался добровольцем в Красную Армию. А потом была Отечественная война. Воевал и кавалеристом, и танкистом, и, пройдя ускоренный курс обучения в авиаучилище, летчиком-истребителем. Получал боевые награды. Не надеялся вернуться с войны живым. Себя не жалел. И тем не менее после колхозной военной страда не показалась особенно тяжелой. «Социалистические отношения» в армии, на фронте были слегка поколеблены, но в общем-то сохранились. Это было и благом, и бедой, причиной побед и поражений.

В училище и на фронте, когда передышки затягивались, Александр «гусарил». В армии он стал чем-то вроде Теркина, только шутки его были иные, не столь безобидные. Он сочинял эпиграммы, сатирические стихи, песенки, поговорки, анекдоты, в которых высмеивал не только противников, «фрицев», но и своих, «Иванов», — всю изнанку фронтовой, армейской жизни. Таких как Теркин в армии было немало. Но, пожалуй, еще больше таких шутников, как Зиновьев. Он был лишь одним из тысяч создателей армейского, фронтового фольклора — не только героического, но и сатирического, безоглядно смелого, высмеивающего святыни официальной идеологии. Фольклора неподцензурного, к сожалению до сих пор не собранного, а между тем содержащего такую правду о войне, об армии, а стало быть и о нашем строе вообще, какую не сыщешь ни во фронтовых документах, ни в художественной литературе о войне, ни в мемуарах военачальников. Зиновьев понимал ценность армейского фольклора и насытил им свои книги.

Войну Александр Зиновьев закончил в городе Моцарта — Вене. (Один из исследователей творчества автора «Зияющих высот» назвал его «Моцартом социологии».) Из Австрии Зиновьев привез чемодан, набитый рукописями. Одну из них, повесть о войне, он показал двум известным писателям — Константину Симонову и другому, который, конечно, из «самых лучших побуждений» (как когда-то его школьные товарищи) донес на него в те же инстанции. К счастью, К. Симонов был первым читателем. Ему повесть настолько понравилась, что он посоветовал ее

уничтожить немедленно вместе со всем остальным, написанным в этом роде. Поэтому, когда пришли к Зиновьеву с обыском, найти ничего не смогли. Но на заметку взяли. Мы можем жалеть об уничтоженных рукописях. Сам же Зиновьев о них не жалеет. Он, представьте, рад, что не стал профессиональным писателем. На писательстве он поставил крест, как ему казалось, навсегда, тем более что страсть к познанию не уступала писательской.

Из привлекавших его факультетов (филологический, философский, математический) он предпочел философский, чтобы разобраться самому в основах мироустройства, понять, что такое человеческое общество вообще и в частности то, в котором мы живем. Он успел уже к этому времени создать свои собственные «правила жития», подчиня материальные интересы интересам духовным, отказываясь от любой социальной ангажированности. Еще в университете он исследовал теорию Маркса, подвергая ее сомнению, впрочем, как это делал и Маркс по отношению к любым авторитетам. Я уже не говорю о его сатирическом отношении к тем трудам Ленина и Сталина, философская нищета которых ему была совершенно ясна. Студент, он уже тогда имел учеников — и среди студентов, и среди аспирантов. Самым его любимым занятием были беседы с друзьями на социологические, философские и литературные темы. Мы бродили с ним до утра по пустынным улицам Москвы. И говорили, говорили. Больше — он. Я слушал.

Умер Сталин. Пробудились надежды. Но не у Саши. «Передерутся, как пауки в банке», — сказал он мне о ближайших соратниках. Скоро так и произошло. Потом наступила «оттепель». Самые бессовестные культисты стали витиями антисталинизма. Как по команде. У Саши это вызвало презрение.

Пока «внезапные свободомыслы» из философов растрчивали себя в эйфории антикультовской болтовни, оставаясь по существу пленниками все той же, слегка перелицованной, идеологии, Александр Зиновьев продолжал исследование самых основ общества, с неизбежностью порождающих «культ» в тоталитарной или либеральной форме. Он объяснял отличие идеологии от науки, идеологического камуфляжа социальной действительности от ее научного познания. Методологического инструментария для этой работы не существовало. Он создал его сам, осуществив критическую реконструкцию логической структуры «Капитала» Маркса — задачу фантастически сложную, решение которой до той поры оказалось непосильным никому ни на Западе, ни у нас.

Восторженные ученики А. Зиновьева говорили, что он прочитал «Капитал» четырнадцать раз, чтобы выявить его логическую структуру. Зиновьев сам посмеивался над такими преувеличениями; ради «розыгрыша» он говаривал, что вообще «не читал» ни этой, ни других книг основоположника. Что касается всех других, не знаю, но «Капитал» он проштудировал столь основательно, что его логическую структуру описал так, как, может быть, не сумел бы сделать и сам автор «Капитала». В этом нет ничего сверхъестественного. Истинный критик становится как бы соавтором писателя и, стремясь уяснить для себя, каким способом создавалась книга, объясняет на уровне вторичной рефлексии первичную рефлексии писателя, удивляя последнего тем, что тот сам в себе и не подозревал.

А. Зиновьев отвлекался от собственно политэкономического содержания «Капитала», его не интересовали ни истмат, ни борьба труда и капитала, ни доказательство неизбежности хода от капитализма к социализму, то есть все то, из чего последователи гениального мыслителя скроили идеологию, от которой он сам успел отмежеваться («Что касается меня, — говорил Маркс, — то я не марксист»).

Зиновьева интересовала только логика (она же диалектика, она же теория познания) «Капитала». Выявив, реконструировав ее, Зиновьев совершил выдающееся научное открытие. Затем, оперируя логикой Маркса как инструментом познания, он первый (не единственный ли?) вывел теорию «реального коммунизма», утвердившегося в нашей стране (но имеющего корни во всех странах). Диалектика «Капитала» сокрушала все догмы «марксистско-ленинской идеологии», показывая ее принципиальную противоположность науке. К счастью для А. Зиновьева, это не поняли сразу, хотя и почувствовали нечто опасное, когда в 1954 году он представил на защиту свою кандидатскую диссертацию «Метод восхождения от абстрактного к конкретному», впервые представив в стройной системе категорий диалектическую логику. Диссертацию трижды «заваливали» мастодонты Ученого совета, и трижды все они были посрамлены соискателем при дружном и радостном одобрении студентов и аспирантов, до небывалой тесноты заполнивших зал «защиты». Это, по существу, было первое открытое выступление против господствующей идеологии, осуществленное на столь высоком теоретическом уровне, на который не сумели подняться ее противники даже в нынешнюю пору беспредельной свободы критики. Степень А. Зиновьеву все-таки присудили (дело шло к XX съезду), но — увы! — диссертацию не напечатали.

Зато она стала первым произведением советского самиздата. Ее перепечатывали на тонкой папиросной бумаге в десятках экземпляров, ее изучали на закрытых (а порой и открытых) семинарах философов, методологов во многих аудиториях страны. На ее идеях сложилось несколько методологических школ. Историкам самиздата следовало бы знать об этом факте...

Можно ли А. Зиновьева назвать «шестидесятником»? Ожидал ли он, чтобы от «сна разума» его разбудил «роландов рог» Хрущева? Нет, он сам проснулся и не в шестидесятые, а в конце тридцатых годов. И в то время, как многие «шестидесятники», не успев по-настоящему «продрать глаза», провозгласили «свое» смелое несогласие с тем, что было, приняв безоговорочно то, что настало, чтобы потом снова впасть в «полудрему», А. Зиновьев и в шестидесятые, и в восьмидесятые оставался верен себе, своему ясному взгляду на действительность, как и в сороковые (!), не меняя одни иллюзии на другие. Он не был ни «за», ни «против» существующего режима, не собирался его изменять. Он был лишь «за» истину и «против» лжи: страсть к познанию мира, общества, человека, его духовного творчества в религии, философии, морали, науке, искусстве была и осталась его всепоглощающей страстью. Он был диссидентом в интеллектуальном и экзистенциальном, но не в политическом смысле слова. Это привело к тому, что его выталкивала и среда властей предрержащих, и среда действительной оппозиции, и среда либералов с «фигой в кармане». Он был обречен быть непонятым, нецененным и в этом смысле одиноким. Эти жизненные и духовные коллизии нашли отражение в «Зияющих высотах» и в других литературных произведениях Зиновьева.

Обычно, совершив крупное открытие, ученый всю остальную жизнь посвящает его разработке; Зиновьев же предоставил другим осваивать открытый им «материк». Таков был его жизненный принцип. Он мог бы сказать подобно Маяковскому: «Следующую вещь напишу, только переступив через самого себя». Его следующей вещью была логика, уже мало общего имевшая с логикой «Капитала». Так продолжалось двадцать лет. Исследования, статьи, книги, занятия с аспирантами и студентами, научные конференции. Для ученого мира он был и остался логиком, а тем временем он продолжал изучение общества «реального», а потом и «развитого социализма», используя свою собственную методологию. Об этой «подспудной» деятельности мало кто догадывался, даже из близко знавших его. Зиновьев чувствовал, что его присутствие в среде

коллег, осваивающих (и присваивающих) его новые логические идеи, затянулось. Надзор ГБ за его поведением, не только не содержащим в себе ничего политически враждебного, но даже примерно лояльным, запреты на творческие командировки за границу, куда пачками ездили бездари и сексоты, допекали. Наступила пора еще раз «перешагнуть через себя». Так, после тридцатилетнего перерыва он вернулся к литературе и стал автором крамольнейшей книги — «Зияющие высоты». Писалась она в экстремальных условиях. Сексоты вызнали, то Зиновьев что-то этакое пишет, хотели узнать, «застукать». Приходилось спешить. Рукопись в 600 страниц, на которую следовало, по расчетам специалистов, затратить годы и годы, была написана в полгода. На Западе книга вышла в 1976 году. Она произвела там ошеломляющее впечатление, которого, пожалуй, не ожидал и сам автор. О «Зияющих высотах» писали как о фундаментальном сатирико-социологическом исследовании советского общества, называли «дарвиновской эпопеей навыворот» (в которой происходит систематический отбор посредственностей), «гигантской притчей», «лабиринтом нового платоновского государства». Поздравляли Россию с появлением (наконец!) ее собственного Свифта. Сравнивали автора также с Вольтером, Салтыковым-Щедриным и — что я считаю наиболее соответствующим дарованию автора «Зияющих высот» — с Франсуа Рабле. «Зияющие высоты» были провозглашены «первой книгой XXI века». Прошло еще некоторое время, и книга была переведена на десяток европейских языков и стала бестселлером в Старом и Новом Свете. Литература о ней превысила ее собственный объем. Вслед за этой на Западе были опубликованы другие книги А. Зиновьева: «Записки ночного сторожа», «Светлое будущее», «В преддверии рая», «Желтый дом», социологическое исследование «Коммунизм как реальность» и многие другие. О них должен быть разговор особый, хотя все они выросли из могучего ствола «Зияющих высот» с корневой системой, уходящей глубоко в российскую советскую почву.

Известность и слава А. Зиновьева ширилась на Западе. Эжен Ионеско назвал его крупнейшим современным писателем; по представлению выдающегося социолога Франции Раймона Арона Александру Зиновьеву была присуждена премия великого Алексиса де Токвиля. Не приняли его лишь некоторые представители российской эмиграции. Его обвинили даже в русофобии. На это он ответил достойнейшей отповедью: «Признаюсь, я не испытываю чувства любви к русскому народу. Но я не испытываю к нему и ненависти. Мое отношение к нему иного качества:

я принадлежу к этому народу и разделяю его судьбу. Я часть его. Я озабочен его судьбой. И потому я беспощаден в его описании,— я не хочу обманывать самого себя и моих соплеменников. Лишь те, кто оторвался от своего народа или знает о нем из вторых и третьих рук, могут позволить себе лицемерные эмоции, именуемые любовью к народу, к которому они фактически не принадлежат... Я родился и вырос в самых глубинах русского народа. Я провел в нем почти всю свою долгую жизнь. Я вместе с ним и в нем голодал, мерз, работал, воевал. Я был колхозником, студентом, солдатом, офицером, землекопом, учителем, грузчиком, лаборантом, научным работником, профессором. Я знаю этот народ и несу его в себе самом. Я отдал ему все свои силы и способности, не требуя почти ничего взамен. И если бы мои книги могли свободно распространяться по России, русский народ ни на мгновение не усомнился бы в том, что я каждой клеточкой своего тела и своей души есть человек глубоко русский. И я очень сомневаюсь в том, что русский народ принял бы за своих всех тех, кто создает и распространяет клевету обо мне как о русофобе». («Мы и Запад». Лозанна, 1981. С. 39).

Слава Богу, книги Зиновьева вот-вот появятся в России, но его статьи и интервью, которые уже появились в некоторых наших газетах (например в «Московском литераторе»), урезают и искажают его мысли. Одни стремятся перетянуть его на сторону «правых», другие, прогрессисты, спешат «разочароваться», пытаются представить его как «правого». А он не «правый», не «левый» и не «центрист», он сам свое «направление», «партия» и даже «суверенное государство», как он сам называет себя. И сегодня им не движут никакие иные соображения, кроме озабоченности судьбой России

Но мы забежали вперед. Вернемся к прерванному рассказу. Несколько экземпляров «Зияющих высот» тогда же, в 1976 году, попали на родину. Власти взъярились. М. Суслов назвал А. А. Зиновьева врагом советской власти страшнее А. И. Солженицына, ибо Солженицын раскрыл тайну ужасов ГУЛАГа, а Зиновьев показал, изображая нормальную повседневную жизнь вне ГУЛАГа как такую, в которой ГУЛАГ естествен, по крайней мере на этапе рождения и становления «реального коммунизма», после чего, в период наступившей «зрелости» этого общества, с той же естественностью изобретаются несколько иные, более «гуманные» приемы подавления инакомыслов.

Пока высшие власти решали, как наказать «взбунтовавшегося» профессора, сикофанты — сотрудники академического института уже спе-

шили от него отмежеваться. Начался позорный фарс осуждения и предания остракизму в его собственной философской среде.

Сегодня благодаря сохранившимся стенограммам мы знаем, как трусливо или подло вели себя многие именитые писатели, исключая из Союза Б. Пастернака, А. Солженицына. Точно так же вели себя братья-философы, хотя протоколы «допросов» Зиновьева, кажется, вообще не велись. Его, разумеется, изгнали из института и закрыли доступ к любой другой работе. Увы, от него отвернулись не только «консерваторы», но и его «либеральные» друзья. В романе они увидели родовые черты либералов, обиделись, полагая, что эта сатира затрагивает персонально их. И совершенно напрасно. Зиновьева интересовало социальное явление, а не конкретные лица, и он никого не хотел оскорбить. Ну, а что касается самого социального явления, то он с поразительной точностью предугадал — теперь это очевидно — эволюцию «философского либерализма».

Прогноз, надо сказать, был малопривлекательный, и либеральные друзья смертельно обиделись, порвав с ним всякие отношения (время было для этого ведь самое подходящее!).

Два года Зиновьев фактически находился под домашним арестом, ожидая решения своей судьбы: что предстоит? Лагерь? Ссылка? Тем не менее, он оставался бодр, продолжал работать, написал еще две книги.

А тем временем книгу читали, она становилась известной. Воспринималась по-разному, но удивляла всех, как, наверное, удивила бы «летающая тарелка», если бы действительно села на Землю. От души хохотали, радовались одни, иные «тонкие ценители» искусства, прилагающие ко всему новому «меру» затверженных некогда эстетических норм и правил,— отвергали и «непохожесть», нагромождение «курьезов», за «грубость», «цинизм», за погруженность в сферу материально-телесного низа. (За это же самое М. Бахтин возвеличил Рабле, а А. Лосев назвал его «гадким»).

Были читатели, которых захватила не только сатира на общество, на лжеученых и поэтов, но и трагический голос гения, обкарканного пигмеями. Среди них были академик П. Л. Капица и Н. Я. Мандельштам, которая пришла к Зиновьеву и, прижимая «Зияющие высоты» к груди, сказала: «Это моя книга, я ее так долго ждала и думала, уже не дождусь. Слава Богу!».

Более всего Зиновьев боялся, что его выгонят из России. Произошло именно это. Трусливая высылка, ибо указ Брежнева о лишении его гражданства, боевых наград и научных степеней и званий, заготовленный

заранее, был обнародован лишь после того, как Александр Александрович прилетел в Мюнхен с советским паспортом по приглашению прочесть курс лекций по логике.

Теперь немного о самом произведении. Почему я назваю его сияющей высотой словесности? Под словесностью я мыслю безымянное народное творчество, вплетенное в жизненный процесс. Это фундамент литературы. Вырастая из нее, литература «порывает» с культом и бытом, становится их познанием, концентрацией и хранилищем религиозных, моральных, цинических смыслов человеческого существования. Словесность, фольклор — искусство прижизненное, литература — автономное, самозаконное. Приобретая независимость от общенародных, массовых форм жизнедеятельности, становясь творчеством свободного индивида, литература в то же время вынуждена подчиниться условиям, правилам, канонам, стилевым требованиям, культурным традициям определенной эпохи. В XX столетии литература претерпевает изменения самые радикальные за всю ее историю: она как бы возвращается в жизнь, сливается с устным словесным творчеством. «Зияющие высоты» — пример такого слияния. Зиновьев выступает здесь в двух ипостасях: и как анонимный современный «сказитель», и как индивидуальный автор литературного текста. Каждый свой разговор на бытовую или научную тему он превращал в словесный шедевр, где перемешивалось высокое и низкое, серьезное и смешное. В живом общении он сочинил и «исполнил» многое из того, что потом вошло в «Зияющие высоты».

Словесная постройка гигантского повествования воздвигается непрерывными разговорами, громоздящимися друг на друга. Перебранки, треп, болтовня, споры, полемики, дознания образуют разговорный каркас социальной организации. Они создают иллюзию гибкости, подвижности структуры, структуры на самом деле жесткой и неизменной. Им противостоит диалог — свободный обмен идеями, а не мнениями, духовное взаимообогащение собеседников, поиск, а иногда и обретение истины.

По самооценке А. Зиновьева, «Зияющие высоты» — социологический роман (не путать с социальным), поскольку в нем органически слиты научно-социологическое и художественное познание. Действительными героями книги, по утверждению автора, являются не люди, а социальные законы — грязные и жестокие ничтожества. А персонажи романа, которым автор взамен имен присвоил названия по их социальной роли (как она воспринимается средой), используются всего лишь как материал, из которого «лепят» разнообразные лики социальности.

Как мне кажется, художник в Зиновьеве берет верх над ученым. Хряк, Мыслитель, Претендент, Социолог, Неврастеник, Брат и особенно Шизофреник, Клеветник, Болтун и Мазила — не только социальные маски, но и живые лица, хотя и предстают перед читателем всего лишь как «система фраз».

«Зияющие высоты» — не только сатира, но и трагедия. Сатира — это об обществе, о том в людях (пусть самых достойных), что принадлежит социальности; трагедия — о человеке, сущность которого не исчерпывается совокупностью общественных отношений.

Главная проблема «Зияющих высот» — проблема личности, ее свободы. Она — движущая сила сюжетостроения.

Если на известной картине Делакруа библейский Иаков боролся с самим Иеговой в образе ангела и победил, то положительный герой «Зияющих высот» — «богоподобный» человек — борется с Дьяволом Социальности и терпит поражение: он стоит в очереди в крематорий, надпись над которым гласит: «Уходя, заведи урну со своим прахом с собой».

Ибанск — символ общества, враждебного личности, ее свободе.

Чего хочу? Какую нить я рву?

Куда иду? Какую радость рушу?

Свобода — шаг от камеры ко рву.

Бессмертье — червь, в мою ползущий душу.

(Зияющие высоты. Лозанна, 1976. С. 533).

Гибель гения есть не эпизод, а суть этого общества — последнее, что пришло ему в голову.

В «Зияющих высотах» А. Зиновьев создал образ нового трагического героя, который выступает перед читателем то как Шизофреник, то как Клеветник, тот как Болтун, то как Крикун; иногда его черты обнаруживаются в других, даже второстепенных персонажах, например в посетителе мастерской Мазилы. Читатель сам синтезирует их в одно лицо — в человека универсальной одаренности.

Этого «распятеренного» главного героя можно было бы назвать «лишним человеком» и тем пополнить череду «лишних людей» русской литературы. Он действительно таков, правда, с приметным отличием от своих предшественников первой половины XIX века: те — богатые натуры — не знали, куда себя деть, томились бездельем, им не к чему было приложить свои силы и, презирая общество, они все-таки нуждались

в нем. Герой Зиновьева, напротив, разносторонне деятелен, он поглощен исследованием общества, открывает законы, управляющие социумом. Герой Зиновьева мог бы быть полезен обществу. Но именно за это общество выталкивает его в никуда. Тут достигнут предел взаимоотношения: «лишний человек», с одной стороны, и «лишнее общество» — с другой.

И все же без новых «лишних людей», без этих пасынков и изгоев это общество не могло бы существовать, и, слава Богу, они возникают в нем снова и снова.

Трагедия индивида не как бытовая, семейная, а как общесоциальная, метафизическая и космическая никогда не была изображена с такой достоверностью, с такой болью и состраданием, как в великой русской литературе XIX к XX столетий. И это, как правило, сопровождалось трагедией ее творцов. Александр Зиновьев — один из них.

А. А. ЗИНОВЬЕВ И ЖАНР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА

Вл. А. ЛУКОВ,

*руководитель Центра теории и истории культуры
Института гуманитарных исследований МосГУ,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ*

Александр Александрович Зиновьев буквально ворвался в мировую литературу романом «Зияющие высоты». Может быть, он не был бы так замечен за рубежом, если бы не скандал в СССР и последовавшая за ним высылка за границу. Роман был переведен на ряд языков, печатался большими тиражами, тут же расхваливался. Между тем, знаменитый роман содержал то, что можно отнести к собственно литературному новаторству. История населенного пункта Ибанска очень напоминает «Историю одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина: сатира на действи-

тельность (у Салтыкова-Щедрина — российскую, у Зиновьева — советскую) осуществлена через предельный гротеск, выявление в привычном укладе жизни абсурдного начала. Из новаторства, лежавшего на поверхности и сразу замечаемого, можно отметить, прежде всего, появление неологизмов («зияющие высоты», социзм), игры слов («никем не населенный населенный пункт»), когда игра словами не является игрой в собственном смысле слова, а направлена на раскрытие в привычном непривычного. «Социзм» — это и социализм, и в то же время не социализм, это слово входит в систему новой терминологии, позволяющей оперировать со знакомым советским людям материалом в новом, остранинном виде. Героев в романе не было по самому его замыслу: все жители Ибанска носят фамилию Ибанов, подобно тому, как в «Лысой певице» Ионеско всех героев, и мужчин и женщин, зовут Бобби Смит. Настоящий герой Зиновьева появляется в его романе «Иди на Голгофу» — это Иван Лаптев, создатель лаптизма, осознавший себя Богом и создавший «Евангелие для Ивана». Это уже не сатирический роман, а роман философский.

Черты философского романа присущи и роману «Глобальный человек». Первое после ухода из жизни А. А. Зиновьева заседание Русского интеллектуального клуба, президентом которого он был, вполне естественно было посвящено теме «А. А. Зиновьев и проблема гения» (стенограмма заседания опубликована в издании: Русский интеллектуальный клуб. Стенограммы заседаний и другие материалы. Кн. 5 / Под ред. И. М. Ильинского. М.: Социум, 2007). К сожалению, там не звучала точка зрения самого А. А. Зиновьева, а ему было бы что добавить к дискуссии:

«**Ла:** Понятие гения неоднозначно. Есть сильно развитые мозговые природные задатки, которые считаются признаками гениальности. И есть реально сделанное дело, реально сыгранная историческая роль, которую тоже считают признаком гениальности. Совпадения тут бывают, но исключительно редко, случайно. Подавляющее большинство тех, кого считают гениями во втором смысле, не являются гениями в первом смысле. И подавляющее большинство тех, кто рождается с задатками гения в первом смысле, не реализует своих потенций. Ленин, Сталин, Гитлер и т. п. были историческими гениями, но вряд ли были гениями медицинскими.

Ал: А Будда, Христос, Магомет?..

Ла: Скорее всего, нет. Одним из самых великих исторических гениев был Кант. Но он имел мозг размером, как у ребенка. Его так и называли «Три четверти головы».

Ал: Ро считает, что у меня слишком большая голова.

Ла: Я сомневаюсь в том, что тебе дадут возможность реализовать твою природную гениальность и стать историческим гением».

Философский пласт в романе Зиновьева все время виден за диалогами вроде приведенного выше. Есть в «Глобальном человечнике» и страницы, которые можно воспринять как сатиру на современный Запад. Но все-таки это не сатирический роман, как «Зияющие высоты», и не собственно философский роман, как «Иди на Голгофу», а нечто другое, что расценивается как особое новаторство Зиновьева-писателя и что высветило в его предыдущих романах не замечавшееся прежде качество — элементы нового жанра в художественной литературе.

Действие романа происходит в будущем (очевидно, недалеко) в ЗС (Западном Союзе) — той части ГО (Глобального Человечника), в которой живут западоиды — самая успешная, самая просвещенная, правящая миром, но угрожающе уменьшающаяся в численности часть человечества. Западоид — уже не человек, а сверхчеловек, общество западоидов — уже не общество, а сверхобщество. Повествование ведется от имени Ала — нетипичного западоида, специалиста по истории XX века, пристроившегося в МЦ (Мозговой Центр при Верховном Конгрессе Западного Союза), где требуется пройти определенный испытательный срок, не нарушив правила, и тогда появляется возможность заключить 5-летний договор с этим элитным учреждением (последним днем испытательного срока завершается роман). Полное имя Ала — AL-Z-29-10-22, и хотя дано разъяснение, что в имени фигурируют данные о месте работы, внимательный читатель разглядит в этом имени указание на автора и дату его рождения — 29 октября 1922 года. Так что Ал, безусловно, представляет в романе автора. Другой персонаж, Ла, выступает как его альтер эго, это компьютер, с которым Ал находится в постоянном общении. Так что разговор о гении, приведенный выше, имеет самое прямое отношение к автору.

На страницах книги возникает ужасающий образ цивилизации западоидов, сверхтехнологичной, утратившей всякую человечность, забывшей о любви, о дружбе, об искусстве и интеллектуальном творчестве, насквозь прагматичной, породившей атмосферу рутины, слежки, доносов, глубочайшего одиночества. У героя есть все основания сказать в финале: «Главная опасность для нас самих и для всего человечества исходит от нас, от западоидов. Мы создали величайшую цивилизацию в истории мироздания. Но мы тем самым породили и источник величай-

ших зол для всего живого. Мы стали самыми страшными врагами всего живого и разумного. И мы же отрезали все пути борьбы за человеческое существование».

Может показаться, что перед нами роман в жанре антиутопии, только не антикоммунистической, как роман Дж. Оруэлла «1984», а антизападной. Но так считать было бы грубейшей ошибкой, и сам автор подчеркивает, что не имеет ничего общего с футурологами, даже («...хотя мы живем в самом, можно сказать, сверхбудущем, все равно имеются футурологи...») — с футурологами будущего: «Футурологи, писатели-фантасты и социальные писатели вроде Оруэлла и Хаксли стремились в своих изображениях будущего придумать что-нибудь такое из ряда вон выходящее, что потрясло бы воображение их современников. И выдумывали. И их современники и последующие поколения десятками лет потрясались, принимая выдуманный ими вздор за гениальное предвидение. [...] ... В мире, несмотря ни на какие открытия и изобретения, незыблемой остается и навсегда останется серая, унылая и однообразная рутина жизни. Будущее на самом деле ужасно не тем, что в нем проявится что-то ужасное и устрашающее, а тем, что ничего ужасного и устрашающего вообще нет и не будет». К этой рутине будущей жизни А. А. Зиновьев подходит не как автор утопии или антиутопии, а как создатель социологического романа.

В этом — особый интерес «Глобального человечника». Подобно Платону, представившему в диалогах философию (а в романе широко использована форма философского диалога, составляющая едва ли не основную часть текста), подобно Руссо, предложившему на суд читателя свои педагогические идеи в форме педагогического романа «Эмиль, или О воспитании», Зиновьев создает свой роман на стыке художественного творчества и научно-философских идей, причем избирает фактически не выступавшую в художественной литературе в качестве второго компонента область науки — социологию. Он применяет социологический подход и к XX веку, на который постоянно бросают свой взгляд из будущего герои романа, и ко времени, в котором разворачивается сюжет, тем самым создавая новую отрасль социологии — социологию будущего. Вопросы социализации, идентичности, статуса, социальных институтов не сходят со страниц книги. Количественные оценки соседствуют с приемами качественной социологии. Одно из самых ярких мест в романе — социологический портрет некой Евы Адамс, с помощью компьютера зафиксировавшей каждый момент своей жизни. Ее история, «сим-

вол посттелесной эпохи», попав в СМИ, производит неслыханную доселе сенсацию. «Одним словом, Ева Адамс, самое ничтожное существо на планете, вошла в историю человечества как одна из самых значительных личностей всего тысячелетия. Возникло движение за то, чтобы начать новое исчисление исторического времени со дня рождения Евы Адамс».

Самое масштабное социологическое исследование, осуществленное в романе,— это исследование коммунистического общества, которого западнизм настолько опасается, что в ЗС запрещены любые упоминания о нем, за исключением резко отрицательных.

В «Глобальном человекике» читатель найдет самые глубокие научные идеи. Но он ни разу не забудет, что это роман, художественное произведение самой высокой пробы, написанное прекрасным, живым языком, с запоминающимися персонажами и событиями. Это одно из самых значительных событий отечественной и мировой литературы, роман, в котором возникает беспрецедентный по масштабности и убедительности образ будущего.

СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА И ЖАНР ЗИНОВЬЕВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

А. И. ФУРСОВ,

*заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН,
директор Института русских исследований МосГУ,
кандидат исторических наук*

Уважаемые коллеги, тема моего сообщения сегодня: «Содержание, форма и жанр зиновьевских произведений как отражение русской реальности». Это не литературоведческое, не искусствоведческое исследование. Я хотел бы рассмотреть работы Зиновьева как отражение специфической русской реальности.

Ключи к секретам социальных систем лежат на поверхности. В различных вариантах эта мысль Зиновьева встречается во многих его работах. Не все, но многие ключи к секретам индивидуальной социальной системы «Зиновьев» тоже лежат на поверхности в том смысле, что на многое указывает сама необычная форма произведений Зиновьева, которую называют то интеллектуальным романом, то социологическим романом.

Здесь необходимо несколько слов сказать на эту тему. Естественно, я не претендую на полный охват этой темы и подчеркиваю, что это не литературоведческое исследование, это размышление о произведениях Зиновьева, об их жанре с точки зрения русской реальности.

Жанровая форма зиновьевских произведений сама по себе весьма содержательна. Особая диалектика содержания и формы, заключающаяся в содержательности формы и формальности содержания — это вообще характерная черта русской истории как реальности. Эта реальность противостоит и варварскому миру, варварскому хаосмосу, и, с другой стороны, космосу Востока и Запада.

Зиновьевская форма много открывает в его творчестве и в нем самом. И немало скрывает. Особенно от робких умов. Поэтому вопрос о жанровой специфике произведений Зиновьева весьма важен и выходит за рамки жанровой, т. е. формальной, проблематики. Повторю: в России форма — всегда нечто большее, чем просто форма. Текучая содержательность русской жизни, я подчеркиваю: текучая содержательность. Ключевский недаром называл русский народ текучим элементом русской истории, который власть все время подмораживает, причем, в том числе, и в интересах самого народа. Неоформленность русской жизни требовала весьма мощные формы для ее отражения, в силу этой мощности вполне претендующих на статус сверхсодержания.

Философия русской истории должна исходить совершенно из иных, чем философия западных и восточных историй, соотношений формы и содержания. Русская реальность во многих отношениях устроена так, что снимает противоречия между тем, что в западном обществе именуется формой и содержанием. Поэтому в России и поэт больше, чем поэт, и свобода больше, чем свобода, и тайная полиция больше, чем тайная полиция, и литература больше, чем литература.

Под этим жанровым углом зрения уникальность Зиновьева-литератора очень хорошо вписывается в традиции русской литературы. Действительно, к какому литературному жанру относятся «Зияющие высоты»,

мой любимый «Желтый дом», «Катастройка», «Светлое будущее»? Это серьезный вопрос.

Мы со школы, как характеризуется роман «Война и мир» — роман-эпопея. А Лев Толстой жанровую принадлежность «Войны и мира» охарактеризовал так: «Что такое “Война и мир”? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. «Война и мир» есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». В целом Толстой очень верно отметил некую регулярность великой русской литературы. Кстати, Толстой привел пример «Капитанской дочки». После этого своего ответа он говорит: «Что такое “Капитанская дочка”?» На это можно продолжить. Что такое «Евгений Онегин»? Что такое «Мертвые души»? Что такое «Былое и думы» или дневник писателя Достоевского? Что такое произведения Розанова?

То, что великая русская литература XIX века постоянно нарушала европейские жанровые формы и занимала по отношению к ним произвольную, т. е. волевою позицию,— это не случайно. Как говорил Пушкин, «русская история требует особой формулы и русская жизнь тоже».

Вообще, строго говоря, постановка вопроса о нарушении русской литературой неких жанровых форм, об отступлении от них не вполне корректна. Она провозглашает в качестве нормы западный опыт, т. е. западноцентрична. Но Запад — это не единственная Европа. Была античная Европа и есть русская, северо-восточная Европа. Не надо отдавать всю Европу Западу. Это очень серьезная проблема. У нее есть политическое измерение. Недавно на «круглом столе» о русском вопросе в России философ Константин Крылов очень четко сформулировал эту проблему: чтобы быть последовательным европейцем в России, нужно быть последовательным антизападником в политике, потому что именно Запад не пускает Россию в Европу.

Романы Зиновьева — это полифония, в которой ни одна форма, и вообще форма, не имеет самостоятельного значения, а служит реализации цели выразить то, что хотел сказать автор в адекватном замысле и реальности виде. В этом изысканном интеллектуальном «блюде» работает все: проза и стихи, философия, научные рассуждения, диалог, треп, юмор, сатира. Я, когда читаю Зиновьева, часто вспоминаю зиновьевскую живопись, которая во многом является ключом к его выводам. Причем все это отлито в единое целое и, как снаряд, бьет в цель.

То, что разделение на писателей и мыслителей условно,— не новость. Об этом писали Шопенгауэр, Борхес и другие. Зиновьев устраняет это

разделение сознательно. Цель — создать такое средство отражения реальности, которое максимально адекватно последней.

В лице Зиновьева советская литература в позднюю коммунистическую эпоху на выходе из коммунизма как реальности вернулась к тому, с чего начинала на входе — в эпоху возникновения этой реальности. Литературный эксперимент Зиновьева, на мой взгляд, во многом является ответом литературному эксперименту Андрея Платонова, переключкой с ним. В широком историческом плане предшественник Зиновьева — это великий русский, а вернее, советский, реально-коммунистический писатель Платонов. Характерно, что Платонов очень трудно переводим на иностранные языки — так же, как и Зиновьев. Бродский в послесловии «Котлована» Платонова заметил, что если современники Платонова — Бабель, Пильняк, Булгаков, Олеша и другие — в большей или меньшей степени играли с языком в свою игру, занимались стилистическим гурманством (я бы добавил сюда Джойса, который написал «Улисс» разными стилями), то Платонов, пишет Бродский, сам подчинил себя языку эпохи, увидев в нем такие бездны, заглянув в которые однажды, он уже не мог скользить по литературной поверхности. Главным его орудием была инверсия. Он писал на языке инверсионном. Между понятиями «язык» и «инверсия» Платонов поставил знак равенства. Инверсия стала играть все более и более служебную роль. В значительной степени сказанное Бродским о Платонове можно отнести и к Зиновьеву. Я только добавил бы сюда, что в своих романах Зиновьев нередко если и не ставит знак равенства между понятием и образом, то использует их в одном и том же качестве.

Необходимо, конечно, сказать, что само стирание граней между понятием и образом в текстах, написанных по-русски, имеет в качестве необходимой, хотя и недостаточной, причины такую особенность русского языка как, пользуясь выражением того же Бродского, «синтетическая неаналитическая сущность». Последнее делает возможным, цитирую Бродского, «зачастую за счет чисто фонетических аллюзий возникновение понятий, лишенных какого бы то ни было реального содержания». Несмотря на это, а может быть, дополним мы Бродского, благодаря этому, в условиях специфической русской реальности подобного рода понятия становятся сверхсодержательными.

Зиновьев, на мой взгляд, был первым, кто использовал всю неаналитическую мощь русского языка для решения аналитических, т. е. научных, а не литературных, по сути, задач исследования советского общест-

ва и, что не менее важно, для осознания своей личной ситуации и места в этом обществе. Такое несоответствие цели и средства, содержания и формы, субстанции и функции породило вещи или явления, потому что для меня «Зияющие высоты» — это не просто литературное произведение, это явление. Зиновьева очень многое если не роднит, то сближает с Платоновым. Тот же Бродский писал по поводу «Котлована»: «Читатель, переворачивая последнюю страницу “Котлована”, оказывается в самом подавленном состоянии. Если бы в эту минуту была бы возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время». Но ведь аналогичные мысли возникают, когда читаешь работы Зиновьева.

При этом нужно подчеркнуть, что ни Платонов, ни Зиновьев не были врагами советского строя. Более того, оба они подсознательно или сознательно постигали свою личную ситуацию, воспринимали ее не столько как индивидуальную, обособленную, сколько как системную. У Платонова это массовая ситуация. У Зиновьева это анализ системы. Сила как Платонова, так и Зиновьева — в умении понять и отразить имперсональный, наиндивидуальный характер происходящего. У первого это чувствуешь, у второго это чувствуешь и понимаешь одновременно. Языковые структуры обоих писателей подобно воронке втягивают читателя против его воли в ощущение, понимание массовости, имперсональности, а потому и закономерности идущих процессов.

Если спрямить ситуацию, то можно сказать, что если через Платонова высказался гениально косноязычный рождающийся в ходе революции и гражданской войны коммунизм, ужаснувший самого Платонова, то устами Зиновьева заговорил поздний, кризисный коммунизм с закупоренными социальными сосудами и резко ослабленным иммунитетом. Во-вторых, во многих отношениях Зиновьев, возможно сам того не осознавая, попытался ответить на вопросы, поставленные Платоновым, русской революцией, рационализировать и концептуализировать их опыты. В значительной степени Зиновьев ответил. Более того, он дожил до провала и поражения этого опыта, но не смирился с этим. И отчасти именно поэтому мы имеем именно то наследие позднего Зиновьева, которое мы имеем. Это книги человека, не смирившегося с поражением того строя, который он же и критиковал.

Еще одна вещь, на мой взгляд, сближает Платонова и Зиновьева. У Платонова есть гениальное определение русского человека. Платонов

заметил: «Русский человек двусторонний. Он может жить так и этак. И в обоих случаях останется цел». На Западе очень часто спорят: русский человек — коллективист или индивидуалист; анархист или, наоборот, государственный раб? Произведения Платонова и еще в большей степени произведения Зиновьева показывают двусторонность русского человека. Дело в том, что русская реальность сконструирована таким способом, что если человек, живущий в России, примет одну окончательную форму — коллективиста или индивидуалиста,— он не выживет. Русский человек очень гибок. Произведения Зиновьева отражают вот эту позитивную гибкость, которая позволяет индивиду в системе противостоять системе. Отсюда нарушение жанра. Кстати, само то, что я назвал нарушением жанра,— это есть, безусловно, социальное оружие. Я думаю, что тема «Произведения Зиновьева как социальное оружие» ждет своего исследователя.

ПИСАТЕЛЬ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Ю. НАУМОВ,

композитор, музыкант, продюсер, США

Я звуковой художник. Знаю Александра Зиновьева по книгам 21 год. Был привилегирован лично общаться и дружить с ним и с Ольгой в течение 9 лет.

Для меня сделанное им располагается в несколько другом измерении, нежели научное. По стечению обстоятельств, наверное, скорее счастливых, нежели несчастных, я был сыном атеистической страны, вырос в атеистической семье. Мое отношение к Зиновьеву было религиозным. В моей жизни этот человек сыграл роль пророка библейского масштаба. Поразительно было то, что у меня был шанс, который мне удалось использовать, общаться с этим пророком напрямую, сидеть напротив него

ЗИНОВЬЕВСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ — ЕДИНСТВЕННО НАДЕЖНЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Н. И. БУХТЕВ,

*доцент кафедры социологии управления,
Донецкий государственный университет управления,
Украина*

за чашкой чая и воспринять вот эту удивительную вибрацию, передаваемую без преломления и без огромного нароста иерархии, которая случается в уже устоявшихся, веками существующих религиозных институтах, напрямую.

Для меня — человека, который прошел через подпольные годы как звуковой художник и в качестве такового был гонимым, — суть и посыл Зиновьева были просты и ясны. Это была война высокого, достойного и свободного духа за божественное начало в человеке, которое было предано поруганию. Совокупность его текстов была методологией этой войны. Это была война стометрового эвкалипта, который схватился с экосистемой тундры, не заинтересованной в чем-либо, возвышающемся над размером карликовой березы. Это был человек, который поставил «Я» над предпосылкой равновеликих «Мы». Он писал в своей книге «Иди на Голгофу», что каждая отдельная душа равна любой другой душе и равна всему человечеству и всей вселенной. Этот момент достоинства и предпосылки отношения к миру равновеликих, то, что стало в основе его «Я — есть государство», причем суверенное государство, т. е. государство, предлагающее общение и взаимодействие с миром на равновеликих предпосылках. Для меня это был поразительный урок этики, достоинства, стати человеческой. Настолько, насколько я мог и этот посыл воспринял.

В Библии есть такое изречение: плодитесь, размножайтесь, и откроется вам Царствие Небесное. Я сталкивался с тем, что перевод этот поверхностный, неточный. Точнее звучит так: плодоносите и произрастайте, и откроется вам Царствие Небесное. Зиновьев произрос удивительно высоким и принес поразительной красоты и силы плоды. В этом смысле мы являемся в удивительно привилегированном положении, потому что отчасти это наше собрание напоминает по сути первые Вселенские соборы, когда собираются люди, непосредственно связанные с носителем удивительного знания и удивительного духовного света. В каком-то смысле всегда есть риск. Когда голограмму раскладывают на сотни составляющих фотографий, из которых она сложилась однажды, мы можем потерять это измерение. Я своей спонтанной речью просто хотел напомнить об этом измерении, о том, как важно удержать его, удержать вот этот объем, удержать это дополнительное измерение, потому что именно волшебство и магия света, который исходил из этого сияющего шара, они и собрали нас вместе. Нам очень важно это измерение удержать.

Я хотел бы кратко остановиться на том, почему зиновьевская социологическая теория — это единственный надежный путь познания и понимания социальной реальности.

Первая позиция, почему это так. Это объединение логики, онтологии и гносеологии в единый комплекс — интеллектологию. Она позволяет нам решать, прежде всего, логические задачи, логическую проблему понимания реальности, которая нас окружает. Это дало уникальную и универсальную возможность рассматривать существовавшие, существующие и возникающие виды социальности одновременно во множестве измерений.

Второе — это логическое структурирование всех видов социальных устройств: предобщество, общество и сверхобщество, сводимых в единое понятие «человек».

Третья позиция — это то, что разработано Александром Александровичем, — неоспоримые доказательства того, что глубинными механизмами любого социума являются социальные законы. Социальные законы — первоисточник всего происходящего в нашей социальной реальности. Когда мы берем какое-то измерение: социальное, политическое, экономическое — любой страны, в т. ч. и России, но имею в виду, прежде всего, Украину, то, как правило, и здесь можно взять на вооружение слова и мысли А. А. Зиновьева, что те люди, которые руководят обществом, те люди, которые руководят какими-то структурами, они не понимают этих социальных законов, не видят их, не чувствуют, не осозают, а все время говорят: «Вот такая причина, третья причина, пятая, десятая», — и т. д. Главное — интересы, силы плюс национальные амбиции, а социальная

реальность живет сама по себе. Между тем, без познания, понимания и формулирования социальных законов, их рационального использования не может быть оснований для успешной социальной практики. Именно об этом неуклонно свидетельствуют события в бывшем СССР, нынешних странах СНГ, а на Украине — в особенности.

Четвертая позиция — это разработка методов (совокупности критериев) и правил научного подхода к социальным явлениям. К первым относятся методы определения понятий, мысленный эксперимент и социальная комбинаторика. Правила — прежде всего, субъективная беспристрастность, правдивое описание исследуемых явлений, наблюдение реальных, существующих объектов, не подменяемое представлениями, придумками, суевериями.

Далее, исследователь не выдумывает, что должно быть или чего не должно быть по его мнению, а познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это исследователь или нет. Научный подход также подразумевает следование правилам логики и методологии науки, в частности, однозначность и точную определенность понятийного аппарата. При этом методы прокладывают дорогу правилам научного подхода. В совокупности они позволяют разграничить научный анализ, синтез и прогноз и идеологическую интерпретацию

Еще есть сложность в понимании, в реализации научного подхода. Социолог, если он что-то изучает (как правило, изучает процессы), часто впадает в логическую ошибку, о которой писал Александр Александрович в «Факторе понимания». Изображается сам научный процесс, его технология, а реальность, как таковая, остается за бортом внимания. В противном случае статьи не просто не публикуют, особенно это касается наших украинских реалий. Есть настороженность со стороны ВАКовских журналов, когда анализ ведется с позиций логической социологии.

Пятая позиция — это введение и разработка понятия «социальная организация общества». Вроде слово-то обычное. Что здесь такого? Но понимают его, я знаю это от авторов, совсем по-разному. Социальная организация включает: власть, управление, право, экономику, идеосферу и т. д. При таком объемном понимании, восприятии все видится «сразу и целиком», как здесь говорили.

С этой стороны гениальность Александра Александровича Зиновьева очень четко и ясно проявляется.

Шагнем несколько глубже.

Вертикально и горизонтально выделяются в обществе люди как социальные атомы, микро-, макро- и суперуровень, деловой, коммунальный и менталитетный аспекты. Я хотел бы сказать и о передаче этих понятий той студенческой среде, тем студентам, которые постоянно к нам приходят. Что их убеждает? Их убеждает логика, построение, простое ясное вертикальное и горизонтальное членение общества — два составляющих единого понятия.

Седьмая позиция — это логическая цепочка: абстрактное — конкретное — синтетическое знание, понимание. Фактор понимания является ведущим. Он требует, конечно, работы ума. На сегодняшний день в учебном процессе при его тотальной формализации этот фактор понимания вообще не учитывается.

Весь образовательный процесс, как это не печально, в значительной мере происходит уже не на полноценном образовательном уровне, а просто на ознакомительном, как в музее: посмотрите налево, посмотрите направо, пошли дальше. Обратите внимание, чем нередко заканчивается изучение какой-либо дисциплины? Я имею в виду, прежде всего, социологию. Тестами. А тесты не требуют абсолютно никаких размышлений, никакого понимания, тем более умения. Что касается знаний, то прививается, как правило, абстрактное знание. Не учитывается конкретное знание, тем более, синтетическое. Естественно, человек, уходя из вуза, не имеет четкого, ясного, логически продуманного видения реального мира.

Восьмая позиция — это преодоление дологического, внелогического и псевдологического порогов понимания. Здесь — наверное, все со мной согласятся — впервые создана действительно научная социология. А у меня было несколько чисто профессиональных стычек с коллегами. Как это так? Вы перечеркиваете всю историю социальной мысли, как складывалась социология со времен Конта до сегодняшнего дня. Основная масса, скажем, Донецкая ассоциация социологов, эти вещи если и воспринимает, то воспринимает с трудом.

«ЧЕЛОВЕЙНИК» КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ А. А. ЗИНОВЬЕВА

Е. В. КАТЫШЕВЦЕВА,
*доктор философских наук, доцент,
г. Ижевск*

Осмысление ведущей категории той или иной философской концепции исключительно актуально. С одной стороны, оно позволяет определить адекватность историко-философского восприятия данной концепции, а значит, точность оценки предметной направленности и характера рефлексивности изучаемого философского дискурса. С другой стороны, возникновение в выдающихся философских системах авторски-оригинальных, уникальных, необщепринятых, но при этом приобретающих общезначимый характер, философских категорий, есть важное проявление «взлетов», «всплесков» в философском самосознании культуры и истории, которое на определенных этапах своего развития не укладывается в «спокойное русло» устоявшихся философских универсалий, требуя новизны и даже экстравагантности для «обострения» прочувствованной философом проблемы. Философия знает множество подобного рода примеров.

Это — странная (на первый взгляд) в вербально-смысловом плане сократовская категория «даймоний», означающая настойчивый призыв философа к переориентации античной философии на антропологический путь самопознания. Это — кантовская «вещь-в-себе», представляющая (наряду со многим прочим) категориальное выражение принципиально-го как для самого философа, так и в целом для всей эпохи Нового времени жизненного кредо «Имей смелость поступать самостоятельно». Это — и ницшеанский «сверхчеловек» — категориальная констатация — протест против духовно-нравственного измельчания «обмещанившегося», «обуржуазившегося», «усреднившегося» вконец человека эпохи «Заката Европы», человека, ставшего позднее либо «палочкой», либо «крючком» в категориальной «прописи» «массового человека» Ортеги-и-Гассета. В обозначенном выше контексте философских понятийных не-

ологизмов и инноваций следует рассматривать и главную для философии А. А. Зиновьева категорию «человеиник».

Признавая, что глубина открытия, в широком смысле слова, определяется глубиной обусловивших ее предпосылок, обратимся прежде всего к историко-культурным источникам центрального теоретического нововведения Зиновьева.

Сопоставление сообщества людей с муравейником возникло еще в глубокой древности, для которой как в ее восточной, так и европейской традициях было свойственно в целом позитивное восприятие данной параллели. Так, для древнекитайской философско-политической традиции, исходившей из представления о государстве, обществе и мире в целом как о едином органическом теле, идеалом их функционирования была «жизнь по образцу муравейника или пчелиного улья», управляемого мудрым правителем, которому «в этом социальном организме отводилась роль головы». Мудрость правителя проявлялась в умении обеспечить максимальную «проницаемость, проходимость» (тун) в мире — как в природе, так и в обществе, то есть в умении создать «идеальное общество», функционирующее «совершенно естественно» (Малявин В. В. Китайская цивилизация. М., 2000. С. 142, 108).

Интересен в данной связи древнегреческий миф об Эаке, в котором муравейник и «трудолюбивые муравьи» принимаются не только за образец «желанного социального развития», а за факт «должного социального поведения» в силу утверждаемого тотемистического родства муравьев и людей. Так, согласно мифу, Эак — правитель острова Эгина — лучшим первопредком для своих подданных считает муравьев, которые «хлопотали» и «строили свой муравьиный город». Просьба Эака к его божественному отцу Зевсу дать сыну «столько трудолюбивых граждан, сколько муравьев в этом муравейнике», оказалась услышанной, и Эгина, по преданию, была «заселена» людьми-муравьями, «мирмидонянами» (Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. Симферополь, 1998. С. 84–85).

Разрушение традиционного общества, вытеснение коллективного мирозерцания личностным самосознанием в последующие исторические эпохи определило иной подход к восприятию «человеко-муравейниковой» парадигмы, которая приобрела резко отрицательные контексты своего использования. Приведем наиболее существенные из них. Однозначно негативные смыслы относит к данному понятию Ф. М. Достоевский, который использовал его в рассуждениях Великого Инквизитора об искушении дьяволом Христа властью: «Приняв этот третий совет мо-

гучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М., 1982. С. 303).

С глубоким негодованием и даже ужасом воспринимает перспективу перерождения современного массового общества в человеческий муравейник Х. Ортега-и-Гассет, сравнивая его с переполненной тюремной камерой, в которой «никто не может шевельнуть рукой по своему желанию. В такой обстановке любое движение должно совершаться сообща, и даже дыхание подчиняется общему ритму. Такой была бы Европа, превращенная в муравейник» (Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2001. С. 201–202). Впрочем, испанский философ не верит в реальность подобной перспективы, уповая на «прививку» индивидуализма: «Человеческий муравейник невозможен, потому что существовал так называемый индивидуализм, который обогатил всех и каждого и это богатство дало сказочный рост человеческой поросли» (Там же. С. 202).

Как следует из приведенных рассуждений, обе обозначенные точки зрения приблизительно одинаково понимают термин «человеческий муравейник» («человейник») как слово, обозначающее сверхорганизованный, сверхуправляемый социум. Однако они по-разному квалифицируют это понятие в нравственно-этическом, мировоззренческом плане. В первом случае органически-телесная управляемая социальность рассматривается как благо, во втором — как зло, как социально-организационное отрицание человека и человеческого.

Чем обусловлено возрождение Зиновьевым, казалось бы, давно и неоднократно отработанной социальной метафоры, исчерпавшей в силу ее сокрушительной критики свою философскую продуктивность?

Отвечая на поставленный вопрос, обратимся к логике рассуждений Зиновьева, а она лежит не в плоскости терминологического комментария, а развивается в соответствии с представлением ученого о логическом начале социально-философского исследования отношения человека и общества.

Актуальным в данном контексте является учение философа об «атомарном объекте ... для данной сферы исследования». Таковым, согласно философу, «является... объект, который не расчленяется на другие (час-

тичные) объекты, а все прочие объекты этой сферы рассматриваются как объединения атомарных» (Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 57). Ставя вопрос об атомарном объекте, Зиновьев начинает свой анализ социума с выделения на обозначенном смысловом поле исходной, наиболее очевидной точки познания общества, «стягивающей» при этом в себе все основные варианты социального дискурса. Неудивительно, что в «сфере социальных исследований атомарным объектом», по Зиновьеву, является «отдельно взятый человек, причем взятый исключительно как член объединений людей, т. е. как существо социальное» (Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 57).

Следуя логике своих размышлений, Зиновьев выделяет в «социальном атоме» структурообразующий его «социальный спин», «социальную ось» — «тело–мозг» — представляющую собой биосоциальную, рационально-эгоистическую сущность человека. Анализируя имманентное естественно-инстинктивное и при этом рационализированное до эгоизма жизнелюбие человека, Зиновьев, как мы считаем, не стремится ни возвысить его, спрятав, как это принято, за «спину» деятельностной парадигмы, ни принизить, сведя его к экзистенциально-эгоистическим законам социального бытия. Главной для философа целью, своего рода сверхзадачей всей его философской рефлексии, является переосмысление жизнебытийственной парадигмы, или, как мы считаем, новое утверждение философии жизни реального человека.

И в самом деле (давайте убедимся в этом), логика Зиновьева соответствует некоему изначальному, глубинному, народному, реалистическому взгляду на человека.

Человек — это «чело-век». Чело — лоб, символ ума, сознания. Век — символ его жизни. Соответственно, человек — это разум, сознание, обладающее физической жизнью, телесностью, или, в терминологии Зиновьева, социобиологическая, рационально-эгоистическая сущность. Отсюда, по определению, первостепенная цель человека как биологического существа и смысл его бытия как существа социального, разумного состоит в том, чтобы жить.

«Всякий живот боится смерти. Живой смерти не ищет. Живой живое и думает», — читаем мы в «Собрании пословиц русского народа» В. И. Даля (Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1999. С. 179), следуя мудрому и исключительно оправданному в данном случае принципу Зиновьева рассматривать «научный подход к социальным объектам

ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО УРОВНЯ» В КОНЦЕПЦИИ А. А. ЗИНОВЬЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

О. И. КАРИНЦЕВ,

*Выпускник дистанционной Школы методологии
социальных исследований Александра Зиновьева*

в каком-то смысле как развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью» (Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 41).

Настаивая на незыблемости аксиомы, утверждающей мысль о том, что первое и главное условие бытия человека в мире — жизнь, Зиновьев и выводит из него понятие «человеиник» как категорию для определения исторически, территориально, хозяйственно и духовно стабильного объединения людей, призванного обеспечить им, во-первых, возможность самой жизни (коммунальный аспект), а во-вторых и в-третьих, предпосылки для того, чтобы жить лучше («деловой аспект») и быть лучше («менталитетный аспект»).

Иными словами, вводя понятие «человеиник», философ предельно ясно ставит, казалось бы, очевидную всем, но, тем не менее, опускаемую часто именно в силу ее очевидности первостепенную проблему человеческого бытия — проблему самой жизни человека, вытесняемую в классической философской традиции проблемой деятельностиного содержания бытия человека. В контексте социальной логики Зиновьева социум — «человеиник» есть не только условие жизнедеятельности людей, а, прежде всего, единое человеческое целое как условие жизни, а значит, жизнедеятельности людей и отдельного человека.

В контексте анализа актуальных проблем современного социума «человеиниковый» подход к нему означает выяснение вопроса соответствия существующих социальных структур и идущих внутри них деятельностьных процессов наиболее фундаментальному основанию бытия человека — его праву и возможности жить. Данная проблема осмысливается Зиновьевым, прежде всего, в плане определения современных контекстов самого понятия «жизнь», неотделимых от сверхрациональной практики человека XX–XXI веков, ставящей под вопрос как его собственное бытие в качестве целостного единства, так и существование всего человеческого рода.

Итак, содержание ведущей для философии Зиновьева категории «человеиник» определяется, как мы считаем, мировоззренческим и нравственно-этическим контекстом всей его концепции, содержание которой может быть понято как философская тревога о человеке, о его реальной жизни в реальном мире, о сохранении целостности его бытия.

Уважаемые участники, мой доклад посвящен проблеме интеллектуального уровня в наследии А. А. Зиновьева. В нем пойдет речь об опыте применения методологии Зиновьева к анализу интеллектуального уровня социальных субъектов, об исследовании, построенном по методологии Зиновьева, и о его результатах.

Но прежде чем говорить об этом исследовании, следует сказать о том, чем вызвана именно такая постановка проблемы, почему эта проблема была выбрана, какова ее актуальность, значимость и перспективы.

Проблема интеллектуального уровня занимает одно из центральных мест в научном наследии Зиновьева. В течение многих десятилетий Александр Александрович исследовал интеллект социальных субъектов и создал целое научное направление — комплексную логику или интеллектологию, т. е. науку о логическом интеллекте. В последние годы эти достижения легли в основу авторского курса Зиновьева под названием «Научные основы новой идеологии», того курса, целью которого являлось формирование у слушателей базовых знаний и навыков или, как говорил сам Александр Александрович, «поворота мозгов», необходимого для научного понимания реальности на высоком интеллектуальном уровне. Последняя книга Зиновьева «Фактор понимания» во многом содержит как раз анализ этой проблемы и, по сути, выражает призыв и завещание молодым исследователям как можно больше думать, как можно больше стремиться к научному пониманию реальности, повышать интеллектуальный уровень исследований и стремиться к познанию истины, чего бы это ни стоило.

Повышение актуальности и значимости разработки проблемы интеллектуального уровня вытекает из самой практики, т. е. из того состояния интеллектуальной сферы жизнедеятельности общества, которое Зиновьев

ев обозначал как социальную деградацию, помутнение умов, массовое распространение идеологии низкого интеллектуального уровня, интеллектуальную болезнь, мракобесие и т. д. Александр Александрович неоднократно подчеркивал, что именно интеллектуальная деградация является наиболее разрушительной, поскольку она подрывает сами основы существования человека, и на ее исправление требуются десятки, а может быть, и сотни лет упорного труда многих людей и значительных организованных усилий. Он относил эту задачу к задачам эпохального масштаба. В основе решения этой задачи как раз и лежит тот самый фактор понимания.

В связи с этим фактор понимания в начале XXI века становится не просто фактором преодоления интеллектуального кризиса, но и фактором самого выживания человека и человечества в качестве активного социального субъекта, в качестве субъекта, творящего историю. А в таком качестве человек и человечество может сохраниться, как считал Зиновьев, только при условии, если будет создана новая идеология — идеология высокого интеллектуального уровня, которая будет соответствовать реальности XXI века, соответствовать условиям XXI века. Вследствие этого проблема такой идеологии становится в разряд жизненно важных.

Чтобы понять, какими методами подобная идеология может быть построена, необходимо, прежде всего, решить ряд методологических проблем измерения интеллектуального уровня — того важнейшего параметра, который положен в основание измерения идеологии. На основе анализа интеллектуального уровня мы можем понять, насколько идеология адекватна реальности, поскольку, как неоднократно подчеркивал Зиновьев, идеология — это такое явление, которое нельзя мерить в терминах «правильно» или «неправильно». Идеология вообще не может быть правильной или неправильной. Она может быть либо адекватной социальной реальности (значит, она имеет высокий интеллектуальный уровень) или неадекватной (следовательно, она тогда имеет низкий интеллектуальный уровень).

Исходя из необходимости практического применения методологии Зиновьева к анализу идеологий, к анализу интеллектуального уровня, в рамках авторского курса дистанционной школы — Школы методологии социальных исследований Зиновьева — было проведено исследование, которое ставило перед собой две цели. Первая — это формирование на основании логической социологии, на основании комплекс-

ной логики модели интеллектуального уровня. Вторая цель состояла в том, чтобы проверить эту модель на эмпирическом материале и получить результат.

Таким образом, движущий мотив для данного исследования как раз исходил из необходимости решения проблем методологии измерения интеллектуального уровня и тех вопросов, которые относятся к идеологии. В ходе данного исследования была предложена модель интеллектуального уровня, в основу которой было положено три компонента. Она представляет собой совокупность трех иерархически взаимосвязанных друг с другом компонентов интеллектуального уровня социального субъекта. Первый компонент обозначает интеллектуальный уровень мировоззрения. Он является базовым по отношению ко второму и третьему уровням. Второй компонент данной модели отражает уровень понимания целей — насколько они адекватны самому мировоззрению. И, наконец, третий компонент модели — это интеллектуальный уровень механизма реализации целей. В зависимости от того, насколько он адекватен самим целям, и измеряется его интеллектуальный уровень.

Подобная расширенная модель, помимо комплексной логики, также опирается и на идею Александра Александровича о том, что существуют противоречия между социальным идеалом, выраженным в идеологии, и социальной реальностью, социальными законами, по которым данная идеология практически действует, работает. Второй фактор уже не зависит от самой идеологии. Тут включаются другие факторы, лежащие вне сферы идеологии. Например, найдутся ли люди, которые смогут ухватить идею данной идеологии, смогут сделать практические выводы из нее, построить программу практических действий по реализации этой идеологии и, в конце концов, навязать этой идеологии социальную роль. Именно от этого зависит успех идеологии.

Эта идея также была положена в основу модели. Именно поэтому представляется столь необходимым комплексное рассмотрение теории и практики как элементов единого целого, как элементов целого в составе интеллектуального уровня, уровня понимания социального субъекта, что в данной модели и предлагается.

Но каждая модель нуждается в проверке, нуждается в эмпирическом обосновании. Только тогда она может принести реальные результаты. Поэтому было проведено эмпирическое исследование, объектом которого выступал реальный социальный субъект — политическое движение, которое было выбрано специально для этих целей. Сегодня много гово-

рилось о проблеме Латинской Америки и тех социальных процессах, которые там происходят. В частности, говорилось о появлении как важного фактора современности новых движений в Латинской Америке, которые еще недостаточно изучены, но которые отражают очень важные тенденции. Их изучение от этого становится еще более актуальным. Поэтому в качестве объекта для исследования было выбрано движение в защиту прав коренного населения Латинской Америки.

Результаты проведенного исследования показали, что интеллектуальный уровень данного политического движения был неодинаков в разных его компонентах. Так, в частности, показатели базового мировоззренческого компонента были более высокими. Показатели промежуточного компонента, т. е. понимания целей, были чуть ниже. Еще ниже был уровень понимания механизмов реализации целей, т. е. понимания тактики. На основании этого видно, что высокий показатель интеллектуального уровня в каком-то одном компоненте не обозначает автоматически, что такой же будет и для другого. Могут существовать различные комбинации между уровнями. Как раз данная модель позволяет эти комбинации выявить. Могут быть ситуации, когда у движения достаточно адекватная идеология, но не адекватная ей стратегия. Или адекватная идеология и стратегия, но неадекватная тактика, неадекватное понимание, как эти цели реализовать конкретно. Возможен еще такой вариант, когда и стратегия, и тактика являются адекватными, но они базируются на совершенно неадекватной идеологии, что может, в конечном счете, привести к негативным последствиям как для самого субъекта, так и для объекта его воздействия.

Таким образом, данная модель позволяет выявить комбинацию компонентов интеллектуального уровня как у одного субъекта, так и сравнивать различные показатели на одних и тех же компонентах иерархии у разных субъектов, т. е. фактически проводить сравнительные исследования. В этом смысле можно предположить, что данную модель можно в дальнейшем использовать при проведении сравнительных исследований интеллектуального уровня идеологий и решать по ходу этого методологические задачи такого важного компонента, как интеллектуальный уровень, компонента, который выражается, в конечном счете, в одном — это фактор понимания.

МЕТОД «ЛОГИЧЕСКОГО СКЕЛЕТА»

А. Т. ФОМЕНКО,

академик РАН,

механико-математический факультет

МГУ им. М. В. Ломоносова

Александр Александрович Зиновьев — выдающийся, уникальный мыслитель, социолог, писатель. Общение с ним поражало. Он постоянно генерировал новые идеи, часто абсолютно неожиданные. Мне довелось много общаться с ним, узнавать его суждения о самых разных областях науки и знаний. Жаль, что множество поразительных идей Александра Александровича, высказанных им в последние годы, пока не записано. Это следует сделать, дабы научная молодежь могла подхватить и развить эти мысли. Одну из таких его идей я сейчас вкратце опишу.

Александр Александрович много размышлял о том, как научиться высвечивать внутренний «логический скелет» тех или иных литературных, научных, философских сочинений. В том числе старинных. Как описать «логический костяк», на который «нанизаны», например, произведения Аристотеля, Платона, средневековых философов? Выделение такой «логической матрицы» позволило бы представить структуру литературного или философского произведения в виде графа, то есть набора «вершин», соединенных «ребрами» (отрезками). По образному выражению Александра Александровича, желательным было бы взглянуть на философский или социологический текст как на ветвистое дерево, украшенное пышной кроной. Первое впечатление от произведения (часто внешнее и поверхностное) дает именно эта «лиственная крона». Однако она зыбка, колышется на ветру и существует лишь потому, что в ее основе находится ствол и ветви. Убрав крону, мы обнажаем тот «скелет», на котором зиждется произведение. В качестве «вершин графа», т. е. основных структурных блоков, Александр Александрович предполагал взять многочисленные логические понятия, категории, формулы, выработанные в процессе развития философии и употребленные в анализируемом тексте. Ведь каждый философ, создавая свой труд, оперирует устоявшимися понятиями, принятыми в его научном кругу и позволяющими разным ученым общаться

друг с другом. Далее, в качестве «отрезков-ребер», соединяющих «вершины графа», Александр Александрович мыслил взять логические связи (связки), которыми пользуется данный автор, чтобы сформулировать и развить свою логику, вывести из посылок следствия. Список таких логических связей (переходов), в общем-то, известен и может быть формализован, перечислен. В результате рассматриваемый философский текст того или иного автора представляется в виде графа, то есть как набор некоторых «вершин», соединенных «связями»-ребрами. Образно говоря, «логика течет вдоль ребер» этого графа. Другое представление «логического потока» можно мыслить, как говорил Александр Александрович, в виде логической матрицы, таблицы. По строкам и столбцам следует отложить логические понятия, встретившиеся в данном произведении, а те пары понятий, который оказались участвующими в той или иной логической формуле (переходе, связи), нужно отметить числом, стоящим на пересечении данного столбца и данной строки. Величина числа может указывать на характер данной связи: сильная, слабая и т. п.

Итак, получается «логический скелет», или «логический портрет» рассматриваемого текста. Ясно, что для разных произведений одного автора, а тем более для разных авторов, это «логическое дерево связей» может быть различно. Следующая мысль Александра Александровича состояла в том, что произведения, созданные одним автором и, более того, даже разными авторами, но творившими в рамках одной и той же философской школы, должны быть «в среднем» похожи друг на друга. Точнее, их «логические матрицы» должны быть в определенном смысле близкими. Если это действительно так, философия получила бы в свои руки новый мощный инструмент анализа многочисленных философских произведений, как древних, так и современных. Открылась бы возможность сравнивать их друг с другом, выделять близкие, далекие и т. п. В частности, можно было бы обнаруживать плагиат. Или устанавливать авторство того или иного недавно открытого, но ранее неизвестного старого философского текста. Конечно, здесь не обойтись без обширного вычислительного эксперимента с конкретными произведениями.

В заключение хочу еще раз призвать всех, кто имел счастье общаться с Александром Александровичем, записать те его искрометные идеи, которыми он буквально фонтанировал, щедро одаряя собеседников. Сам он не успевал фиксировать все свои мысли. Это должны сделать его ученики и коллеги.

МЕТАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ЛОГИКЕ А. А. ЗИНОВЬЕВА

С. А. ПАВЛОВ,

*Институт философии АН РАН,
кандидат философских наук*

Уважаемые коллеги!

Сначала хотел бы поделиться с вами воспоминаниями о знакомстве с Александром Александровичем.

Мы познакомились с Александром Александровичем Зиновьевым в Институте философии. В один прекрасный день я оказался в этом Институте. Можно сказать, меня туда привели. Действительно, по счастливой случайности я его встретил, и меня познакомили с Александром Александровичем Зиновьевым.

Как только мы заговорили о философии и о логике, тут же Александр Александрович переключился на тему об истине. Первое знакомство под таким высочайшим знаком, за высочайшую идею у нас прошло. В тот же вечер я долго размышлял о его идеях. Где-то не соглашался. Дело в том, что я усвоил понятие истины, описанное у Черча как некий абстрактный предмет. Я подумал так: если идеи Александра Александровича истинные, то они истинные. А если ложны, то тогда понятие истины надо рассматривать как предикат. Именно то, что он рассказывал. И получилась такая парадоксальная вещь, что моя попытка оспорить его идеи привела к тому, что я принял его идеи. Впоследствии я, конечно, много размышлял об этом, изучал его работы. Но в связи с тем, что та логика, которая предстала передо мной уже во второй половине XX века, представляла собой, можно сказать, разбитые осколки прежней классической логики, были подвергнуты сомнению такие основополагающие законы как принцип противоречия, как закон исключенного третьего и другие. И к настоящему времени вообще нет законов логики, которые не были бы подвергнуты сомнению и отвергнуты рядом мыслителей. Но я искал какие-то принципы, которые казались бы мне интуитивно очевидными и приемлемыми. И нашел я их именно в работах Александра Александровича Зиновьева.

Некоторые из его основополагающих идей носят уже не чисто логический характер, а именно методологический, что я в названии моего выступления и подчеркнул. Основная методологическая идея заключалась в том, что высказывания могут иметь много различных оценок. Он — один из основоположников именно многозначной логики. Его идея гласила следующее: у нас может быть сколько угодно значений истинности, но высказывание об истинности какого-нибудь предложения всегда либо имеет это значение истинности, либо его не имеет. Казалось бы, такая простая мысль, именно в силу своей глубины и элементарности, элегантности; я понял, что это тот самый принцип, который при всех возможных различиях логиков все равно должен оставаться приемлемым.

Мне удалось его несколько обобщить следующим образом. В двух направлениях. Первое. Я признал, что высказывания об истинности подчиняются классической логике, они обязаны быть классическими.

Второе. Обобщил произвольное выражение и, таким образом, перешел к логике действительно символической — к логике символьных выражений. И в апреле 1974 года я послал Зиновьеву письмо, потому что тогда жил не в Москве. Александр Александрович был первым, кто признал эти идеи. Они в то же время являлись продолжением его идей и принципов.

Только много лет спустя удалось кое-что опубликовать. Он меня предупредил тогда, что его учеников уже преследуют, не дают возможности выступать, публиковаться. Я это признал естественным в то время и не думал, что когда-нибудь буду опять ходить по тем же коридорам, где познакомился с Александром Александровичем, работать в Институте философии и мои работы будут опубликованы.

Несколько слов хочу сказать о той логике, к которой я пришел под влиянием Александра Александровича. Логика эта основана на трех положениях.

Первое положение именно то, о котором я говорил в обобщенном виде. Для высказываний об истинности и ложности применяется классическая логика.

Второе — выражается в свойстве логических связей.

Третье положение связано с принципом бивалентности. Именно идеи Александра Александровича позволили сформулировать этот принцип в семантическом виде, т. е. не просто как принцип исключенного третьего, а именно как принцип бивалентности. Всякое высказывание может

быть либо истинно, либо ложно. Этот принцип уже может варьироваться. Можно обратиться к ряду неклассических логик.

Очень благодарен я Александру Александровичу за то, что он мои работы передал Весселю. Тот перевел их, и в 1978 году, т. е. через 4 года после появления этих идей, они были опубликованы, о чем я даже не знал. Узнал об этом только через много лет.

Когда Александр Александрович вернулся в Москву, мы опять возобновили разговоры о логике. К этому времени я уже написал свою работу, в которой мои идеи изложены. Ссылаясь на него, опубликовал.

Вот вкратце история одного его принципа. Я считаю, основополагающего.

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ПРИРОДЫ

Ю. В. РАЗОВСКИЙ,

*доктор экономических наук, профессор,
академик РАН*

Как возник материальный мир — достоверно неизвестно. Была ли материя всегда? Или возникла самопроизвольно из ничего? Существует ли всемогущественный космический разум, обладающий непререкаемой мудростью? Как появилась жизнь, живая природа?

Хотя на эти вопросы пока ответа нет, природа объективно существует, а живая ее часть развивается. В основе существования живой природы саморазвитие и совершенствование. Смысл ее существования заключается в бесконечном саморазвитии.

Гипотеза бесконечного саморазвития лежит в основе научного мировоззрения.

В соответствие с законами природы, планета Земля подвержена периодическим глобальным изменениям. Частыми становятся разрушительные землетрясения, цунами, ураганы, наводнения, аномально холодные, ледниковые периоды сменяются жарой и всемирными потопами.

Для нормальной жизнедеятельности и размножения природа наделила все живое необходимыми природными ресурсами: землей, водой, пищей, воздухом, теплом и др. В случае возникновения несоответствия между объемами, качеством ресурсов и количеством живых организмов, автоматически включается механизм саморегуляции, который приводит природную систему в равновесие, устанавливая оптимальный баланс между природными ресурсами и живыми организмами.

Человек — часть природы, наделенная сознанием и мышлением. Как и другие биологические существа, человек наделен всем необходимым для нормальной жизни, размножения и смерти. *Блага, созданные природой и потребляемые человеком, называют природной рентой. (Рента — доход, не требующий от его получателя затрат труда и предпринимательских усилий.)*

Вторгаясь в природную среду, формулируя собственные законы, уничтожая себе подобных, человек стремится ради потребления благ сверх необходимого для нормальной жизни уровня изменить естественный природный порядок вещей (перекрывает реки плотинами, пилит лес, опустошает недра земли, развязывает войны, внедряет частную собственность на землю и другие природные ресурсы).

Присваивая природные ресурсы, предназначенные природой для других людей, граждане — частные собственники на землю, воду, лес и другие ресурсы, созданные природой, лишают их права на жизнь и продолжение рода. Тем самым искусственно делают их жизнь бессмысленной, поскольку смысл жизни, как и существование природы, заключается в бесконечном продолжении жизни путем развития, размножения. Нарушение равновесия преодолевается в зависимости от стадии развития экономической системы и формирования этноса (народа) в форме кризисов: войн, революций, экономических кризисов, или цивилизовано на основе эффективной финансовой системы, справедливых правовых норм и норм морали. В развитых странах перераспределение природной ренты от частных собственников к лишенным природных ресурсов гражданам осуществляется научно обоснованными налогами и акцизами через государственный бюджет и внебюджетные, в том числе, и общественные фонды.

Поскольку главной целью, смыслом жизни человека является продолжение рода, оценка качества жизни заключается в определении разницы между уровнем рождаемости и смертности. Чем эта разница больше, тем жизнь лучше, и наоборот. Таким образом, законы природы являются приоритетными по сравнению с юридическими, религиозными, морально-нравственными законами, придуманными человеком, который является лишь частью природы.

Смысл жизни — бесконечное продолжение самой жизни. Все живые существа равны перед природой, поскольку созданы ею для продолжения жизни, т. е. бесконечного размножения и развития.

Тот, кто не подчиняется законам природы, нарушает закон природной ренты, будет ей уничтожен в процессе саморегуляции. Автоматически поддерживаемое природное равновесие обеспечивает бесконечное продолжения жизни.

В период глобальных и локальных периодических, аномальных природных проявлений требуется перестройка всей жизни общества, обеспечения жильем, продовольствием и работой больших масс переселенцев, переориентации энергетики на новые виды энергоносителей. Необходимо налаживать производство новых товаров, или значительно увеличивать выпуск ограниченно выпускаемой продукции, например плавучих домов, автомобилей амфибий, гидросамолетов, установок для переработки угля, древесины в жидкое и газообразное топливо.

Если воспринимать природу как саморегулирующуюся, разумную, ноосферную систему, то можно предположить, что цунами, жертвами которых стали более 300 тысяч человек — жителей Азии и туристов из западных стран, а также жители США, — это предупреждение, энергетический всплеск ноосферы — природного разума. Согласно идеям В. И. Вернадского представление о ноосферном развитии базируется на четком понимании того, что человек является лишь частью природы, поэтому должен, вынужден подчиняться ее законам. **Если человек как раковая клетка начинает интенсивно уничтожать живой организм земли, нарушая экологию, накапливая ядерное оружие, разрушая озоновый слой ради безудержного потребления товаров, природный разум вынужден на это адекватно реагировать. Раковая опухоль, убивая человека, в конце концов, гибнет вместе с ним. Человек, уничтожая природу, гибнет вместе с природой. Что бы избежать гибели живого организма земли, ноосферный разум провоцирует глобальные возмущения.**

Очевидно, что в сферах экономики, науки, образования, управления государством, бизнеса и даже повседневной жизни, следует прогнозировать предстоящие изменения, учитывать законы природы и планировать конкретные шаги по смягчению последствий глобальных изменений.

Участившиеся аномальные, катастрофические, глобальные и локальные природные проявления: разломы земной коры, потепление климата, участившиеся наводнения и землетрясения, разрушительные цунами, гигантские оползни — являются началом **революции природы**. Она провоцирует и обостряет социально-экономические процессы: демографические и экономические спады, национальные конфликты, войны за энергоресурсы, распад и объединение государств. В эти периоды с особой остротой проявляется экономическое и социальное неравенство, нарушение права человека на достойную жизнь и продолжение рода. Концентрация природных и других ресурсов у небольшого числа государств и незначительной части общества приводит к катастрофическому вымиранию населения в бедных странах, революциям и войнам.

В этих условиях возникает необходимость разработки стратегии устойчивого функционирования общества и государства. В ее основе последовательные шаги, способствующие формированию консолидированного многонационального этноса, гражданского общества, его институтов, эффективного, рационального использования природных ресурсов.

Важнейшей составляющей философского осмысления начавшейся революции природы является формулирование научного мировоззрения. В его основе идеи Вернадского В., Гумилева Н., Зиновьева А. и др. ученых. **Гипотеза бесконечного саморазвития лежит в основе предлагаемого научного мировоззрения.**

Коротко его суть заключается в следующем. Законы природы являются приоритетными по сравнению с юридическими, религиозными, морально-нравственными законами, придуманными человеком, который является лишь частью природы. *Смысл жизни — бесконечное продолжение самой жизни.* Все живые существа равны перед природой, поскольку созданы ею для продолжения жизни, т. е. бесконечного размножения. Кто не подчиняется законам природы, нарушает закон природной ренты, будет ею уничтожен в процессе саморегуляции. Автоматически поддерживаемое природное равновесие обеспечивает бесконечное продолжения жизни.

Главной стратегической целью государства и общества на современном этапе является рост населения России не менее чем на 1% ежегодно. Основой роста населения и формирования гражданского общества явля-

ется практическая реализация права гражданина на персональную долю природных ресурсов страны. Юридически оно реализуется в форме гражданской собственности на природные ресурсы, экономически — в форме гражданских дивидендов, институционально — создания Центрального банка природных ресурсов и Федерального фонда гражданских дивидендов. Основой единства народов и роста многонационального российского этноса является межнациональная идея державности, мира и равенства всех граждан, малочисленных и многочисленных народов России.

Что же делать гражданам России, включая студентов, ученых, преподавателей, в период начинающейся революции природы? Как подготовиться к очередному всемирному потопу? Может включиться в строительство нового, современного Ковчега — международной космической станции? Она уже строится, но на всех, видимо, места не хватит. Может быть, обогатиться, пытаться заглушить страх перед будущим неумеренным потреблением роскоши? Но роскошь и блага цивилизации не спасут в пучине гигантских волн. Может быть, покаяться и уповать на Всевышнего?

Что бы спастись, необходимо осмыслить, понять, изучить законы природы и попытаться жить с ними в гармонии. Поэтому весьма важно развитие науки и образования.

Но еще более важно любить и быть любимым, быть вместе и бесконечно продолжать человеческий род. Поскольку Зиновьев А. был не только философом, художником, но и поэтом, уместно на слушаниях, посвященных его творческому наследию, выразить свою мысль стихами:

Когда ты рядом...

Когда Ты рядом — нелюбима,
А нет тебя, и я грущу,
Но эта грусть преодолима,
Я новой встречи не ищу!
Ничтожно личное страданье,
Когда крушится мирозданье,
Когда гражданская война
На каждой улице слышна!
Война, цунами, мор, и все же
Не так волнуют и тревожат,
Как ощущение пустоты,
В которой растворилась Ты...
Потоп все смоем, покаянье
Не оградит от бурных вод,

Любви неровное дыханье
Продолжит человеческий род!
Когда ты рядом и любима —
Не покоряемся судьбе,
Поскольку жизнь неодолима,
Когда рождается в тебе!

Более подробно с высказанными идеями и опубликованными работами можно ознакомиться на информационном, образовательном и научном авторском сайте «Мирознание» (www.razovskiy.com), а также:

1. Разовский Ю. В. Концепция современного научного мировоззрения: Саморегулирующаяся система бесконечного развития. В сб.: Итоги деятельности секции «Ноосферные знания и технологии» Российской академии естественных наук. М.: РАЕН, 2005.

2. Всемирный потоп 2012 года // Российские вести. №36 (1791). 12–18 октября 2005.

3. К вопросу о преискуранте аренды недр // Горный журнал. 2007. №1.

4. Разовский Ю. В. Философия любви. Избранные стихи. М.: Бонд, 2006.

5. Разовский Ю. В. Сверхприбыль недр. М.: УРСС. 2001.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА» В РОССИИ

Э. Г. ГУЩИН,
*директор ООО «Концепт-инжиниринг»,
экономист*

Последняя работа Александра Александровича, как известно, называется «Фактор понимания». Я считаю, что это совершенно актуальнейший вопрос, это чрезвычайно важный фактор для сегодняшнего

состояния России. К сожалению, мы до сих пор не понимаем до конца, в какой стране мы живем в настоящее время. Тем более не знаем, в каком направлении мы движемся. Все наши замечательные политические партии не стали творческими центрами генерации новых идей и новых концепций. Идет перемальвание одного и того же: социализма XXI века, — кто-то говорит об имперском проекте, кто-то договаривается о необходимости создания у нас православной империи. Вчера порадовал нас своими откровениями уважаемый Явлинский, который настаивает на том, чтобы мы двигались в сторону либеральной западной модели.

При этом я все время говорю: хорошо, ребята, давайте будем делать, допустим, православную империю, но только покажите мне, какие вы собираетесь использовать механизмы для того, чтобы я был свободным человеком, чтобы меня никто не угнетал, чтобы я свободно творил и чтобы все окружающие люди чувствовали себя точно так же, как я. Этих механизмов, этой глубины познания социальных процессов, о которых говорил Александр Александрович, на сегодняшний момент ни у кого нет.

Выступал молодой человек со своей великолепной моделью оценки идеологий. Я в перерыве с ним поговорил. Я говорил: «Зачем же обращаться к Латинской Америке? У нас есть масса наших политических партий со своими невнятными идеологиями. Давайте их выведем на экран и скажем, что ни одна из этих социально-политических идеологий не приемлема для нас, потому что мы во всех этих идеологиях не видим никакого выхода из того, что мы уже проходили».

У меня есть конкретное предложение по инициированию в нашей стране специального познавательного проекта. Я быстро изложу это.

Современное состояние общественно-политической мысли в России находится на недопустимо низком уровне. Это, пожалуй, наша самая большая, ставшая уже хронической, национальная беда, прочно блокирующая любые попытки устройства разумной социальной организации в посткоммунистической России. Слова А. А. Зиновьева о том, что без объективного, беспощадного понимания сущности советской контрреволюции ни о каком спасении и возрождении России речи быть не может, — это гражданский призыв к русской науке, ко всем думающим людям нашей страны.

Необходимость колоссального интеллектуального и духовного усилия нации сегодня ощущается по всем направлениям малопонятной нам

самим жизни. Тревожность бытия постоянно накапливается из-за отсутствия, с одной стороны, зримых попыток властвующей элиты докопаться до истины, «какой бы неприглядной она ни была», а с другой — из-за нарастающего со стороны той же элиты «тотального идеологического оболванивания, незримо превосходящего советского».

Я думаю, выход возможен — это мое предложение — только на пути тщательного выстраивания многослойной, во многом самоорганизующейся инфраструктуры, содействующей интенсивному развитию общественно-политической мысли в России, разработке эффективных социальных технологий. При этом данная инфраструктура должна не только инициировать и поощрять усилия собственно профессионалов в этой области, т. е. нас, ученых, политологов и все экспертное сообщество, но и вовлекать — это главный момент — в этот процесс самые широкие слои общества. То есть речь идет о создании и постоянном действии школ по типу Зиновьевской школы, семинаров, конгрессов. Кстати сказать, я уже два года бьюсь над тем, чтобы в нашей стране утвердился международный конгресс по развитию общественной политической мысли в России, чтобы он проводился регулярно, чтобы он проводился не только научным сообществом, но и, условно говоря, всем обществом. Разумеется, речь идет о принципиально новых «фабриках мысли», которые должны создаваться на принципиально новых базовых элементах.

Конечно, инфраструктура, о которой идет речь, — штука чрезвычайно сложная. Привить ее на нынешнее, почти засохшее дерево нашего политического устройства будет невероятно тяжело. А нужно сделать так, чтобы эта инфраструктура была частью политической системы страны, чтобы ни один шаг политического руководства не был бы проведен без согласования вот с этой постоянно творчески работающей, познавательной инфраструктурой. Это, я считаю, не какой-то прожект. Это реальность, над которой надо работать и которую надо воплощать. Потому что без политизации населения, глобальной, мощной (а ведь в самом начале нас отговаривали от этого, говорили, что не надо даже знать, кто у нас премьер-министр, как на Западе), без того, чтобы народ, сознательная часть нашего народа разбиралась в тех социальных процессах, которые протекают на наших глазах, без этого вообще разговора не может быть. Но медлить больше нельзя.

Международные «Зиновьевские чтения» — это как раз первый шаг в данном направлении. Ежегодные Чтения, наверняка, вызовут к жизни

разнообразные по формам и направлениям очаги активного познания всей глубины социально-политических процессов, разворачивающихся на пространствах посткоммунистической России. Однако реализуемость данного познавательного проекта в наших условиях, его результативность будут целиком и полностью зависеть от одного обстоятельства.

И вот мое следующее предложение. Это необходимость появления у нас, наконец, реального общественного телевидения. ОТВ, по моему мнению, — это ядро национальной познавательной инфраструктуры, ее двигатель и главный коммуникационный канал. Власть не нуждается в ОТВ, поэтому всячески тормозит его появление, ссылаясь на неопределенность источников финансирования.

Но выход из мифического финансового тупика, разумеется, есть. Это не госбюджет и не налог на телеприемники и, тем более, не платность общественного канала. Наше право иметь в своей стране ОТВ должен оплачивать реальный медиабизнес. Именно он во всех своих ипостасях и проявлениях, метко названный А. А. Зиновьевым «безликим божеством современной цивилизации», просто обязан платить за справедливое желание людей получать объективную информацию. Каждое отечественное медиапредприятие определенную часть своего бюджета должно направлять на финансирование ОТВ, по принципу: срубил дерево — посади новое.

Наше информационное пространство сегодня все больше напоминает враждебную виртуальную реальность, мощным катком подминающим под себя все живое. Ни о каких оздоравливающих посадках в этой стремительно образующейся пустыне никто не думает.

Сверхзадача гражданского общества сегодня, несмотря на всю его историческую слабость, — добиться появления в России открытого, свободного и независимого от бизнеса и власти ОТВ. От этого зависит решение многих жизненных для России вопросов и, в первую очередь, судьба просветительского проекта, о котором здесь идет речь. Ведь только с ним может в России, цитирую, «появиться сознательно-волевая деятельность самой активной части общества», генерирующая какие-то идеи, теории, концепции, планы по новой социальной организации страны.

ЗАДАЧИ И ПРОЕКТЫ

В. А. ФИЛИМОНОВ,

Омский филиал Института математики СО РАН

1. А. А. Зиновьев «разобран» по секциям (дисциплинам). Хочется понять, как может быть собран целостный «феномен (жизние) Зиновьева».

2. Аналогичная задача: сделать междисциплинарную сборку (конфигуратор) научных достижений А. А. Зиновьева.

3. Библиотека примеров: сравнение подходов А. А. Зиновьева и других исследователей к различным задачам (разбор апорий Зенона, интерпретация корпускулярно-волнового дуализма у Зиновьева А. А. и в «модели человека» В. А. Лефевра, и т. д.).

4. Автору посчастливилось встречаться с членами Московского методологического кружка (ММК), к которому принадлежал А. А. Зиновьев, среди которых О. С. Анисимов, И. С. Ладенко, В. А. Лефевр, В. К. Финн, Г. П. Щедровицкий. Автору давно хочется понять как причины разрушения коллективов единомышленников такого уровня, так и пути интегрирования деятельности людей, которые плохо интегрируются известными способами. (Математические аналогии — интегрирование по Риману, Лебегу, Ито...).

5. Направление, которым занимается автор — технологии коллективной работы в ситуационных центрах — позволяет конструктивно и комплексно реализовать многие идеи А. А. Зиновьева. Естественно, потенциал этих идей требует участия многих исследователей. Ниже перечислены проекты, начало реализации которых в форме прототипов запланировано на 2007 год.

6. Проект «**Визуальная схематизация**»: визуальная интерпретация теорий А. А. Зиновьева, в том числе с использованием когнитивной графики. Интересно, что сам А. А. Зиновьев практически не использовал графические средства в своих текстах, при этом создав целую галерею художественных графических сюжетов.

7. Проект «**Комплексная логика**»: экспертная система, поддерживающая рассуждения эксперта и анализирующая их соответствие логической системе А. А. Зиновьева.

8. Обсуждение перечисленных вопросов предполагается осуществить во время «Зиновьевских чтений» в Омске 15 мая 2007 года в Омском филиале Института математики СО РАН. Предполагается также организовать веб-трансляцию фрагмента обсуждения.

ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ А.А.ЗИНОВЬЕВА: ИДЕИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

И. А. КАЗАНСКАЯ,

*аспирантка философского факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Уважаемые коллеги, сразу оговорюсь, что мое выступление вряд ли будет так художественно оформлено, как предыдущие.

На самом деле мало кто знает, что у Александра Александровича были свои интернет-проекты. Я сейчас не говорю о сайтах, статьях о А. А. Зиновьеве, которые, безусловно, есть в Интернете. Я говорю именно об интернет-проектах, которые задумал и осуществил сам Александр Александрович. Так сложилось, что мне посчастливилось ему в этом помогать, способствовать в их реализации. Такая интересная линия, связанная с Интернетом, началась в 2004 году. Наверняка тем, кто близко знаком с Александром Александровичем, известно, что он даже никогда не работал на компьютере. Не знал, что это такое. Тем более, он не знал с чисто практической точки зрения, что такое Интернет, как он конкретно выглядит. Тем не менее, его логика, его учение об обществе было настолько адекватно современности, что он прекрасно представлял, что это такое, какую роль это играет в современном обществе. В разговорах о том, что такое Интернет, для чего его можно использовать, какую роль он играет в современности, он даже делал некоторые обобщения. Выделял какие-то вещи, которые можно делать именно

в Интернете, но которые невозможно или нельзя в полной мере осуществить в реальной, обычной жизни.

В частности, он высказывался, что Интернет в скором времени останется единственным пространством, где будет в полной мере осуществлена свобода слова, где можно говорить, что тебе нужно, где нет особой цензуры. Но, помимо этого, важен не только тот факт, что там есть свобода слова, но и тот факт, что там есть свобода слушания. Ты можешь читать то, что там написано, можешь не читать, если тебе не интересно. И в этом плане интернет-пространство — это такое пространство, где можно увидеть некоторую обратную связь. Ту группу людей, которые воспринимают твои мысли, твои идеи. Ту группу людей, которая либо резко против, либо безразлична к ним. И как-то оценить размеры этой группы, буквально в конкретных цифрах подсчитать.

Второй важный момент, который сам Александр Александрович выделял, — это возможность сетевого общения с помощью Интернета. Это очевидный факт, но, тем не менее, надо о нем сказать. Могут быть связаны люди разных стран, разных возрастов, разных регионов, собрать которых за одним столом, как мы сейчас с вами сидим, просто невозможно.

Я кратко опишу те интернет-проекты, которые действительно были сделаны нами совместно, те идеи, которые за ними стояли.

Первый из них — это, конечно, педагогический. Здесь говорили, что Александру Александровичу очень хотелось, чтобы у него была своя школа. Такое место, где он мог бы передать свои идеи, как-то сформулировать их в комплексе, подвести итог тем теориям и тому учению, которые он создал в течение жизни, и чтобы были те слушатели, которым это интересно. Конечно, эта идея была реализована в 2000 году здесь, в Московском гуманитарном университете. Но несмотря на это, хотелось, чтобы были люди, которые более глубоко могли бы изучать теории Зиновьева. Возможность собрать такую группу людей предоставил как раз Интернет. В декабре 2004 года мы собрали группу 30–40 человек из разных регионов России и зарубежья. Это была русскоязычная группа, в которую входили, в том числе, люди из Франции, Германии, США, понимающие русский язык. В возрасте был разброс от 18 лет до 65 лет. Это были именно те люди, которые были заинтересованы учением, которое предлагал Александр Александрович. Для этой группы был создан достаточно длинный курс Александра Зиновьева через Интернет, который они и прошли. Опять же, мало кто знает, что именно материалы это-

го курса легли в основу книги «Фактор понимания», которая стала последней книгой, написанной Зиновьевым. Более того, часть материала, который был и есть в этом курсе, не вошла в книгу. Ее больше нет нигде, кроме как в материалах дистанционного курса. В частности, это большой раздел логических формул, большой раздел интеллектологии, учение о логическом интеллекте Зиновьева. Много иллюстративного материала, который включает в себя как картины самого Зиновьева (я имею в виду цифровые репродукции), так и картины других художников, которые помогают лучше понять отдельные части и главы учения Зиновьева.

Учебный курс включает в себя задания для обучающихся. Это задания для самоконтроля; они были придуманы нами совместно для тех людей, которые будут проходить этот курс дистанционно.

Это не тесты. Частично это задания, касающиеся логической стороны: задания по формулам, по записи текста, высказываний в формульном виде, по расшифровке знаков и т. д. А больше половины — это творческие задания, касающиеся того, как применить теории Зиновьева к анализу современного общества, например, того, в котором мы живем, российского общества. Тестов там не было. Работа шла напрямую.

Сам курс состоит из 4 разделов. Первый раздел — это логический интеллект, интеллектология.

Второй раздел — логическая социология.

Третий раздел — понимание настоящего, учение о настоящем.

Четвертый раздел был написан Александром Александровичем в начале 2006 года. Он содержит те вещи, то понимание, которое пришло к нему в самом конце его творческого пути, в конце жизни. Это прошлое и будущее — футурология и ретрология, как называл это сам Александр Александрович. Он считал, что это очень важная часть. Это то, с помощью чего можно как бы понять и обобщить все остальное его учение.

Несколько месяцев назад было принято решение открыть этот курс, сделать доступным для всех желающих. В настоящее время все полностью автоматизировано. Рассылка материалов ведется по электронной почте в автоматическом режиме. Вместо той небольшой группы из 30 человек, которые находились в живом контакте с Александром Александровичем (мы даже устраивали телеконференции со слушателями дистанционного курса), в настоящее время этот курс проходят 200 человек. Буквально каждый день от 2 до 5 новых слушателей подписываются и начинают прохождение той части курса, которая им наиболее интересна.

Так как этот курс открытый, существуют соответствующие возможности для вузов, которые хотели бы каким-то образом ввести преподавание учения и теории Александра Александровича в качестве факультатива или спецкурса для своих студентов. Они могут рекомендовать своим студентам этот сайт исследовательского центра Зиновьева — zinoviev.org. Там все легко можно сделать, легко подписаться на эти курсы. Это первый и самый крупный педагогический интернет-проект.

Александр Александрович говорил: «У меня нет учеников, но у меня есть слушатели. Нет учеников, нет последователей. Но есть слушатели. Те, кому близки мои идеи и они хотят их изучить».

Но это не все. Этим интернет-проекты А. Зиновьева не исчерпываются. Из других проектов упомяну следующие. Существовала некоторая потребность давать оперативные комментарии происходящим в стране событиям, реакцию на них. В 2004–2005 годах фактически раз в неделю Александр Александрович писал в злободневной статье о тех событиях, которые происходили в стране. Статьи маленького формата — до трех страниц. Существовал интернет-журнал под названием «Русский вклад». Подписчиками этого журнала были около 1000 человек. Это люди разных возрастов и разных мест проживания. Время от времени этот журнал читали порядка 5 тысяч человек. Это были открытые публикации. Любой мог их комментировать. Количество комментариев составляло до 300–500 высказываний на одну статью. Это непосредственное свидетельство того, какой отклик находит применение теорий Зиновьева к анализу происходящих событий. Это не только комментарии, поддерживающие или одобряющие. Это и критика, и откровенное неприятие, вплоть до ругани, но интернет-пространство открытое. Это надо учитывать.

Был еще интернет-проект, выражавшийся в том, что мы вывешивали в Интернете аудиозаписи тех произведений, которые по каким-либо причинам не удавалось издать в достойном виде. В частности, мы таким образом записали — Александр Александрович сам читал — его книгу «Пьянство». «Анализ пьянства как феномена, который в свое время мог стать национальной идеей для России». Это не мои слова. Это слова Александра Александровича. В конце 2005 — 2006 году мы записывали с периодичностью раз в неделю по главе из этой книжки, которая никогда не была опубликована. И размещали эту аудиозапись на одном из сайтов в Интернете вместе с цифровой репродукцией картины Александра Александровича из цикла о пьянстве. Это до сих пор доступно. Есть все адреса. Проект имеет бешеный успех. Это действительно так. Эти

аудиозаписи, периодические радиопередачи прослушали порядка 25 тысяч человек. Отзывы, комментарии были самыми лучшими. Можно считать безусловным успехом. Я всем собравшимся очень рекомендую послушать. Во-первых, это голос Александра Александровича. Он как бы опять с нами. То чувство юмора и задор, с каким он читает свои стихи и прозу, отрывки о пьянстве, просто замечательны.

Нами были записаны несколько аудиобесед о проблемах логики. Этот цикл не был закончен. Эти аудиозаписи хранятся, они еще не изданы.

АКТУАЛЬНЫЙ ЗИНОВЬЕВ: ПРОБЛЕМЫ АРМИИ

П. А. КУЗНЕЦОВ,

*преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
Калужский филиал Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ*

Уважаемые коллеги! Я предлагаю вашему вниманию доклад на тему «Перспективы перевода российской Армии на контрактные основы и годичную срочную службу». Мне очень жаль, что приходится именно в этот момент озвучивать такую тему, потому что только недавно прошел праздник Победы, а перспективы не обнадеживающие в связи с этой реформой. Много говорилось о реформах на чтениях. Это тоже интересный момент, который с научной точки зрения не прорабатывался. Вся аналитика, которая мне попадалась на этот счет, главным образом основывается на каких-то предположениях Министерства обороны. Приводится какая-то статистика. Особенность моего исследования в том, что большинство информации взято непосредственно из армии. Я в 2004 году отслужил, попал на Кавказ. Много общался, много ездил по командировкам. В саперном батальоне был. В армии очень распространено общение. Это одна из немногих отдушин. Сбор информации был специфици-

ческим. Так обычно в официальной социологии не делается. Но зато выводы получились очень интересными. Эта тема является лишь частью общего исследования. Причем, очень незначительной частью. Передо мной стояла дилемма: озвучивать или нет какие-то общие направления и какие-то общие выводы, которые получились в исследовании Армии. Я пришел к выводу, что лучше концентрироваться на актуальном вопросе идущей реформы.

Хочу начать с характеристик основных направлений, по которым идет формирование контрактной армии в наше время. Первый и самый важный способ — это контракт в спецвойсках. Дело в том, что здесь солдаты получают хорошую подготовку. Затраты на подготовку весьма велики. Власти всячески стараются привлечь к заключению контракта, причем, делают это способами не только финансовыми. Людям вдалбливают в головы, что они служат в лучших подразделениях, и если они не заключат контракт, их просто переведут в другие. Власти заинтересованы, коллектив тоже давит. Александр Александрович Зиновьев рассказывал, как во время войны заставляли сдаваться тех, кто не хотел. То же происходит сейчас при привлечении людей на контракт.

Контрактные войска — это дело хорошее. На контракт попадают люди профессионально подготовленные. А вот в остальных частях ситуация несколько иная: здесь контракт не является условием продолжения службы, а заключается, прежде всего, из-за привилегий, которые дает контракт контрактнику. Особенно эти привилегии ощутимы в условиях армии, когда малейшее улучшение в чем-либо воспринимается очень чутко, очень эмоционально. Люди просто не думают о последствиях. Они живут обычно одним днем, ближайшими перспективами, поэтому не задумываются о том, что, заключив контракт, они могут отправиться в горячие точки. А сейчас хоть какие-то привилегии получают.

Интересный момент. Привилегии контрактникам ощутимы обычно в частях, формируемых в основном солдатами срочной службы. В частях чисто контрактных все прелести армейской жизни входят в жизнь контрактников. Огромный вклад в привлечение людей на контракт вносит дедовщина в войсковых частях. Люди пытаются просто убежать от дедовщины, заключив контракт. Но это не всегда удается. Уже известны случаи, — они довольно распространены, — когда люди сначала заключают контракт, переводятся в контрактную часть куда-то на Кавказ (в последнее время только на Кавказе части полностью формируются контрактниками), а потом убегают оттуда, самовольно оставляя часть.

Плюс к этому, военнослужащие могут заключить контракт, если не имеют никаких перспектив в гражданской жизни, если ничего больше не умеют, не имеют образования. Этот фактор очень важен. Это касается психологических и социальных механизмов принуждения к контракту.

Есть еще экономические. Сейчас это хорошо идеологически навязывается: якобы и жилищные условия улаживаются, и деньги получают контрактники. Но при этом, естественно, не говорится о том, что более 100 тысяч военнослужащих ежегодно судятся с Министерством обороны, чтобы получить положенные им поощрения и деньги. В армии даже создана полугражданская финансовая структура, которая занимается судами и экономическими делами.

Помимо всего прочего, контракт привел к тому, что появился целый букет таких отклонений и нарушений, которые, в принципе, естественны в нашей современности, но они негативны. По контракту служат те, кому в армии нравится особенно не напрягаться и не работать. Это очень важный фактор психологический. Соответственно, профессионализм таких военнослужащих достаточно сомнителен. В контрактных частях сложилось такое явление, когда контрактники вообще не служат по факту. Они либо договариваются с командованием, отдавая часть зарплаты, либо, используя какие-то свои связи с вышестоящим командованием, не ходят на службу. Еще интересный момент. Если попытаться уволить контрактника, который, скажем, не приходит на службу, то требуется длительная бюрократическая процедура. Она занимает много месяцев. И этот промежуток оказывается в совершенно подвешенном состоянии.

Появился институт «липовых» контрактников. Это верх армейской спекуляции, когда солдат срочной службы служит, считая себя солдатом срочной службы, а по документам части проходя как контрактник. Это тоже распространенное явление, особенно в частях материального обеспечения, где крутятся большие материальные ресурсы. Помимо этого много спекуляции. Себе это они могут позволить, договорятся с кем надо.

Особо хочу акцентировать внимание на том, что в обычных частях контрактники занимают привилегированное положение. Я об этом говорил. Они стоят по статусу выше дембелей. Это последние полгода службы в двухгодичной армии. Люди становятся дембелями. Такой термин армейский. Контрактники злоупотребляют своим социальным положением точно так же, как и дембеля. В частях, полностью сформированных контрактниками, отличий от частей срочной службы практически нет: контрактники несут те же обязанности, всю черновую работу выполня-

ют. Дедовщина и здесь существует. Теперь это уже факт. Хотя и расположены эти части в очагах напряженности: в Ингушетии, в Чечне. Есть такой негативный фактор в контрактных частях. Здесь дисциплина существенно ниже, чем в частях обычных. Люди в контрактных частях не живут 24 часа в коллективе. Коллектив частично утрачивает над ними контроль. Офицеры часто через коллектив контролируют людей, стараясь привлечь их к дисциплине, в том числе через какие-то физические воздействия. Это все есть. Без этого никуда не уйти в нашей российской армии. Эти методы, применяемые к контрактникам, достаточно сложные. Потом скажу, с чем это связано.

Теперь о проблемах, к которым приведет реформа. Во-первых, стоит проблема дисциплины. Об этом я говорил. Контрактники по статусу выше дембелей. Уходят свободно с территории части. Коллектив над ними не властен. Можно лишить их денег, но кому-то все равно надо выполнять эту работу. Лишишь их денег, а траншея не будет рыться от этого сама. Кому-то надо это делать. Поэтому появляется дедовщина уже среди контрактников. Старые контрактники заставляют молодых, психически менее устойчивых, делать всю работу, так как самим хочется получить какие-то послабления, но не хочется получать очередной нагоняй, лишаться денег тех же. Получается трехлетняя дедовщина. Подвергать наказаниям всех контрактников с целью поддержания дисциплины не удастся, потому что любой контрактник может в любое время покинуть территорию части, пойти в прокуратуру, сдать тех, кто пытается его принудить, чтобы он что-то делал. Это тоже фактор, который подрывает дисциплину в частях. А если контрактные части будут разбавлены солдатами срочной службы, здесь появится такой момент, как привлечение именно солдат срочной службы ко всей черновой работе в частях. Кому-то ее надо делать. Контрактник пользуется привилегией, значит, это будут делать именно солдаты срочной службы. В результате дедовщина становится еще более жесткой, просто невыносимой. Место дембелей займут контрактники. Но если с дембелями что-то можно сделать, то с контрактниками так же поступить не удастся. Их обязанности свалются на неподготовленных к ним годичных призывников.

Помимо дедовщины в области контракта, дедовщина установится и в области двух призывов. Их два получается. Второй период будет проще для солдата. Это тоже психологический фактор. На них меньше давления оказывается, их уже воспринимают как своих. А для молодых будет еще хуже в плане дедовщины.

Вызывает шок садизм власти, проявившийся в этой реформе. Призывников будут принуждать к заключению контракта фактически дедовщиной. Они ведь захотят выбраться из того ада, который для них будет создан. Будут стараться заключить контракт, оказаться в более привилегированном положении. Учитывая тот факт, что заключить контракт сейчас можно только спустя полгода службы, эти полгода призывники будут как в ловушке.

Во-вторых, реформа нанесет основательный удар именно по профессионализму службы. Говорят, что перевод армии на контракт приведет к тому, что она сразу станет профессиональной. А откуда она станет профессиональной? Я говорил о том, как формируются контрактные части. Единственные профессионалы здесь оказываются в спецвойсках. Но на спецвойсках наша армия не заканчивается. Это скорее исключение. Эти части сейчас не так важны, как те же части ПВО и т. п.

Следует выделить еще один момент. Контрактник, в отличие от призывника, не так заинтересован в выполнении работы. «Заинтересован» следует взять в кавычки, потому что если он свою работу будет плохо выполнять, он будет наказан. И призывник старается повышать свой профессиональный уровень по факту. И за счет этого увеличивается профессионализм в частях. Контрактник не будет заинтересован в этом. Если даже на дембелей в современной армии можно воздействовать: психологическими средствами, физическими, — на контрактников воздействовать так не удастся. Он оказывается виновником того, что дисциплина подрывается. Подрывается профессионализм в этом плане.

Скажется на профессионализме армии и отход от традиции преемственности занятия ответственных должностей. Только эта традиция сейчас и обеспечивает фактически достаточный уровень подготовки солдат. Двухгодичник последнего года службы в некоторых случаях готовит себе молодого преемника. Готовит его, приучает к дисциплине, передает ему свои навыки. Опытные офицеры, особенно в частях, где очень долго приходится готовить призывника: год, полгода, — бьют тревогу, потому что если срок службы настолько сокращен, то просто нет времени на обучение и подготовку. Контрактник, исходя из предыдущих моментов, не заинтересован в такой подготовке молодой смены.

Третье. В контрактных частях встанет проблема с комплектованием. Сейчас очень важным стимулом при заключении контракта является то, что разница службы между двумя и тремя годами человеком так сильно не воспринимается, как разница службы между годом и тремя годами.

Контракт, как известно, предполагает три года службы. И вот, когда человек пришел на два года, он фактически готовится к тому, что ему придется жить армией. Ему в принципе все равно — два года, три, а если еще при этом он получит какие-то привилегии, то уж лучше три. Поэтому заключают контракт. Если человек пришел на год, он знает, что через год он уйдет домой. Это мало, год быстро пролетает. Фактически уйдет этот стимул заключения контракта. Человек перетерпит этот год. Что контракт все равно не освобождает от многих прелестей армейской жизни, видно и срочнику, который будет служить один год. Этот факт очень здорово ударит по проблеме комплектования.

Не совсем ясно, откуда власти планируют взять столько контрактников, сколько требуется для полного укомплектования армии. Не понятно и то, какие должности будут занимать контрактники, а какие солдаты срочной службы. Будут ли эти должности в рамках одной и той же части, либо одни войсковые части полностью укомплектуют контрактниками, а другие — призывниками. Последнее маловероятно, так как с точки зрения профессионализма от годичных призывников толку никакого. В любом случае придется какие-то должности замещать контрактниками во всех частях. Тогда непонятно, зачем призывать в армию на один год, если призывники все равно не получают реальной подготовки для замещения ответственных воинских должностей. Для их замещения требуется подготовка и практика, которые будут только у контрактников. Призывники в такой ситуации оказываются в положении мальчиков на побегушках. Их будут привлекать на все черновые работы. Сейчас это распространенное явление в некоторых частях, где требуется долго учить новобранцев. Когда в армию попадают выпускники высших учебных заведений для годичной службы, из них просто формируют команды для исполнения самых низкоквалифицированных нарядов. Такая судьба теперь будет ждать всех призывников.

Встает интересный вопрос, зачем вообще нужна в таком случае эта реформа? Что она дает, если по всем пунктам, которые заявлены, она приведет только к ухудшению ситуации? Представляется мне, что этим больше преследуется идеологическая цель. В данном случае идет оправдание гибели контрактников в горячих точках, издевательств в армии. Если человек заключил контракт, то вроде он сам виноват в том, что с ним будут делать в армии: не надо было заключать контракт. Такой принцип. Кроме того, реформа позволит власти выглядеть западнообразно, к чему она, собственно, и стремится. В обществе реально не под-

держивается идейная составляющая службы. В армии такой составляющей практически нет. Случаи, когда люди служат именно исходя из каких-то идейных соображений, настолько единичны, что их даже не следует принимать в расчет. Ничего в плане оздоровления идейной ситуации не делается. Делается невнятная реформа.

Единственный вопрос, который она более или менее решает на первое время — это комплектование. Оно, конечно, столкнется с проблемами, но реформа более-менее решает этот вопрос, потому что позволит поставить многих дембелей, кому сейчас увольняться в армии, именно на контракт.

Единственный способ сделать контрактную армию эффективной — это повышать там дисциплину. Но с таким же успехом можно повышать дисциплину и не переводя армию на контракт. Это разные совершенно аспекты реальности в армии.

Вот такие неутешительные выводы я вынужден вам доложить по вопросу реформирования нашей армии.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РОССИЯНИНА АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

МАРК ЗАЛЬЦБЕРГ,
*доктор физических наук,
Хьюстон, США*

10 мая 2006 года в Москве скончался выдающийся философ, социолог и писатель Александр Зиновьев. Ему было 83 года. Александр Зиновьев явление уникальное не только в российской культуре, науке и истории. Им созданы новые направления в логике, философии, литературе, социологии и даже в живописи. Более 30 написанных им книг переведены на 26 языков. Их изучал и будет изучать весь мир. Он лауреат

самых престижных литературных премий, включая Европейскую премию за лучшее эссе (1978 год), премию Медичи за лучший зарубежный роман (1979), Европейскую премию за лучший научно-фантастический роман (1980), международную премию Токвиля за социологические исследования (1982) и множества других. Зиновьев является членом нескольких Европейских Академий и почетным гражданином Франции, Италии и Германии. Зиновьев как художник выставлял свои работы в престижных галереях нескольких европейских стран, включая Италию, Францию, Германию и Швейцарию. Профессор Московского Университета, бывший боевой летчик — участник Второй мировой войны был выслан вместе с семьей из СССР в 1978 году за всемирно известную книгу «Зияющие высоты». Жил и работал в Мюнхене до 1999 года, когда был приглашен Российским правительством вернуться на Родину с возвращением ему всех военных наград, звания профессора и доктора наук. С тех пор и до своей недолгой болезни он работал в Московском Государственном Университете.

Я не только тщательно изучил все им написанное, но имел честь называться его «другом и учеником в социальном мышлении» (это из надписи на одной из подаренных мне Зиновьевым книг), поэтому то, что я пишу, может показаться кое-кому пристрастным, и это будет правильно, но зная Зиновьева и его семью в течение почти 30 лет, я надеюсь, мне удастся познакомить аудиторию с истинным Зиновьевым, не только великим мыслителем, но и человеком.

Многие считают его работы трудными для понимания, иные просто не хотят читать их после нескольких первых страниц, но те, кто не побоялся серьезной работы, навсегда остаются его почитателями и считают себя его учениками. Чтение — дело серьезное. Изучение великого автора — будь то Пушкин, Толстой, а тем более Зиновьев — требует умышленного и эмоционального напряжения. Скользя по строкам, не поймешь и не прочувствуешь ни замысла, ни красоты даже чисто литературного произведения. Что уж говорить о произведениях Зиновьева, которые он сам называет социологическими романами. Эти произведения гораздо сложнее того, что мы зовем художественной литературой, но какое счастье, вникнув в его работы, почувствовать в себе то, что Зиновьев называл «правильным разворотом мозгов».

Зиновьев учит нас научному мышлению — привилегии очень немногих людей, и для этого вовсе не обязательно быть ученым. Мало того, многие ученые умеют научно мыслить только в своей области, оставаясь

обывателями, как только речь идет о политических или социальных проблемах. Прежде всего научное мышление исключает такие термины как «нравится» или «не нравится». И если в естествознании это ни у кого удивления не вызывает (ну как может нравиться или не нравиться свойство урана 235 расщепляться с выделением энергии и радиации?), то в гуманитарных науках такая беспристрастность вызывает протест не только у обывателей. В частности, упомянутое свойство урана признается вредным, а открыватели этого свойства признаются опасными людьми. Второе, но не последнее отличие научного мышления — это абсолютно нейтральное отношение к автору и сосредоточение внимания на корректности его выводов без какой бы то ни было связи с применением и толкованием оных, а также с личностью автора. Я не раз слышал от своих собеседников: «Ты прав, но так говорить нельзя». При этом следовало напоминание, что так высказывался Сталин или еще кто-нибудь подобный. Человек, научно мыслящий, не интересуется моральным обликом говорившего или писавшего. Он интересуется — правда ли то, что сказано. А дураком Сталин конечно же не был.

Короче говоря, большинство из нас мыслит идеологически. Всякое явление жизни мы норовим снабдить ярлыком «хорошо» или «плохо», подразумевая при этом, что всем хорошо известно, что это такое. А ведь речь идет не о сказочке Маяковского для дошкольников! Идеологическое мышление мешает множеству умных людей правильно оценить вклад Зиновьева в науку и литературу. Кроме того, наша привычка причислить заметного автора, а тем более ученого, к какому-нибудь лагерю мешает не только пониманию его деятельности, но полностью препятствует даже желанию читать его, если он «не наш». Зиновьев был «наш» и даже очень «наш», когда нам казалось, что он вразнос критикует коммунизм, и он стал «не наш», когда постепенно стало выясняться, что он коммунизм не критикует, а изучает. Все тут же решили, что он коммунизм хвалит, тогда как он просто анатомировал его. И мало кому ясно, что коммунизм, как и любое другое явление природы, ни от похвалы, ни от хулы понятнее не станет. Его нужно просто изучать, пользуясь соответствующими приемами науки, а не идеологии. Эти приемы, эту методологию изучения человеческих сообществ и создал Зиновьев. Ведь, прежде всего, он был гениальным ученым. Но вместо того, чтобы благодарить его за помощь в преодолении невежества, большинство стали называть его сначала антисоветчиком, дессидентом, антикоммунистом, а далее — русофобом, недобитым коммунистом и каким-то коммунякой.

Все эти эпитеты из русской эмигрантской и российской прессы. И этот абсурд об одном и том же человеке. Понятно, что большинство его критиков не читали его работ, а если читали, то ничего не поняли.

В середине 70-х годов Зиновьев, логик и доктор философских наук, профессор Московского Университета и старший научный сотрудник Института философии АН СССР, международно признанный классик в области логики, начал работу над своей самой известной книгой «Сияющие высоты». Следует пояснить для тех, кто не знает уже коммунистической терминологии, что в этом названии содержится тонкая издевка над расхожим лозунгом тех лет о «Сияющих вершинах коммунизма», до которого рукой подать, ну как до прекрасных, сияющих горных снеговых вершин, уже видимых путнику. Этот социологический роман раскрывал перед внимательным читателем не столько пресловутые «ужасы коммунизма», сколько закономерности их возникновения в обществе, поставившем себе задачу его построить.

Ошеломительный успех этой книги, переведенной и изданной почти во всех культурных странах, обеспечил Зиновьеву славу дессидента, которым он не был, и антикоммуниста, которым он тоже не был. Ему было обеспечено также немедленное изгнание с работы, лишение ученых степеней, званий и боевых орденов и высылку с Родины, чему он долго сопротивлялся. Что же содержала эта книга для внимательного и не очень внимательного читателя? Внимательный читатель видел, что в СССР построен истинный коммунизм, что другого нет и быть не может, что в любом обществе, вставшем на путь построения коммунизма, будет примерно то же самое, ибо есть к тому законы природы, законы социологии, а не злая воля отдельных вождей. Кое-кому это очень не понравилось, а прежде всего — властям, ибо эта книга была для них гораздо страшнее книг Солженицына.

Доказательство того, что ужасы коммунизма есть закономерность, было для властей гораздо опаснее, чем простое перечисление коммунистических нелепостей, жестокостей и недостатков. Не очень внимательный читатель увидел в книге простое издевательство над ненавистным режимом, а автора — очередным, правда, очень талантливым критиком коммунизма. Книга к тому же была просто литературным шедевром в новом, порожденном Зиновьевым, жанре и местами очень смешная. И это видели все. Так Зиновьев стал антикоммунистом и дессидентом. А ведь, прежде всего, это была научная работа, облеченная в форму романа. Это было первое научное исследование реального коммунизма.

Однако последующие работы Зиновьева вызвали бурный протест большинства русских читателей. Строго доказанные автором положения о том, что коммунизм был результатом воплощения в жизнь самых светлых идеалов человечества, что сталинизм был высшей формой народовластия, что не будь сталинской сверхвласти, миллионы шакалов, устремившихся в большевистское правительство, разграбили бы и развалили страну мгновенно, — были восприняты большинством читателей как прославление сталинизма (книга «Нашей юности полет»). Еще большее непонимание выпало на долю книги «Гомо советикус». В ней Зиновьев утверждал, что коммунизм вывел породу адекватного ему человека или скорее коммунизм был адекватен существовавшему еще до революции человеческому материалу. Тут-то Зиновьева и стали называть коммунистом и русофобом. Как можно быть русофобом сыну и потомку поколений русских крестьян, никто объяснять не брался. Русофоб и все! Уж очень неприятно было не только признать, а даже читать, что коммунизм и был только возможен с наличествующим человеческим материалом. А ведь еще чуткий Солженицын заметил: «Не на парашютах же нам забросили это волчье племя». Да и трудно представить себе правительство, поставившее себе конечной целью выморить полстраны, и еще труднее себе представить миллионы людей, которые выполняют эту бредовую задачу, не руководствуясь какими-то высшими, как им казалось, целями.

Зиновьев во всех своих книгах, написанных до перестройки, показал, что все злодейство коммунизма (Содом и Навуходоносор, как назвал его в книге «Маска и душа» Шалапин) явилось результатом охватившего всю страну энтузиазма построения «самого справедливого общества на Земле». Идеологически мыслящий человек не может допустить, что хорошие намерения могут привести к ужасным последствиям при их реализации, так же как и то, что ужасные на вид мероприятия могут служить во благо большинства. Все читатели растерялись. Все привыкли к черно-белой окраске политической терминологии. Всем уже ясно, что в коммунизме все плохо, что СССР — тюрьма народов, и никоим образом коммунизм не мог быть соблазном для миллионов, раз он так ужасен. Все как-то забыли, что ужасы проявились по-настоящему только тогда, когда коммунизм начал реализовываться на практике.

Но вот началась перестройка. И с таким же энтузиазмом, как в 1917 году, вся страна кинулась снова разрушать свой социальный, экономический и политический фундамент. Снова благие намерения

с ужасными результатами. Книги Зиновьева «Горбачевизм», «Катастрофка» и «Русский эксперимент» вызвали уже не растерянность, а, мягко говоря, неприязнь. Он предупреждал о последствиях, он писал о том, что нельзя так круто и бессмысленно менять самые основы жизни гигантской страны. Он в каждой новой своей работе предупреждал о катастрофических последствиях перестройки, что коммунизм, уже существующий, более адекватен человеческому материалу страны, чем то, что придет ему на смену; что, конечно, надо менять жизнь, но не путем очередного разрушения самых основ ее, а в рамках существующей системы. Так Зиновьев стал коммунякой (на слэнге перестройщиков).

Мы стали умнее, мы видим, что перестройка, выражаясь тем же слэнгом, привела к беспределу. Чтение российских газет, разговоры и переписка с российскими друзьями, мой недавний визит в Россию приводят к мысли, что все предсказания Зиновьева сбылись. Наука разрушена, образование деградирует, 90% населения едва существуют, смертность превышает рождаемость, города разваливаются, а вся Москва усеяна казино и пунктами по отмывке валюты. Последняя работа Зиновьева «Исповедь отщепенца» является скорбной исповедью патриота, на глазах у которого разрушается его любимая Россия. С болью говорил он мне при нашей последней встрече в Москве в 2004 году, что у страны нет будущего, что если бы он знал, что и его работы будут способствовать разрушению основ существования этого государства, то не писал бы он их вовсе. Я возражал ему, что его работы учили нас думать, а не разрушать страну, учили нас социологическому мышлению, что без них многие из нас так бы и блуждали во тьме. За три недели до его кончины в телефонном разговоре Зиновьев снова горестно размышлял о будущем своей Родины, и мне нечем было его утешить.

Надо справедливо отметить, что пресса и телевидение России уделяли Зиновьеву достаточное внимание с момента его возвращения в Москву. А вот понимания обеспечить ему и пресса не смогла. Этот человек не вписывался ни в какие рамки. Он был отдельным, независимым государством, честным и мужественным исследователем, работавшим в науке очень сложной для понимания без систематической работы над его произведениями. А ведь кроме книг по коммунизму он написал несколько книг-пророчеств о будущем планеты и западных демократий.

Великий русский ушел из жизни, как и многие его предшественники — непонятым, оболганным и страдающим. Я посвящаю это выступление памяти моего незабвенного учителя и друга. К сожалению, рамки докла-

да на первых международных «Зиновьевских чтениях» не позволяют говорить долго. Эта работа мне еще предстоит.

Александр Зиновьев ушел из жизни как и подабают воину, честно сражаясь до конца. Моя семья скорбит о нем вместе с его женой и верной помощницей Ольгой и двумя его дочерьми Полиной и Ксенией.

ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗИНОВЬЕВА

М. А. ХРОМОВ,

Издательский дом «Крокодил»

Александр Александрович Зиновьев — философ, мыслитель, гражданин, писатель, художник, поэт? Можно продолжить, но перечисление не дает понимания той притягательной силы, которая действует и на тех, кто лишь соприкоснулся с ним, и на тех, кто постоянно общался, спорил, изучал его творчество. В чем же секрет? Я не готов дать ответ. Творческое наследие изучается, воспоминания пишутся. Попробую передать, в чем состоит обаяние личности Александра Александровича для меня и, возможно, для кого-то еще.

Жизнь несколько раз, как бы шутя, проносила мою судьбу совсем близко.

В начале 50-х годов мой отец, блестяще закончив с красным дипломом физфак Саратовского университета, был направлен в аспирантуру МГУ. В Москве вместо физфака он подал документы на философский факультет МГУ, где в это время пишет кандидатскую Александр Зиновьев. Однако советское начальство посчитало такую смену профессии «нецелесообразной».

На рубеже 70-х я, маленьким мальчиком, бегал по двору московского дома на углу улиц Вавилова и Дмитрия Ульянова. Как потом выясни-

лось, в это же время, в том же дворе, в одной из двух башен жили Зиновьевы. Я даже помню, как ходил в одну из этих башен в гости, посмотреть на чудо техники — цветной телевизор.

1980 год. Негативная энергия нашего пубертатного возраста сконцентрировалась на «застойном» социальном окружении. Книга «Зияющие высоты» была культовой в наших «кухонных» клубах. Упоминание или ссылка на нее создавали причастность и легко могли вызвать серьезные взрослые проблемы с властями. Кроме того, несмотря на младонигилизм, мы были воспитаны в безмерном уважении к легендарным победителям. Описание войны в «Зияющих высотах» придало нечто живое их образу. Однако фигура автора оставалась совершенно расплывчатой, из другого мира.

2003 год. Возникла идея провести выставки карикатуры в кинотеатре «Фитиль». Предложили начать с одного фронтовика-карикатуриста, тем более у него был юбилей ... И вдруг оказалось, что это тот самый Зиновьев. Так мы познакомились.

Трагический 2006 год замкнул эту связь. Планируя поездку на место рождения Александра Александровича, я неожиданно узнал, что мы земляки. Семья моего отца из Мантуровского, соседнего с Чухломским — родным для Зиновьевых районом Костромской области.

Основное свойство человека — мышление. Александр Александрович Зиновьев владел различными его видами — рациональным, образным, эмоциональным, нравственным. Своим творчеством он блестяще ответил на один из главных вопросов XX (и не только) века, объединив картезианскую парадигму (аналитическую детерминированность формальной логики) с системным (холистическим) видением мира и экзистенциальностью личности. Причем сделал это в «классической» формулировке Ильи Пригожина: *«И еще, заметим, новое отношение к миру предполагает сближение деятельности ученого и литератора»*.

Но главным для меня остается не мастерская техника Зиновьева-философа, а целенаправленность Зиновьева-человека. Его ответ на вопрос «В чем смысл жизни?». Реализовав высокую пассионарность сразу двух его народов (человекинов) — российского и советского — он опровергает слова А. Эйнштейна: *«Совершенство методов и неясность целей — вот что, по моему мнению, характеризует наше время»*. Целостность природы и крестьянское упорство позволили Зиновьеву, поставив ясную цель, идти к ней всю жизнь, а разнообразие таланта далеко продвинуло на этом пути.

«Как будто кто-то приказал мне: "Иди!" И я пошел. ... Пойду до конца жизни тем путем, на который уже встал, — путем создания своего собственного внутреннего мира и собственного образа человека. Это и будет, — сказал я себе, — мой протест против всей мерзости бытия, мой бунт против порочности Вселенной и мрачного Бога».

Интеллектуальный рыцарь, осознавший себя в окружающем социальном хаосе, поднявший на щит моральные ценности и вставший на борьбу за Истину — вот возможный герой нашего времени, тот социальный маяк, который укажет путь и нашему поколению.

ALEXANDRE ZINOVIEV, LOGICIEEN ET MARTYR

SERGE RIVRON
(СЕРЖ РИВРОН),

журналист, «Le Monde», Франция

Quand Polina Zinoviev m'a demandé quel serait le titre de ma contribution à cette table ronde, j'ai spontanément répondu «Alexandre Zinoviev, logicien et martyr».

En réalité, je n'avais pas du tout prévu de préparer une quelconque communication, et Polina de son côté, après s'être exclamée qu'elle aimait beaucoup ce titre, s'est rapidement reprise en disant : «je ne sais pas si mon père aurait tellement aimé qu'on voit en lui un martyr».

Elle avait raison. Et pourtant, je vais essayer de justifier ce titre aussi intuitif que complètement idiot.

Passons tout de suite sur la référence évidente au «Saint Genest, comédien et martyr», que j'avais évidemment en tête, mais avec lequel il n'est aucunement dans mes intentions d'établir un parallèle — hormis peut-être le fait que cette très modeste contribution puisse aussi fort déplaire à Alexandre

Zinoviev que l'abondant essai d'hagiographie sartrien avait ulcéré Jean Genest. Mon intention première n'a rien d'hagiographique, et je pense que le seul lien possible entre Zinoviev et Genest, c'est qu'ils n'ont eu aucune prétention à devenir des saints.

M'intéresse plus, dans ce petit syntagme de «logicien et martyr», l'idée que l'œuvre d'Alexandre Zinoviev a bel et bien été dans sa pensée et dans sa vie l'effet d'une corrélation entre ces deux états apparemment fort éloignés l'un de l'autre : la logique et le martyr.

Philosophe de formation, Alexandre Zinoviev s'est très rapidement trouvé attiré, séduit, captivé par cette discipline très particulière, et qu'il à d'ailleurs largement contribué à instituer : la logique. Sans doute était-ce dû à l'immersion précoce de son intelligence dans le mode de raisonnement marxiste, toujours lui-même aux frontières du discursif et de la modélisation scientifique, du rationalisme arithmétique, dont il se réclame, à l'argumentation de la mauvaise foi, qui en découle fatalement — puisque le réel dément toujours le modèle.

Peu importe, d'ailleurs, les raisons profondes ou conjoncturelles de cette élection : Alexandre Zinoviev philosophe, Alexandre Zinoviev écrivain, Alexandre Zinoviev romancier ou essayiste, Alexandre Zinoviev sociologue, fut d'abord et avant tout un logicien, et qui plus est, un logicien d'une imparable logique.

De là son pessimisme, de là son humour si particulier, de là la profondeur de son analyse du modèle soviétique, puis du modèle «occidental», et même ses erreurs de pronostic sur tel ou tel détail de l'évolution prochaine de la «glasnost» ou du CAC 40 (ce dernier qu'il n'a à ma connaissance jamais théorisé, je tiens à le souligner, mais c'est une allusion simplificatrice) — de là ce que j'appellerai son «incandeur».

Je n'aurai pas l'outrecuidance de rappeler ici le procédé principal qui file l'œuvre littéraire d'Alexandre Zinoviev, cette description fouillée du monde par courtes notules, portraits ironiques de personnages toujours archétypiques. L'écrivain logicien, dès son premier «roman» avait trouvé sa partition et ne l'a jamais abandonnée. Cette partition, sa forme et les éléments qui la composent, sont à mes yeux l'exacte transcription littéraire de ces arguments qu'on trouve à foison dans les traités de logique.

Logicien d'accord, conviendrez-vous peut-être, mais martyr ?

Permettez-moi, d'abrégé ma seconde hâtive «démonstration» en me référant sur cette question du «martyr Zinoviev» à une conversation, filmée que m'avait accordée Zinoviev en avril 1989:

«A 17 ans, j'ai été en prison à la Lubianka — répondait-il à la question que je lui posais de savoir quelle était pour lui la société idéale. J'ai réfléchi là-bas, et j'étais arrivé à cette conclusion : il n'y aura jamais une société qui pourrait me satisfaire complètement. C'est pour ça que j'ai commencé à construire dans ma tête mon propre État, et c'est ça qui a été le but de toute ma vie, et ça se résume comme ça : je suis mon propre État.»

Peu après, il dit aussi: *«Quand j'étais jeune, j'ai déduit logiquement (toujours la logique!) de mes réflexions qu'il était impossible à cette période-là d'entrer en lutte contre le régime, mais personnellement, psychologiquement, je ne parvenais pas à me résigner à ce constat, et je me suis lancé dans des aventures complètement folles, comme de vouloir attenter à la vie de Staline. Je suis toujours dans la contradiction entre le constat sociologique, qui montre qu'on ne peut rien changer, et mon comportement psychologique, qui s'oppose à cette vision rationnelle.»*

C'est mon tour de convenir qu'il y a un monde qui sépare l'état d'écartèlement entre la raison et l'espoir dont parlait ici l'écrivain, de celui du consentement au martyr. Alexandre Zinoviev, chacun des présents à cette table ronde le reconnaîtra sans doute, ne s'est cependant jamais contenté des plaisantes contestations de salon, de bistrot ou d'usine qu'il aimait à fustiger, et qu'il voyait comme l'un des éléments d'avilissement social les plus performants mis en place par l'idéologie soviétique. Alexandre Zinoviev, au contraire, a très souvent endossé la tunique qui est, avec les barreaux, l'horizon de ceux qui n'ont pas peur d'aller au bout de leur «provocation» — ce mot dont le pouvoir et la doxa gratifient toujours la parole de ceux qui les dé-rangent. Il a sans doute connu volontairement plus de cachots que nous tous ici réunis. Il n'en est certes pas mort, et c'est heureux. Mais au fond, qu'en sait-on?

En écho, plutôt qu'en réponse à cette question que je ne lui ai pas posée, je voudrais juste citer encore en guise de conclusion un tout petit passage de l'interview qu'il m'accordait en prémice à notre trop brève relation amicale:

«Oui j'ai la nostalgie d'une illusion perdue. Je suis né peu après la Révolution, à une époque où les gens étaient habités par les résultats et les espoirs grandioses qu'elle avait fait naître. Tout ça s'est effondré, et il m'est absolument impossible de me séparer de ça. Et même si la raison nous dit que ces espoirs étaient irréalisables, mes sentiments restent là-bas.»

LA PERCEPTION DE LA CIVILISATION OCCIDENTALE PAR ALEXANDRE ZINOVIEV

GUY BENSIMON
(ГИ БЕНСИМОН),

*профессор института политических исследований,
Гренобль, Франция*

L'œuvre de Zinoviev est toute entière une œuvre scientifique, qu'elle prenne la forme de ses travaux de logique, ou celle de ses romans, essais ou poèmes. Dans ses travaux de logique, il étudie les propriétés des signes logiques et du langage scientifique, tandis que dans le reste de son œuvre il étudie les propriétés des objets sociaux et des sociétés. Son analyse des sociétés repose sur une méthodologie développée dans ses travaux de logique, si bien que l'on ne peut séparer ces deux parties de son œuvre. En regardant l'évolution de la perception par Zinoviev de la civilisation occidentale, on voit à l'œuvre le travail vivant du scientifique qui enrichit la théorie par l'analyse d'un matériau empirique nouveau, issu de l'évolution de la société communiste et de l'Occident

C'est dans ses ouvrages sur le communisme et le processus de sa destruction que Zinoviev développe et peaufine sa théorie générale des systèmes sociaux (donc, y compris celle des systèmes occidentaux), son analyse du système de pouvoir et de suprapouvoir, celle de l'idéologie. L'analyse de la civilisation occidentale lui permet en retour de jeter un regard nouveau sur la société communiste soviétique : par exemple, celle-ci est désormais envisagée comme la première forme de suprasociété qui est apparue dans l'histoire.

On peut distinguer trois périodes dans la perception par Zinoviev de la civilisation occidentale. La première est celle où, résidant à Moscou, il écrit ses premiers livres sur la société communiste. La deuxième période est celle où, résidant en Occident, la société communiste reste l'objet principal de ses investigations dans ses ouvrages, tandis que des réflexions nouvelles apparaissent sur l'Occident, sans qu'elles relèvent d'une analyse systématique. La troisième période commence avec *L'Occidentisme*, paru en français en 1995: les sociétés occidentales y sont prises comme objet d'étude en soi.

La civilisation occidentale est d'abord perçue par Zinoviev par opposition au mode de vie communiste. Il n'est pas fait mention de différences significatives entre la civilisation ouest-européenne et la civilisation américaine. La civilisation occidentale est ramenée au droit, à la morale, à la religion, à l'opinion publique, tous éléments qui sont pensés comme autant d'institutions de protection de l'individu. A l'inverse, le mode de vie communiste est analysé comme une anti-civilisation: la structure sociale communiste de subordination et de cosubordination, est incompatible avec la présence du droit et de l'opinion publique, elle est peu propice à l'émergence d'une spiritualité religieuse et elle produit en masse un matériau humain dont l'adaptation à cette structure nécessite qu'il perde toute qualité morale réelle.

Pour Zinoviev, le matériau humain joue un rôle décisif pour la compréhension des sociétés. Son idée est qu'un matériau humain d'une qualité donnée construit le type de société qui lui correspond, lequel a son tour engendre la production en masse du matériau humain d'une qualité donnée, adapté à la société. De ce point de vue, la civilisation occidentale est caractérisée par la domination des relations professionnelles et du comportement professionnel.

Zinoviev aborde l'analyse des sociétés à partir de deux approches: l'approche professionnelle, et l'approche communale (ou communautariste, ou sociale). Qu'est-ce qui les distingue? L'approche professionnelle pour base le comportement professionnel, qui est déterminé par les relations entre les individus dans leurs occupations indispensables à la satisfaction de leurs besoins : création et circulation des biens et services, créations culturelles, etc. L'approche communale a pour fondement les relations engendrées par les contraintes de la vie des individus en société et en groupe: le pouvoir, l'administration, leur constitution en un tout. Les relations communales sont des relations de domination, de soumission et de cosoumission. La distinction entre les rapports professionnels et les rapports communaux est une abstraction, car dans la vie réelle d'une société ces rapports s'entremêlent, leurs relations peuvent changer. Alors que la civilisation occidentale est caractérisée par la domination des rapports professionnels, la civilisation communiste est caractérisée par la domination des relations communales.

Les rapports professionnels et le comportement professionnel, leur origine, sont analysés dans *L'Occidentisme*. Cet ouvrage étudie la civilisation occidentale en elle-même: son matériau humain, son système de gouvernement et de pouvoir, son économie, son idéologie, ses tendances d'évolution. Ces dernières feront l'objet d'une analyse spécifique dans La

Grande rupture et dans certains articles (dont «Sur la voie de la suprasociété», dans *La suprasociété globale et la Russie*).

Les données empiriques de l'Occident sur lesquelles se base Zinoviev pour décrire son évolution sont connues ou sont à la portée de qui veut les connaître. Son apport va consister à créer le système conceptuel nouveau qui permet de comprendre cette évolution.

On peut résumer comme suit les idées de Zinoviev sur cette question.

La civilisation ouest-européenne a donné naissance à deux branches, la branche américaine (l'occidentisme) et la branche communiste. Ces deux branches ont lutté pour décider du destin de l'humanité. La victoire de l'Occident sur l'Union soviétique dans la Guerre Froide a accéléré les transformations du monde occidental et a occasionné la grande rupture dont parle Zinoviev.

La grande rupture est l'expression de trois tendances du monde occidental:

- 1) transformation des sociétés occidentales en suprasociétés
- 2) intégration des suprasociétés occidentales en une suprasociété occidentale et une supracivilisation occidentiste
- 3) formation d'un agrégat global intégrant l'humanité toute entière, dominé par l'Occident, lui-même dominé par les Etats-Unis, avec hiérarchie des nations selon des lignes hiérarchiques complexes et entremêlées.

Avec la grande rupture, c'est l'Occident qui désormais détient le destin de l'humanité entre ses mains.

Le concept clé pour comprendre cette évolution est celui de suprasociété. Ce concept est dérivé de deux abstractions (il est dérivé pour le lecteur de Zinoviev): a) l'agrégat, qui est l'abstraction des rassemblements humains depuis la bande de quelques dizaines ou quelques centaines d'individus, pourvu qu'elle se reproduise de génération en génération, jusqu'à l'humanité entière, comprenant des dirigeants et des dirigés et une division des fonctions, et b) le supra-objet, qui est l'abstraction de stades particuliers d'évolution des agrégats humains par rapport aux stades antérieurs; ainsi, l'agrégat suprasociété est-il un supra-objet par rapport à l'agrégat société, et l'agrégat société un supra-objet par rapport à l'agrégat présociété. Un supra-objet comprend une base, qui est constituée des caractéristiques fondamentales épurées de l'objet dont il est issu, et d'une superstructure constituée des caractères évolutionnels nouveaux qu'il contient par rapport à l'objet qui l'a précédé dans l'évolution.

Les suprasociétés occidentales se sont formées «par le bas», à partir des sociétés occidentales (à la différence des suprasociétés communistes, formées «par le haut», par le pouvoir).

Les composantes structurelles de l'organisation d'une société sont au nombre de trois : la sphère du gouvernement, la sphère de l'économie et la sphère de l'idéologie et des mentalités (l'idéosphère). La sphère gouvernementale est à part, car elle sert à définir les autres sphères. Le gouvernement d'une société comprend une part démocratique représentative (gouvernement proprement dit, parlement, etc.) et une part non démocratique (services secrets, police, tribunaux, etc.) Le gouvernement agit dans un cadre légal qu'il définit lui-même. Cela constitue le plancher d'une société. L'économie d'une société n'existe qu'à partir du moment où les cellules productives sont légalisées, paient l'impôt et sont protégées par l'Etat lequel définit aussi les normes des rapports au sein de ces cellules et entre les cellules. De même, c'est l'Etat qui légalise le mécanisme de production idéologique.

La société est une phase de l'évolution des agrégats humains. La suprasociété est un stade d'organisation sociale qui se situe à un niveau supérieur à celui de la société. Cela signifie que les sociétés ne peuvent plus absorber les résultats de leur propre évolution, qu'il apparaît des phénomènes qualitativement nouveaux qui font passer l'agrégat société à un stade d'évolution supérieur, celui de la suprasociété.

La suprasociété se forme à partir des éléments superstructurels qui apparaissent dans chacune des composantes de l'organisation sociale (ces éléments ne peuvent plus être contenus dans ces composantes): ce sont le supragouvernement, la supraéconomie et la supraidéologie.

Le supragouvernement est une superstructure composée de cellules de décisions et d'exécution, issue du gonflement de la partie non démocratique du gouvernement et qui le dirige, dont les sources sont par exemple la gestion de la Guerre Froide et des Affaires étrangères, la gestion de la complexité de la société, la réalisation de projets qui mobilisent des ressources colossales à l'échelle de la planète, la préparation et la conduite de guerres, la prise en mains de secteurs de l'économie que le marché ne peut assumer, etc. La présence du supragouvernement est l'indicateur de l'importance prise par les tâches stratégiques du gouvernement par opposition à ses tâches ordinaires.

Parmi les sources de la supraéconomie, on peut citer le progrès scientifique et technique, le développement du mécanisme financier et l'implication de toute la population dans le fonctionnement du capital, la constitution par les grandes firmes d'empires multinationaux fonctionnant de façon autonome. Les revenus de la supraéconomie ne proviennent pas de l'exploitation du travail de ses salariés, mais de l'exploitation de l'économie de l'agrégat, par la politique des surprix pour les produits issus des «nouvelles

technologies» et des activités secondaires, l'acquisition de positions de monopole, le paiement des intérêts aux banques, etc. La supraéconomie n'obéit pas tant aux lois de l'économie qu'à celles de la communauté...

La supraidéologie a pour pilier les médias modernes, qui désormais dominant l'opinion et se substituent à l'Etat pour toutes les activités non étatiques de la société. Elle joue un rôle d'organisation de la population.

La suprasociété n'est pas la juxtaposition de ces éléments superstructurels. Ceux-ci se fondent et s'amalgament pour former le suprapouvoir de la suprasociété. Ce suprapouvoir utilise les moyens juridiques de l'Etat, mais n'est pas lui-même légitimé.

On a donc maintenant deux niveaux dans la structure des pays occidentaux: la base qui correspond à la structure de la société, et la superstructure, au-dessus de cette base, constituée du suprapouvoir.

Les éléments superstructurels des pays occidentaux résultent, en partie, de l'intégration de l'Occident durant la Guerre Froide, et ils renforcent cette intégration. Ils constituent un ensemble superstructurel commun à tout l'Occident, incarné par les Etats-Unis. La planète toute entière constitue le terrain d'action de cet ensemble, annihilant toute possibilité d'évolution divergente de l'humanité.

Qu'en est-il maintenant de l'avenir de l'Occident selon Zinoviev?

Zinoviev développe l'idée que, avec l'apparition des suprasociétés, la part spontanée de l'évolution de l'humanité a diminué, tandis que la part programmée et planifiée de cette évolution est devenue prépondérante. L'Occident est obligé de se donner des projets globaux mobilisant d'énormes ressources, pour sa survie.

Toutefois, une chose est la programmation et la planification de projets sociaux, autre chose est la prédiction de phénomènes. Dans le premier cas, on a affaire aux lois qui gouvernent la formation et la réalisation de projets sociaux, dans le second cas on a besoin des lois qui gouvernent les phénomènes sociaux et leur évolution.

Zinoviev nous dit que les projets programmés par l'Occident peuvent n'avoir rien de raisonnable et conduire aux pires conséquences (l'expérience soviétique est à cet égard intéressante). Quant à l'avenir de l'Occident, Zinoviev en indique les grandes lois d'évolution sous forme de tendances: constitution de l'agrégat global, hiérarchie des nations, programmation de grands projets, établissement de démocraties coloniales, etc.

Faut-il qualifier ces perspectives d'Avenir radieux ou de Hauteurs béantes? Ces expressions «Avenir radieux» et «Hauteurs béantes» sont le signe exclusif

du talent de Zinoviev dans l'analyse du communisme. L'Occident possède ses propres particularités, et l'analyse qu'il en fait ôte toute illusion. C'est pourquoi je m'en tiendrai à sa conclusion, au terme du *Communisme comme réalité*, qui garde tout son sens : «Maintenant, homme, tout dépend de toi personnellement ! Montre ce dont tu es capable, chef d'oeuvre de la création.»

L'œuvre de Zinoviev est toute entière scientifique et n'est susceptible d'aucune appropriation idéologique.

A travers l'œuvre de Zinoviev transparait dans sa personne un nouveau type d'homme. L'homme de la Renaissance a été à la base de la civilisation ouest-européenne. Zinoviev porte cet homme en lui. Mais il a intégré l'expérience du monde moderne des suprasociétés communistes ou occidentales, faisant accéder cet homme de la Renaissance à un stade nouveau par les contenus et les formes scientifiques, artistiques et religieuses qu'il a créés.

Finalement si je devais caractériser le génie d'Alexandre Zinoviev, je dirai qu'il associe une spiritualité profonde, un don artistique exceptionnel et une puissance intellectuelle hors du commun.

СОЦИАЛЬНЫЙ ОТШЕЛЬНИК

А. И. КУЗНЕЦОВ

Я занимался многими видами деятельности. У меня жизнь такая. У меня два базовых образования — инженерное и физическое. Тем не менее, я позволю себе высказать здесь некоторые суждения.

Первое. Начну я с притчи. Представьте себе Аравийскую пустыню, по которой мчится кавалькада всадников. А на обочине каменистой дороги сидит нищий. Феодал, который был во главе кавалькады всадников, замечает нищего, бросает ему мешок с деньгами, и видит, что нищий начинает плакать. Реакция нищего заинтересовала этого всадника. Он его

спрашивает: «Послушай, может быть, я тебе дал слишком мало? Ты почему плачешь?» Тот говорит: «Я плачу не потому, что дал мало. Ты дал мне очень много. Даже больше, чем я просил. Но я плачу оттого, что такое богатство уйдет в землю». Это смысловая перспектива по отношению к тому, что сделал Зиновьев.

Теперь перейдем собственно к тексту.

С моей точки зрения возможны два подхода к задаче освоения, усвоения творческого наследия Зиновьева. Первый. Это освоение наследия — как самостоятельный проект. Это то, что сейчас здесь реализуется.

Второй подход — освоение этого наследия как часть другого проекта. И я хочу предложить именно такой подход.

Проект, который я предлагаю, называется «Социальный отшельник». Как и во всяком проекте, необходимо указать начало проекта и конец проекта. Иначе будет непонятно, о чем речь идет.

Начало проекта уже сейчас. А конец проекта — это конец сознательной истории человечества. Почему бы не поставить такой проект? Как только сознание человечества исчезнет, этот проект потеряет актуальность.

Сейчас стало модным к месту и не к месту говорить о распаде современного общества. У различных авторов я читал о социальном кризисе, о том, что главным действующим лицом общества является человек толпы, что оно имеет перевернутую иерархию или вообще утратило иерархическую компоненту. Такие работы, безусловно, полезны, если речь идет об освобождении от социального гипноза и власти общих мест. В то же время, во всем этом словесном завывании, при том, что факт деградации и распада имеет место, при абсолютном неуважении к социальному фаршу, есть нечто неудовлетворительное, что-то от реакции. Многократные повторы превращают дельные мысли в заклинания, побуждая к умственной спячке, не только не давая выявить причину недовольства и четко сформулировать собственную позицию, но даже заметить это недовольство. И совершенно неожиданно, когда я уже совсем было, оставил попытки что-то понять, до меня дошло, чего именно не хватает в этом хоре самопальных социологов. Всем этим пейзажам не хватает конструктивной направленности, полноты картины, четкой формулировки позитивной социальной перспективы, похоже, они так долго пытались убедить других, что Бог оставил этот мир, что и сами в это поверили, только не ясно при этом, откуда они сами взялись.

Давайте попробуем разобраться в существе дела, оставив нытье и уныние тем, кому оно свойственно или необходимо. Представьте на

минуту, что в мире действует хотя бы один универсальный закон, например закон электромагнитной индукции. Могут ли люди или иные существа предотвратить действие этого закона каким-либо способом? Очевидно, нет. Единственное, что им доступно — это изолировать часть пространства от проявлений этого закона, да и то на короткое время. Значит и закон отражения высшего в низшем, отражения организующего низшее, ни упразднен, ни изменен быть не может, хотя может быть проигнорирован.

Следовательно, подобно тому, как звездное небо отражается одинаково успешно и в чистом озере, и в грязном болоте, так и иерархический принцип не может быть вытеснен с помощью манипуляций над общественным сознанием, но может быть затруднено его восприятие. В противном случае необходимо предположить, что силы, деформирующие сознание, обладают большим достоинством по сравнению с иерархическим законом, а это абсурд. Что же это за высшее, если состояние низшего способно предотвратить его реализацию. Упомянутые авторы не видят смысла в существовании современного общества, но это вовсе не основание утверждать, что такого смысла нет. Здесь нелишне упомянуть об известном диалоге между пророком и Богом. Конечно, гипертрофированный интерес к частной задаче исказил общую картину, но и одностороннее развитие ценно только в том случае, если оно является следствием целостного воздействия.

Попробуем найти манифестации закона иерархии в обществе и, построив намеренно грубые схемы наличной и желательной социальных пирамид, усмотреть основные смысловые перспективы, доступные для современных людей. Чтобы что-то строить, на первом этапе необходимо выделить примитивный элемент или найти какую-либо отправную точку, или обнаружить некоторый инвариант. В качестве такой исходной точки возьмем факт наличия социального отшельника. Для начала попытаемся определить этот тип, выделив его характерную черту и не претендуя, впрочем, на то, что удастся сразу сделать это совершенно точно. Итак, основа тактики социального отшельника — давать обществу минимум, получая взамен необходимые социальные блага, и только. Ценностью для него является деятельность, доставляющая ему удовольствие, в которую общество не может вмешаться. Опорой социального отшельничества является способность отстраненного восприятия человеческого муравейника, но отстраненность особого вида. В чем же эта особенность?

Подумайте, может ли человек заниматься чем-то качественно, не умея отстраниться от окружающей среды и объекта исследования, а также какие есть способы для того, чтобы рассматривать некоторый процесс или событие объективно? Первое, что приходит в голову — это получить возможно более общее описание, например математическую модель процесса, исследовать свойства модели, а уже затем анализировать объект. Это как раз то, чему учат в системе современного образования, но здесь школьный опыт неприменим.

Можно конечно перечислить причины этого, но в рамках затронутой темы вполне достаточно указать на неспособность современных людей к абстрактному мышлению, ограниченность абстрагирования как метода и неминуемый разрыв между моделью и реальностью. Схоластика в политике и экономике не принесла желаемого в прошлом, а сейчас и вовсе используется как подспорье в рекламных компаниях, паразитируя на остатках слепого доверия общества к позитивной науке. Отстраненность социального отшельника совершенно иного свойства. Он научился не вовлекаться внутренне в общие заблуждения и дразги, охладил душу к идее общественного прогресса и приобрел необходимое внутреннее качество, делающее возможным занятие схоластикой, если ему подобное занятие представляется интересным.

Необходимо сразу сказать, чем отшельник отличается от других маргиналов. Вор пытается отнять нечто у общества, ничего не давая взамен. Попрошайка торгует своим несчастным видом. Лесной отшельник просто отрицает ценность общества и уходит жить в заросли. Богема презирает общество, но кормится от него. Сектант отрицает целое во имя познания части и живет пустыми фантазиями, что вот если бы ему дали вожжи в руки, то уж он бы показал, как надо управлять лошадью. К счастью для лошади он дергает не за вожжи, а за веревку, привязанную к собственной ноге. Ничего этого нет у социального отшельника, хотя он может выступать и под такой маской.

Сразу возникает вопрос: какое событие природного порядка — а никакое иное не может породить что-то естественное, вызывает к жизни подобное существо? В жизни каждого человека раньше или позже возникает конфликт, во время которого он видит, что больше не может жить старым, не может удовлетвориться ролью, которую играл, он чувствует иные возможности, таящиеся внутри него, чувствует, что он что-то упустил или упускает. Эту ситуацию хорошо иллюстрирует притча о трех нищих, попросивших хлеба. Но социальный отшельник не единственный

и, тем более, не самый массовый продукт кризиса. Самая распространенная реакция в этот момент — броситься опять в омут социальных игр, не осознав причин кризиса, не сменив подход к делу, не осознав собственную роль и упустив шанс, может быть, последний в этой жизни.

Субъектом подобного действия являются два социальных типа, одного из которых назовем раб, а другого — наемник, причем если первый — природный продукт, то второй — искусственный, несмотря на генетическую общность. Наемник — это человек, обслуживающий социальную, государственную, коммерческую, идеологическую, религиозную или иную машину. Основой поведения наемника является подневольный труд за деньги, неважно, глава ли это государства или ассенизатор, суть одна; на нее не влияет размер мусорного контейнера, тут материалисты погорячились. Наемник пытается подороже себя продать, выменять свое свободное время на лохань помоев или место у свиного корыта.

Но, как говорится, не садись играть с чертом в покер. Наемник является символом и кумиром современного общества, по видимости его работа за деньги должна обеспечивать профессионализм, качественный результат и независимость хозяина. Но если она что и обеспечивает, так это отсутствие способности к ответственности и неумение разобраться в существе дела. Любимый цвет наемников — голубой, идеал — здоровый образ жизни, цель — пенсионер с неограниченными материальными возможностями, внутреннее содержание — протухшие рыбные консервы.

Близкий ему по духу, но не тождественный тип — это раб. Если наемник, подобно девице легкого поведения, может сменить сутенера, стать валютной проституткой, но не способен разочароваться в общественно полезном труде, то раб и такой возможности лишен. В отличие от современного наемника или раба в традиционном обществе нынешний раб не знает или не хочет себе признаться, кто его хозяин. Раб — это человек, работающий бесплатно не в силу того, что ему нравится работать или у него есть причины полагать труд ценностью, а лишь в силу принуждения, внутреннего или внешнего. Сюда можно отнести рабов собственных и чужих пороков, фанатиков идеологических и религиозных, сумасшедших, веселых и не очень, рабов семьи, рабов вещей, рабов долга, рабов образа жизни, рабов профессий, зеков всех мастей, оккультную дребедень и прочее, прочее, прочее. Их роднит то, что наемник — это раб невежества, имеющий иллюзию внешней свободы.

Таким образом, выстроилась часть возможной иерархии по восходящей линии раб–наемник–социальный отшельник.

Ради полноты картины необходимо рассмотреть, хотя бы вкратце, и другие возможности выхода из кризиса. Второй часто встречаемый сценарий — это уничтожение или повреждение воспринимающего аппарата. Как человеку приходит это в голову, трудно сказать, вероятно, он думает, что нельзя найти новый смысл. Третий сценарий — это уход в секту. Четвертый — маргинализация в чистом виде, человек становится бомжем, бродягой, изгоем. Это асоциальное поведение, дорога ведущая вниз.

Теперь рассмотрим дороги, могущие привести вверх. Первая из этих дорог, не по достоинству, а в порядке перечисления — духовное искательство. Основано оно на вполне здравом рассуждении, что если данный образ жизни, данное занятие не имеет более смысла, то нельзя ли найти другой образ жизни, другое занятие, имеющие или порождающие новый смысл. Вторая дорога — это монашество, каменная дорога, и нечасто встречаются люди, способные на такой крутой подъем, но все же встречаются. Третья дорога для тех, кто понял на собственном опыте или сумел воспринять качественно чужой опыт и стал социальным отшельником.

Необходимо отметить, что ни духовное искательство, ни монашество практически невозможны без прохождения ступени социального отшельничества. Человек, склонный к социальным играм, неминуемо привнесет их и в монастырь, и в традиционную религию, и в духовное движение, превратив все эти институты в машины. Но не все так безнадежно, здесь нет жесткой последовательности и предопределенности. Среди сектантов и самоубийц могут найтись люди, имеющие потенциал развития. Для них социальный отшельник единственная надежда. Человек может стать социальным отшельником и внутри традиционного пространства, стремясь постичь истинный смысл религии или учения, наемник может понять пустоту попыток заработать что-то стоящее в обществе и даже стать профессионалом в собственном смысле этого слова.

Необходимо также отметить, что стать социальным отшельником для абсолютного большинства людей невозможно в силу ряда причин, одна из которых состоит в том, что мысль о такой возможности просто не приходит им в голову, но это только одна сторона медали. С другой стороны, социальный отшельник — не высшая достижимая для человека ступень раскрытия.

И последнее. Существуют уникальные люди, для которых возможно сразу перейти к высшим состояниям сознания, минуя ступень социаль-

ного отшельника, но это такая редкость, что о них упомянуто лишь для полноты картины.

Так как социальный отшельник — это цельный тип, у него должна быть собственная система ценностей, собственное, присущее лишь ему, целеполагание и характерное поведение. Кроме этого должны быть исторические личности, бывшие социальными отшельниками в прошлом. Чтобы лучше уяснить, кто такой социальный отшельник, нужно хотя бы контурно очертить следующую ступень. Назовем ее социальный магистр. Чем она отлична от предыдущей ступени? Социальный магистр, сохраняя присущую отшельнику независимость от социума, может сохранять ее и сохраняет не за счет экономии энергии, затрачиваемой на материальные нужды, он не теряет самоопределение независимо от объема работы в социуме, поскольку зависит лишь от себя в любой ситуации, имеет в самом себе для себя бытие, порождающее источник полноты бытия в социуме и бытия социума.

Соответственно иерархическая цепочка должна бы в идеале иметь вид: раб—наемник—социальный отшельник-магистр социума — в порядке возрастания. Но такое строение встречается нечасто. Что же мы наблюдаем, как правило? Наиболее распространенная схема начальник—раб, исполнитель—наемник. Это может показаться странным, что наемник имеет большую социальную свободу, чем раб, следовательно, и больше шансов стать начальником, но не все так просто. Начальником может стать не любой раб, а лишь раб определенного вида, раб собственного недостатка, собственного порока. Рабы других разновидностей могут стать лишь надсмотрщиками, но не о них здесь речь.

Необходимо отметить, что любое явление имеет причину, лежащую за границами человеческого понимания, и, следовательно, существует путь раба, путь наемника и путь сектанта. Раб, если он не просто прозябает, а идет, в конечной точке превращается в философа, а наемник, в зависимости от условий, может стать воином или социальным отшельником, если конечно по дороге не забреют в солдаты. Сектант может раскрыться универсальной истине. Но вернемся к основной теме.

Какие же социальные группы могут иметь, с одной стороны, полезные для социального отшельника навыки, а с другой — сами не могут качественно существовать без социальных отшельников?

Прежде всего, это богема. Действительно, трудно себе представить настоящего художника, музыканта, поэта без способности сохранения внутренней независимости от толпы, без ощущения возможности полно-

ты самобытия, хотя бы потенциального, без внутренней свободы. Но это только одна сторона медали. А с другой, представитель истинной богемы нуждается, как никто другой, в качественной, хотя бы немногочисленной собственной аудитории, в людях, имеющих подобную внутреннюю структуру, в тех, кто способен по достоинству оценить, не имея внутрициховых пристрастий, тонкие оттенки в произведении, ему нет пользы от наемника или раба, этих продуктов моды и рекламы. Он также нуждается в умении жить и в аудитории.

Таким образом, и самого искусства не существует и не может существовать без социального отшельничества как явления, являющегося необходимым условием появления и существования как самого художника, в самом общем смысле слова, так и его почитателей и ценителей. Выражением предчувствия абсолютной ценности социального отшельничества является цеховая спесь и брезгливость богемы, с одной стороны, и наличие армии фанатиков, воздыхателей и поклонников, с другой стороны. Нельзя не отметить как абсолютно закономерное и необходимое явление — наличие наемников и рабов в богеме, порождающих наемное и рабское «творчество», и соответствующих их последователей, преследователей и фанатиков. Но в отличие от благодатной атмосферы, создаваемой социальными отшельниками, рабы-художники, наемники-художники, рабы-поэты, наемники-поэты, рабы-музыканты, наемники-музыканты не могут ни на что другое рассчитывать, кроме как на острые ощущения, когда толпа, сделавшая из них идолов, раздерет их на сувениры, а на их социальные скелеты благодарная власть повесит ордена и медали. Конечным же этапом их развития будет внутренняя пустота и цинизм, независимо от того, задохнулся ли в них человек от общественных испарений или его погубил затхлый воздух узкой группы приверженцев, страдающих теми же болезнями что и их кумир.

Вторая группа — это ученые. Это утверждение покажется абсурдом и тем, кто справедливо указывает на ограниченный характер современной науки, ее дробность, обслуживание ею различных общественных нужд, ее оторванность от внутреннего мира самого исследователя, и тем, кто убежден, что другие способы обретения истины более продуктивны. Все это правильно, но не об этом речь. Подумайте сами, разве возможно занятие наукой без свободы от мнений толпы, от материальных забот хотя бы на некоторое время, без осознания ценности занятий наукой как таковой. Не вина науки, а ее беда, что осознание того, что внутренний уровень исследователя, по крайней мере, столь же необходимое условие появления уче-

ного на свет, как и его систематическое знакомство с предметной областью. Разве не является для ученого столь же необходимым квалифицированный оппонент, тем более, если он работает в другой области знания, как для музыканта и поэта слушатель? С другой стороны, существует ни с чем несравнимое благо свободы и ясности, даруемое путем осмысления результатов научных исследований, закрывающее навсегда дорогу как тьме общего мнения, так и спеси невежды, свобода развития общества, основанного не на конъюктурно подтасованных фактах, а на систематическом и объективном исследовании наблюдаемых явлений.

Третья группа — это философы. Здесь все настолько очевидно, что и говорить нечего.

Не перечисляя других социальных групп, необходимо отметить, что в соответствии с вышесказанным ни одно дело не может быть выполнено хоть сколько-нибудь качественно без той или иной степени отстраненности. Но главное состоит в том, что человек толпы не может быть действующим лицом. Попытка шестеренки действовать самостоятельно может привести лишь к тому, что весь социальный механизм заклинит. Это становится особенно ясно, если взять в качестве примера ситуацию кризиса. Действительно, если условия стабильны, то и наемник, и раб могут воспроизвести механически знакомые действия. И чем более механически это происходит, тем лучше, так как нет места дурацким фантазиям. Но представьте, что ситуация «посыпалась» и не одно из привычных или известных действий не приводит к желаемым результатам.

Только социальный отшельник способен действовать в таких условиях, даже примитивное современное общество чувствует, что это так. Но кривое зеркало современного сознания если на что-то и способно, то только на то, чтобы сделать прямое кривым и прозрачное мутным. Оно вместо идеи отстраненности подсовывает идею борьбы одного против всех, вместо образа социального отшельника — образ социального отморозка или обиженного наемника, которые во время своих действий, напрягая куцые умственные способности, пытаются понять смысл того, что делают, прикрывая деловитостью собственную никчемность. Не поэтому ли отрицательные герои более убедительны и жизненны. Да и как можно требовать от сценаристов и режиссеров другого, ибо в громадном большинстве случаев они сами рабы или наемники, и, следовательно, способны глубоко проникнуть лишь в эти психологические типы. Более того, они нередко приписывают свою мотивацию историческим персонажам, в результате чего римский император у них похож на разбойни-

ка, которого играет актер, поднаторевший в рекламных роликах интимных женских принадлежностей. Но это к слову.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что только социальный отшельник имеет историческую перспективу, только он способен на развитие, только для него и через него могут осуществиться надежды различных социальных и национальных групп на сохранение самоидентичности, только он способен к восприятию высших веяний и творчеству в собственном смысле слова. На него могут надеяться и опираться те, кто превышает его по уровню раскрытия, кто имеет, что сказать по существу современному обществу или потомкам. Он может дать ориентир и сам стать ориентиром в духовном поиске, разбудить заснувших и оживить мертвое, увидеть мир как целое, без чего немислим монотеизм, не говоря уже про то, что лежит за ним, через него и в нем только и может сохраниться наиболее ценное из полученного людьми как дар, или заработанного ими кропотливым и честным трудом.

О ФИЛЬМЕ «ЗАВЕЩАНИЕ»

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВ,

кинорежиссер, лауреат премии «Триумф»-2007

Я совсем чуть-чуть скажу.

Замысел «Завещания» родился следующим образом. Это не один фильм, их несколько. Александр Александрович был первым, кто испытал это на себе. Заключается это в том, как-то мы подумали, что очень важно сохранить некую нравственную систему координат ключевых людей XX века, и стали оглядываться вокруг, к кому же можно было обратиться. Нас интересовали люди, которые получили новые знания.

Александр Александрович стал первым нашим героем. Замысел формулируется так: человеку дается определенное количество времени, он

может сказать все, что он хочет, все, что он считает нужным оставить в назидание, в пользование другим людям. Любая концепция хороша результатом, поэтому вы можете посмотреть, что из этого получилось. Я мог делать все что угодно на площадке, единственное, что не имел право делать, — это трогать текст, который произносил герой, поэтому он остался целым и невредимым. Мне кажется, что это самое важное, и сейчас, спустя уже 3 года, когда были произнесены эти слова, в них открывается все больше и больше смысла. Я пришел за одним, получил третье, а понимаю сейчас, наверное, уже шестое. Когда буду смотреть, пойму, наверное, уже какое-нибудь восьмое.

Желаю вам приятного просмотра.

ГОРДОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Г. М. ПШЕНИЦЫНА,

*Председатель Правления
Костромского землячества в Москве*

Дорогие друзья, коллеги, мне очень приятно стоять на этой трибуне и начать именно с тех слов, которые сказал один из выступающих: способны ли мы на поступок? Способны ли мы, сидящие в этом зале, на поступок? Способен ли каждый гражданин России на поступок? Готовы ли совершить поступок депутаты, которые здесь были? Я задаю этот вопрос только потому, что мы не оказались бы в этой луже, в этой грязи, не жили бы в этом холуяже, если бы каждый из нас был способен, как Александр Александрович, каждый прожитый день на поступок.

Я это говорю, потому что мне пришлось поехать по территории Новгородской, Белгородской, Костромской, Ивановской, Псковской областей. Вот выступал Зюганов, выступал Бабурин, уважаемые, мы считаем, люди, но разве не понятно, что Россия разваливается, что осталось

в сельских советах Костромской области по 5 деревень, что Россия вымирает. Когда человек голоден, когда зарплата музейного работника 500 рублей, что можно думать, когда с экрана руководителя государства с радостью сообщают, что они повысили пенсию на сто рублей или добавили женщине на воспитание ребенка 70 рублей? Как возможно воспитать будущего человека, если мы, вы, дорогие академики, позволяете разрушать наше образование, лучшее в мире. Мне приходилось бывать и в Финляндии, и в Швеции. «Зачем вы к нам приехали? — говорили они. — Мы же все взяли у вас. Мы постепенно создаем ту систему, которую делали вы». А мы опять убого и нище смотрим на Запад и на Америку и опять ищем. И депутаты сидят десятками лет в одних и тех же креслах. Кто встал, как сегодня сказали, и уступил место Зиновьеву?

Зиновьев — это феномен. Я горда, что он родился в Костромской области. Это область, в которой сложилось государство Российское. Это Годуновы и Романовы, плохо, хорошо ли, но три столетия поднимавшие Россию. Это область Островского, Некрасова, Писемского, Левитана, Невельских, Нины Геммель — открывательницы Северного Полюса. Я говорю о Жохове, открывавшем северные территории, об адмиралах Фокине и Смирнове, я говорю о великом Кустодиеве. Я хочу сказать и о философах. Розанов — костромич. Я хочу сказать об отце Павле Флоренском, который, когда стоял выбор — Париж или Соловки, — выбрал Соловки. И это поступок.

Я говорю об этой земле, которая дала Зиновьева. Он стоит в одном ряду с этими замечательными людьми, а может быть, даже и выше, потому что Зиновьев — это наше будущее. Через него, правильно он говорит, будет прорасти Россия. Именно через него, потому что понять, что происходит, можно только изучив то, что он написал.

Где ваша совесть, коммунисты? При тех условиях, в которых находится сейчас наша коммунистическая партия, она не может возглавлять и вести куда-то народ, потому что она получает, живет и спит, ест и пьет в сто раз лучше, чем этот нищий, голодный народ.

Поэтому мне жаль, что не было товарищей. Я бы просто сказала: что же вы делаете, дорогие, в Государственной Думе, чем же вы там занимаетесь, если вы все наперед знаете? А там зарплата, говорят, 6 тысяч. А к этим шести еще 66, а может быть даже и больше.

Александр Александрович для нас образец, это наша гордость, это наша честь, это наша совесть. Это воин. Это русский офицер. Мы обратились с просьбой посмертно наградить Александра Александровича

медалью «За оборону Москвы». Документы подписаны маршалом и Героем Советского Союза Варенниковым.

Я бы хотела, Ольга Мироновна, вручить Вам эту медаль, дабы мы помнили, что есть сыны России, которые всегда готовы ее защищать.

Спасибо Вам огромное за память, за то, что Вы сделали, за этот уникальный памятник, за то, что Вы создали Школу. И не верьте, что пессимизм в трудах Зиновьева. Я была на презентации последней книги, еще раз почувствовала и увидела перспективы и веру в Россию. Я хотела бы именно этой верой закончить свое выступление. Зависит это только от нас, от поступка, который кто-то может совершить.

Придет и твое возрождение из пепла,
Добром и любовью тебя воскресим,
Встречая день новый, вступая в столетия,
Надежду и веру в тебя укрепим.
Славься, великая наша держава!
Славься, великий российский народ!
Славься ты, матушка Русь вековая!
Верим мы все в твой орлиный полет.

Хочу вручить вам от Костромы наш альбом и песни на мои стихи.

НАШ ЗИНОВЬЕВ

О. М. ЗИНОВЬЕВА,
*директор Исследовательского центра
имени А. А. Зиновьева при МосГУ*

На экране фрагменты из большого международного «круглого стола», состоявшегося 26 апреля в Париже во Дворце науки и техники. Наши «Зиновьевские чтения», которые проходят здесь, в Московском гуманитарном университете, — это развитие того начала, которое было положено 26 апреля в Париже.

Выступает главный издатель — наш первый издатель Владимир Дмитриевич, благодаря которому и совершился рывок, прорыв в мировую литературу, благодаря которому «Зияющие высоты» взлетели на вершины литературного Олимпа. В конференции, которая проходила во Дворце науки и культуры, принимали участие выдающиеся деятели науки, культуры, дипломаты, журналисты — люди, имевшие отношение к Александру Александровичу, работавшие с ним, встречавшиеся с ним с самого начала нашего внезапного и вынужденного появления на Западе.

В конференции принимали участие те журналисты, которые первыми взяли самые жаркие, самые страстные интервью у Александра Александровича. В зале присутствовали его издатели — французские, швейцарские, итальянские. Труды Александра Александровича к тому времени были изданы уже почти на 25 языках.

Я должна заметить, что публично фигура Зиновьева возникла не в 1978 году. Он не явился новичком на публицистическом, литературном и научном поле нашей планеты. Он начал издаваться давно. Он начал издаваться как редчайшее явление в современной логике. Переводились его логические произведения: «Основа логической теории научных знаний», «Комплексная логика», «Многозначная логика». Переводились на английский, немецкий языки, в то время, когда в рамках развития советской науки, в рамках, сложных, напряженных, уважительных, враждебных отношений между двумя мирами, перевод книги советского философа, советского логика на иностранные, западные языки был явлением совершенно запредельным.

Надо сказать, что в свое время, в советские времена бытовала практика перевода работ известных номенклатурных ученых через агентство «АПН» (или «Новости»). У нас была блистательная школа советских переводчиков. Переводили на европейские языки и предлагали западным читателям, ученым, философам и т. д.

То, что происходило с Зиновьевым, то, что происходило с его научными произведениями, перескакивало через все рамки, которые отводила ему советская действительность. Я не собираюсь ее поносить теми словами, какими сейчас это принято в постсоветских аудиториях. Я нахожусь среди товарищей. Я буду говорить спокойно и прямо, называя вещи своими именами.

Когда начали переводиться его книги и издавать в Америке, в Англии, в Австрии, Германии и Швейцарии, то поступили соответствующие запросы со стороны руководства Академии наук и со стороны

ЦК КПСС. Что происходит? Почему Зиновьева переводят? Что это за контрразведывательные приемы? Александра Александровича вызывали, пытались выяснить, каким образом ему удавалось пересылать рукописи, наполненные абсолютно непонятными значками. Он никогда не говорил неправду. И он отвечал: «Я ничего не сделал для этого. Книги брались, увозились, читались и переводились».

Возникла однажды ситуация весьма обидная для академика Бонифатия Кедрова, который вместо Александра Александровича поехал на конгресс в Финляндию, где с ним как-то и не хотели разговаривать, потому что, когда он объяснял, что Зиновьев болен или больна его жена, или больна его дочь, ни первое, ни второе, ни третье не соответствовало действительности. Присутствующие академики выразили свое отношение к этому.

Была такая традиция по мониторингу: как ссылаются на ведущих представителей советской науки, советской техники, советской мыслящей интеллигенции, какое количество ссылок идет на тех или иных ее представителей. И из 100 ссылок на советскую философию 3 ссылки отводились академику Кедрову. Он возглавлял наш Институт философии. 60 ссылок — Зиновьеву. Это, конечно, было ненормально по традициям того времени. И самое любопытное, что Александр Александрович, я повторяю, ничего не делал специально для такой славы. Он был честным, правдивым, искренним, лишенным каких бы то было PR-овых установок. Салам Керимович, очень близкий ему человек, сказал как-то: «Что у Александра Александровича было на столе, то было и под столом». Так говорят в Дагестане, определяя честную позицию человека. Это был человек открытого, чистого, светлого разума. Человек, служивший науке и истине, вере в истину. Не случайно поэтому на похоронах, как просил меня Александр Александрович недели за три до кончины, не было никаких наград, кроме Звезды «За верность истине». Звезда Московского университета, которой он удостоился на праздновании 250-летия существования Московского государственного университета. По этой номинации проходил единственный, один единственный — Александр Александрович Зиновьев. Это было самое адекватное признание для него, его восхождения на Олимп истины. Он никогда не рисовался, никогда не становился в позу. Был всегда предельно открытым для любого слова, для любого вопроса, для любой дискуссии. Он не боялся дискуссий, как не боялся в войне идти в наступление. Никогда не отсиживался в окопах, всегда был впереди.

Его аналитическая война началась в 1939 году. Александр Александрович неоднократно говорил об этом в своих выступлениях. Он вел эту войну до последнего дыхания — до 10 мая 2006 года. Войну против сепаратизма, злостности, недалекости. Войну против косноязычия, косноумия, если можно так сказать. Его волновала не только судьба многозначной логики, не только судьба логической физики. Его интересовала поруганная и оболганная история его Родины-мачехи. Его волновала судьба околпаченной послевоенной Европы, являющейся колыбелью европейской цивилизации. Поэтому все то, что происходило с Европой, особенно в оголтелые последние 10–20 лет, он воспринимал как величайшую опасность и бил в набат тревоги по поводу наступающего монополия зловещей геноцидируемой культуры, которая ведет к стерильному, бессмысленному, бесчеловечному, страшному миру, в котором все уже четко объявлено: кто прав, кто виноват, что черное, что белое, какая идеология побеждает, какая страна возглавляет мир, кто мыслит, а кто нет. За нас разделили нашу территорию. За нас разделили нашу Родину. За нас решили, что важно, а что не важно в том, что делали наши предшественники. За нас уже решили, что Победа, которую одержала наша страна и советский народ в 1945 году, — это не наша победа. Но я так думаю, что соберись все, кому была бы предоставлена возможность говорить во весь голос в микрофон, и скажи они в микрофон свое НЕТ, то волна цунами, предсказуемая волна цунами обогнула бы земной шар, и все-таки что-то сдвинулось бы в представлении сегодняшнего комфортабельного стерильного мира.

По поводу нашей конференции я могу сказать следующее. Это не «первый блин». И он не «комом». Нам удалось провести конференцию на самом высоком, адекватном Александру Александровичу уровне. Были представлены многочисленные ипостаси его творческой природы. Хотя мое выступление звучит как «Наш Зиновьев», тем не менее, я хочу сказать, какую радость получила от того, что конференция была живой. Она была невероятно живой, радостной, витальной, очень активной. Она была самим Зиновьевым. Больше всего я боялась скучного, академического заседания, где встает один оратор, встает второй оратор, льется вода на говорильную мельницу. Все встают, удовлетворенные своим выступлением, а по сути — ни на душе, ни на сердце, ни для ума ничего не остается. Это был большой прорыв. Это был революционный прорыв: то, что состоялась эта конференция в Москве, в наше время, в 2007 году. Нас сопровождала доброжелательная и недоброжелательная пресса. Есть

отголоски и настроения определенных людей, представляющих наверно интересы тех, кому что-то достается из соросовских и других карманов.

Мы говорим об истине. Ее не спрячешь ни за какими чеками. Ее не загримируешь ни под какую корректную и вежливую улыбку. Зиновьев был бесстрашным. Я так полагаю, что он нам передал то самое главное интеллектуальное оружие — быть бесстрашными, бороться за истину, только за истину и во имя истины пойти на все.

Перед началом конференции мы разослали огромное количество приглашений. И получили ответы, что уважаемые люди нашей страны будут присутствовать на этой конференции. Своевременно получили и от многочисленных депутатов Государственной Думы. Это Алкснис. Это Гловтов. От Александра Хинштейна. У меня перед глазами лежит его телеграмма. Я позволю зачитать несколько строчек из нее.

«Уважаемая Ольга Мироновна, уважаемый Московский гуманитарный университет, выражаю свои глубокие соболезнования в связи с годовщиной смерти логика, социолога, писателя, художника, мыслителя Александра Александровича Зиновьева.

В нашей памяти он всегда будет жить как человек эпохи, чьи философские труды актуальны не только для соотечественников, но и для граждан других стран — для всех, кому не безразличны вопросы свободы и мира.

Выражаю особое приветствие участникам и гостям Международной конференции «Зиновьевские чтения». Уверен, что мероприятие станет доброй традицией и продолжением дела Александра Александровича.

С уважением, депутат Государственной Думы Александр Хинштейн.»

Я получила поздравление от Симоны Вайль. Фигура легендарная во французском сопротивлении, член Европейского Парламента. От других членов Европейского Парламента. От французского правительства. От бывшего министра культуры Макса Галло, который написал великолепные статьи в свое время о работах Александра Александровича. От Макса Кравец. Я думаю, что можно очень долго перечислять эти имена, поэтому я остановлюсь и перейду к нашим землякам, к нашим соратникам.

В конференции согласился принимать участие ректор МГУ им. Ломоносова В. А. Садовничий, академик РАН. К сожалению, командировка в США не дает возможности сократить его пребывание там. Мне звонила накануне конференции его жена Ада Петровна с большими словами благодарности и извинений. Виктор Антонович помнил о том, что началась такая конференция.

Звонил сотрудник, возглавляющий аппарат помощника Президента РФ Сергея Владимировича Ястржембского. Звонил со словами приветствия и сожаления, что он не смог присутствовать.

Саммит в Самаре, как вы знаете, — это то событие на международной арене, которое приковывает внимание не только наших журналистов и наших дипломатов, наших чиновников, людей правительства, но и всей заграницы, судя по всему. На саммит прилетела Кондолиза Райс, из-за которой не смог выступить Николай Злобин, который возглавляет Информационное агентство «Вашингтон-профайл». Это человек очень затребованный здесь у нас на журналистско-аналитическом уровне. Он регулярно проводит интервью с президентом России В. В. Путиным. Присутствие Николая Злобина, который хотел рассказать об Америке и Зиновьеве, конечно же, обогатило бы нашу конференцию.

Поступили извинения от заболевших академиков Фоменко и Осипова, послы Логвинова, Лядова, Бессмертных. От Эрнста Неизвестного, художников Александра Шилова и Михаила Шемякина.

Если пройти по плану нашей конференции, то у нас стояло выступление Осипова Геннадия Васильевича, академика РАН. Он предложил мне написать совместную книгу, посвященную Александру Александровичу. Он будет писать книгу простую и непридуманную об Александре Александровиче Зиновьеве. Я думаю, что это будет своеобразный, дополнительный и весьма фундированный вклад в социологическое поле вокруг Зиновьева.

Александр Семенович Капто, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам при ИСПИ РАН, доктор философских наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, должен был выступить здесь с докладом «Роль и вклад Александра Зиновьева в социологию» и обещал представить текст в сборник материалов нашей конференции.

Марк Зальцберг — страстный любитель, знаток, воитель за Зиновьева, который сейчас проводил в Хьюстоне свою собственную конференцию «Зиновьевские чтения», не смог прилететь в силу болезни. Его доклад «Феномен Зиновьева» также будет помещен в сборнике.

К огромному сожалению, — это не зависит от нас, организаторов конференции, — не состоялась трансляция из Омска, где тоже в эти дни проходили «Зиновьевские чтения». Текст и содержание этой конференции будут вывешены на Интернете, и мы будем иметь доступ ко всему тому, что произошло в Омске без нас.

Будут также представлены тексты Катывцевой Елены Валерьевны, автора одной из трех брошюр, о чем я говорила вчера, — «Формула жизни»: очерки социальной философии А. А. Зиновьева».

Есть текст выступления Солодухина Юрия Николаевича, бывшего заместителя Александра Александровича, когда тот заведовал кафедрой логики в Московском государственном университете, ныне государственного советника РФ I-го ранга.

К сожалению, я не знаю, чем объяснить отсутствие Анисимова Олега Сергеевича, который хотел познакомить нас с интересным докладом на тему «Воззрение Александра Александровича Зиновьева о методе восхождения на примере “Капитала” Маркса». Это та самая кандидатская диссертация, с которой и начался термоядерный взрыв по имени Зиновьев.

Это по нашей конференции. Я хотела бы еще добавить несколько слов о том, что сделано за прошедший год. Вы видели вот фрагменты круглого стола во Франции под названием «Александр Зиновьев: “светлое будущее” или “зияющие высоты” европейской цивилизации». Но им предшествовали еще другие мероприятия, которые удалось провести мне при участии и очень искренней сердечной помощи моих помощников, имена которых я оглашала.

Мероприятия были таковы. Нам нужно было после 10 мая 2006 года издать книгу «Фактор понимания». Это была последняя книга, над которой Александр Александрович работал до 3 мая. В каких условиях он работал, — я не хочу сейчас уходить в эмоциональную зону. Просто хочу сказать: он был ученым и борцом до самой последней секунды. Он сражался за этот «Фактор понимания» до 3 мая. Поэтому первоначальной, первостатейной, самой главной моей организационной и интеллектуальной задачей было выпустить это дитя в свет. Мы сделали все возможное. Издательство «Алгоритм» проявило понимание и большую готовность. Второе издание должно выйти в конце мая этого года.

Нам удалось издать «Фактор понимания», а 3 ноября 2006 года в гостеприимном зале Государственной галереи Александра Шилова, где присутствовал и Юра Наумов, и Валерий Андреевич, и масса друзей, мы провели презентацию этой последней книги А. Зиновьева. Поступило второе предложение о проведении презентации уже другой книги — «Иди на Голгофу», о которой я уже говорила. Презентация эта происходила в Фонде Михаила Шемякина в С.-Петербурге. Интересно: один художник передал эстафету другому художнику. Есть какая-то внутренняя связь. Безусловно, она есть. Александра Шилова связывала с Алексан-

дром Александровичем большая, я бы сказала, сыновняя привязанность, он сделал его портрет, вы можете увидеть его в Галерее Шилова.

Михаил Шемякин — человек, который жил в то же самое время, находился в том же самом эмиграционном пространстве в Европе и в Америке. Это те люди, от которых избавилась Советская власть. Но так обычно бывает, когда с мутной водой, которая главным образом занимала мозги вот этих самых чинуш, она выбросила и своих золотых, дорогих, особенных детей. Эти дети, конечно, не пропали на Западе. Шемякин и Зиновьев встречались редко, но существовала та особенная, незримая связь. Перед началом конференции, перед началом презентации книги «Иди на Голгофу» в Питере Михаил Шемякин мне сказал: «Знаете, Ольга, я знал, что планета Зиновьев вокруг меня. Я знал, что он рядом. Мне не надо было ему звонить раз в неделю, чего и не было, естественно. Мы встречались иногда на каких-то презентациях, на каких-то приемах. Но я знал, что он здесь, со мной, рядом. Мне от этого было легко жить». По-моему, слова исчерпывающие.

В дни памяти Александра Александровича возникла изумительная цепочка в университетах России. Первотолчок этой идеи возник у ректора Университета профсоюзов в Питере. Потом эта цепочка побежала в Пятигорск. В Пятигорском госуниверситете был проведен День памяти А. Зиновьева. День памяти Зиновьева был проведен и в университете Костромы. Я упоминала уже Хьюстон. Я упоминала уже Омск. Я говорила, что будет проходить в Оренбурге, Новосибирске, Томске, Ростове, Саратове. Я думаю, что нам не надо жаловаться, не надо бояться того, что Зиновьева будут откапывать через сто лет, как Моцарта. Моцарт в социологии состоялся. Он жив и он среди нас.

Я еще хочу сказать о совершенно феноменальной форме «Зиновьевских чтений», которые проходили в деревне Пахтино, которая существует только на карте, куда я выезжала в прошлом году, чтобы выполнить очень тяжелую последнюю волю Александра Александровича. Руководитель Управы этого района, как вы понимаете, Зиновьев (он не может носить другую фамилию — там все Зиновьевы в этой местности), получив огромное количество книг от нас, сказал: «А мы проведем “Зиновьевские чтения” у нас в Пахтино». Тут не может быть речи о каком-то нашем столичном высокомерии. У меня дыхание перехватило от такого смелого решения. И они провели эти чтения. Как? А так, как проводились трехдневные марафонские чтения в Мюнхене, где на протяжении 72 часов читали тексты Фридриха Дюрренматта, с которым дружил мой

муж. В Пахтино книги Александра Александровича читали целый день! Это идея родилась там, на родине Зиновьева.

При помощи и усилиями друзей, родственников, знакомых, коллег А. А. Зиновьева мы создали большую библиотеку, которую подарили Пахтино, назвав ее Сельской библиотекой Александра Зиновьева. Мы туда собрали книги не по принципу «дай, Боже, что нам не гоже», а по неопубликованному списку, который мы составляли с Александром Александровичем: «Книги для юношества, которые необходимо прочесть, чтобы стать порядочным человеком».

Улица в Костроме переименована и названа в честь А. А. Зиновьева. Приезжавший вчера ректор Костромского университета Рассадин Николай Михайлович просил передать, что учреждены две аспирантские стипендии и одна докторская стипендия имени Зиновьева. Он изъявил готовность предложить профинансировать полторы ставки для открытия филиала нашего Исследовательского центра имени А. А. Зиновьева в Костроме.

Я говорю обо всем этом с таким радостным видом, и вы можете понять мое состояние. Моя радость особого характера: речь идет об А. А. Зиновьеве. Лучшего продолжения его дела, чем поддержание развития и внедрения его идей в жизнь, в сердца и сознание наших современников, ради которых он жил, воевал и боролся почти 84 года, я считаю, трудно придумать. Мы ему должны гораздо больше, чем мы думаем. Он защищал нашу землю во Второй мировой войне. Он лег грудью на защиту своей системы — системы разума, системы истины в своей аналитической войне с 1939 года. Я думаю, что логики, философы, люди ученые прекрасно понимают — то, что сделал Александр Александрович в логике, в частности, это монумент. Несравненно больший монумент, чем тот, что стоит на Новодевичьем кладбище. Одно его доказательство недоказуемости великой теоремы Ферма является переворотом в сознании профессионально думающей Планеты. Он выступал с докладом на эту тему в Оксфорде. Были изданы соответствующие брошюры. Но как интересно — вроде бы ученые братья, ученые люди. Они прочитали брошюру, поаплодировали и при этом сказали: нет, не может этого быть. А потому, что они не увидели, не поняли, что он доказал **недоказуемость** этой теоремы, над которой бьется человечество в течение последних 400 лет. Зиновьев доказал, что она недоказуема в силу своей неполноты и неопределенности условий, поставленных там. Это еще один памятник Зиновьеву.

Я хочу поблагодарить учеников Александра Александровича, тех, кто имел возможность в течение года заявить о том, что они его ученики.

Мне звонила жена умершего уже ученика Сидоренко Евгения. Пять часов разговаривала со мной Ася Федина. Ко мне неоднократно приходил Сергей Павлов. Появлялся А. С. Карпенко, который выступал вчера с докладом. Я вижу Камиллу, которая прослушала курс Александра Александровича в Московском государственном университете. Я вижу Галину Ивановну и всю группу зрелых учеников Александра Александровича — это те энтузиасты, которые приходили на занятия Александра Александровича, пытались научить молодых бестолковых: слушайте, слушайте. Вы должны понять, какая щедрость, какая неслыханная привилегия — слушать самого Зиновьева. Кто-то понимал: зрелая молодежь, присутствующая здесь, — они его поняли.

Галина Ивановна на свой страх и риск ведет семинар, посвященный Александру Александровичу. Маленький, но он же семинар. Галина Ивановна, главное, что множество не пустое, если в нем есть хотя бы одна единица. А Вы в вашем семинаре не одиноки, Галина Ивановна.

Существует и действует наш Исследовательский центр. Это было невероятно смелое решение — попытаться вести дальше школу Зиновьева в его отсутствие. Дело в том, что предыдущие 6 лет Александр Александрович сам читал лекции. Сейчас надо объединить тех, кто сможет идти в этом направлении дальше. Это Андрей Ильич Фурсов. Спасибо Вам огромное за исключительно яркие, страстные выступления. И не в обиду другим будет сказано, студенты очень огорчались, когда Вас не было на очередной лекции.

Выступал Юрий Николаевич Солодухин. У него свой стиль. Очень сухой, насыщенный, жесткий, как конспект. Но яркий, потому что он был студентом и аспирантом Зиновьева.

Выступал Константин Макаров, который тоже был слушателем Александра Александровича в МГУ. Он доцент МВТУ, кандидат технических наук. Он тоже читал лекции студентам. Они почувствовали себя потерянными и не были 100-процентно в состоянии охватить напористый шквал технически препарированной информации по курсу Школы, но это полезно.

Выступала дочка Александра Александровича Тамара Александровна. Она нашла совершенно потрясающий контакт со студентами. И она тоже будет продолжать работать в школе. Андрей Ильич, я очень рассчитываю на Вашу дальнейшую поддержку.

Согласилась принять участие в работе с радостью, благодарностью Елена Валерьевна Катышевцева, которая прочтет несколько лекций в рамках школы Зиновьева.

Я хочу сказать о следующей книге, которая готовится к изданию. Это книга интервью Александра Александровича с ведущими российскими журналистами. Среди них — Владимир Большаков, здесь присутствующий. Ему принадлежала честь быть первым советским журналистом, который взял интервью у А. А. Зиновьева. Он упоминал в своем выступлении об этом. В сборнике принимают участие: Виктор Кожемяка — постоянный собеседник Александра Александровича на страницах газеты «Советская Россия» и реже — «Правда»; Стас Стремидловский, который брал интервью у Александра Александровича для многочисленных изданий, очень яркий журналист; Владимир Поляков — «Литературная газета».

Готовится этот сборник к 85-летию Александра Александровича.

Я, наверное, не все сказала. У меня больше лежит на сердце, гораздо больше. Вы меня простите и поймете, если я что-то недоговорила. Хочу закончить маленьким пассажем.

Когда 30 июня 1999 года с аэродрома Шереметьево мы возвращались в Москву, на заборах висели плакаты (это будет мой ответ С. Н. Бабурину, который, к сожалению, сейчас не услышит эти слова): «Воров в тюрьму! Зиновьева — в Думу». Задумчивому народу в Думе не хватало умного Зиновьева. Естественно, он туда не прошел бы. И никто не сомневался, что он не пройдет. Но это был своеобразный партизанский привет из моей Родины, которая из Союза Советских Социалистических Республик превратилась в Российскую Федерацию. Партизанские методы потом как-то узакониваются. Они потом превращаются в определенный институт. Видите, Французское сопротивление преследовалось фашистским режимом, а потом оно снискало огромное уважение. Партизанская война в лесах и болотах Белоруссии тоже нашла место на страницах нашей славной, красивой советской истории. Я уверена, что истина, бескорыстным рыцарем, благородным служителем которой был Александр Александрович, — эта истина, конечно, восстановится. Она восстанавливается уже сегодня.

Я хочу поблагодарить Московский гуманитарный университет. Валерий Андреевич, прежде всего Вас. Вы провели титаническую работу. Вы подняли ваш коллектив на подмогу моим волонтерам, моим добровольным помощникам. Я хочу поблагодарить всех тех, кто смог приехать на эту конференцию и внес очень яркую и талантливую лепту в то, что называется портрет, феномен Зиновьева, героя нашего времени.

РЕНЕССАНСНАЯ ЛИЧНОСТЬ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА

ВАЛ. А. ЛУКОВ,

*заместитель ректора МосГУ,
директор Института гуманитарных исследований МосГУ,
доктор философских наук, профессор*

Уважаемые участники Зиновьевских чтений!

За два дня работы мы услышали примерно 30 выступлений. Мы их услышали в том вузе, где Александр Александрович работал последние 6 лет своей жизни и где он формировал свой курс логической социологии. На этом этаже находится аудитория, куда 2 раза в месяц приходил Зиновьев, садился со студентами и начинал с ними разговор о методологии социальных исследований.

Здесь же, в Московском гуманитарном университете, появились два издания «Логической социологии» и два — «Логического интеллекта». Они вобрали в себя те идеи в области гуманитарного знания, которые развивал Александр Александрович.

Хотелось бы еще раз привлечь внимание к социологической концепции А. А. Зиновьева. Она — плод его многолетних размышлений, анализа социальной реальности, понимания человека в обществе. Независимость и самостоятельность Зиновьева позволили ему идти в образовательной деятельности не по пути историко-социологическому, историко-философскому, а прямо от себя.

Историко-социологическая критика без труда найдет в логической социологии Зиновьева реминисценции с давними социологическими идеями и теориями. Думаю — не только найдет, но и осудит как устаревшие, отвергнутые последующим развитием науки. Вот у Зиновьева возникает понятие «социальные атомы». Социальные атомы уже давно произнесенные в социологии слова, и, например, городская социология в интерпретации «чикагцев» Р. Парка, Э. Берджесса, Р. Д. Макензи в 1920-е годы строилась на социальном атомизме как одном из трех основных принципов. И это было отражением более ранних идей в европейской социологии. С падением ведущей роли Чикагской школы

в социологической теории потерял свое методологическое значение и социальной атомизм.

Далее. Мы видим у Зиновьева фактически организмическую теорию, когда общество рассматривается именно как организм. Это же возврат к Спенсеру, биоорганической школе — Шеффле, Вормсу и т. д., это XIX век! Уже у того же Вормса в работах начала XX века говорится о надорганической природе общества, а Зиновьев спустя столетие утверждает: все социальные объекты суть явления телесные, биологические, живые, и объединения людей таковы. Но почему мы должны доверять критикам тех или иных идей и положений с позиций теорий, которые не раз показали свои слабости при интерпретации социальной реальности и прогнозировании социальных изменений, не доверяя теории, безосновательно обозначившей главные черты перелома XX и XXI веков?

Между тем это и означает, что в действительности отказ от некогда популярных, а потом забытых точек зрения только потому, что они были высказаны слишком давно, не правомерен. Неверно уходить сегодня от тех идей, которые были внесены в общество не просто умными людьми, а свидетелями серьезных социальных потрясений. На переломе XIX и XX веков в Европе имела место сложная ситуация, подобная нынешней: в ней были видны черты общества, которые в устойчивые, стабильные времена могут быть незаметны. Зиновьев нигде не ссылается ни на Спенсера, ни на кого-нибудь еще из органицистов. Я не думаю, что он специально выписывал идеи из раздела спенсеровых «Оснований социологии» «Общество есть организм» и вставлял их в свои работы. Это был бы не Зиновьев. Весь вопрос в том, что логическая социология позволяет прийти к сближению современных теорий общества с классическими и в то же время она более реальна, чем та социология, которая сегодня изучается в российских вузах. Это особенно важно.

Позвольте вернуться к завершающимся первым Зиновьевским чтениям. В выступлениях, которые здесь прозвучали, Зиновьев был представлен как этик, философ, логик, социолог, писатель, художник. Это соответствует нашему представлению о личностях *ренессансного типа* как о людях, обладающих этим удивительным соединением и готовностью работать и мыслить в самых разных сферах, действовать кистью, действовать мечом. Все вместе.

Но мы вполне можем понять, что от эпохи Ренессанса до нас дошла не вся информация. Те, о ком мы говорим как о ренессансных фигурах, — лишь небольшое число людей того времени. Иными словами, разносто-

ронная одаренность не является общим свойством людей в ту или иную эпоху, даже великую в смысле масштабов культурных изменений. Просто остаются в человеческой памяти преимущественно те люди, которые выражают какие-то существенные стороны этой эпохи.

Ренессансная фигура Александра Александровича интересна и в том отношении, что его идеи не представляются чем-то исключительно книжным, не являются чем-то таким, что можно изучать только в библиотеке, только в рамках какого-то специального курса. Они легко переходят в нашу жизнь. И нынешнее обсуждение, кстати, это хорошо показывает. Все многообразие сегодняшнего обсуждения — это вполне реализованный путь многомерного мышления Александра Александровича.

Мне представляется очень важной возникающая в толковании Зиновьева продуктивность идей. Идеи Зиновьева все время порождают новые идеи. Все время возникают люди, которые, увлекаясь какой-то из этих идей, не обязательно даже взяв на вооружение всю терминологию, которую разработал, придумал, представил Александр Александрович, увлекаясь какими-то сторонами его учения, начинают мыслить и в своей области по-другому.

Важнейшая идея, которая сегодня и вчера звучала постоянно за этим столом: историю можно изучать тогда, когда мы понимаем себя сегодня. Тогда вот этот взгляд в историю становится и осмысленным и, собственно говоря, научным. Ретроспекция в этом случае возникает не как какое-то пустое наукообразное слово, а как определенная технология познания прошлых эпох.

Мне представляется чрезвычайно интересным то, что делал Зиновьев постоянно, то, что нашло отражение и здесь, в этой дискуссии вчера и сегодня. Это переосмысление форм, в том числе и структурных форм, из которых комбинируется знание, из которых комбинируется и понимание. Надо сказать, что особенно важной была большая дискуссия об образовании. Где место Зиновьева в образовании? Как перенести в современный образовательный процесс идеи, которые нами понимаются, осмысливаются и признаются существенными?

Для нашего вуза — вуза негосударственного, вуза, который принял Зиновьева как выдающегося мыслителя нашего времени, — это тоже очень важная проблема. Мы не можем идти против государственных стандартов, но мы можем работать с идеями Зиновьева в тех частях, где государственный стандарт нам не мешает. А, между прочим, дальше начинается вот такая вещь.

Государственный стандарт в области социологии построен таким образом, что представляет собой слепок американской социологии начала 1960-х годов, — такая социология, по правде говоря, сегодня в мировой практике сохраняется на периферии научной мысли. Сегодня в мире уже не та социология, которая излагается в этом стандарте. Между тем, за последние два десятилетия в нашей стране издано множество учебников и учебных пособий по социологии, более или менее соответствующих государственному образовательному стандарту высшего образования. «Логическая социология» Зиновьева совершенно этому стандарту не соответствует, не ориентируется на него, поскольку ориентируется на смыслы и факты общественной практики людей. Означает ли это, что незинovieвские социологии более приемлемы для понимания общества и целей передачи научных знаний об обществе новым поколениям, чем зинovieвская, или наоборот? У Зиновьева есть важное положение в его концепции логического интеллекта, согласно которому элементарным познавательным действием исследователя является *выбор* предметов (Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 14), и его можно применить в данном случае: различие в выборе предметов исследователем означает возможность *разных* картин мира и человека в нем. По крайней мере, нет повода говорить, что издаваемая сейчас грандиозная учебная эпопея — «Фундаментальная социология» в 15 томах — фундаментальна, а «Логическая социология» Зиновьева нет. Особенность социологии Зиновьева состоит в том, что она как раз и есть фундаментальная, и не числом томов знаменуется фундаментальность социологического знания.

Социология включена в образовательные программы по многим специальностям, где непрофильность этого предмета делает его Золушкой учебного процесса. Будущий специалист по менеджменту, рекламе, туризму, пиар-технологиям (впрочем, и по более устоявшимся профессиям — юриспруденции, например) не может не видеть в дидактических единицах государственного образовательного стандарта по социологии источника напряжений: придется запоминать много — но ненадолго, до экзамена, поскольку для жизни это мало что дает. Задача и состоит в том, чтобы показать способность социологической теории и исследовательской практики прояснить для студента — будущего специалиста волнующие его вопросы общественной жизни в самом прямом, повседневном ее влиянии на жизнь индивидуальную, жизненные планы, ценностные ориентации, тезаурусы (как я называю полный состав знаний

и установок, позволяющих человеку ориентироваться в повседневности). Вот где фундаментальность социологии Зиновьева выступает в своем подлинном виде. Она фундаментальна в том, что делает ясными проблемы нашего времени.

«Человейник», «западнизм», «сверхобщество» — эти зиновьевские неологизмы, ставшие понятиями логической социологии, точно схватывают те явления, которые не поддаются ни структурно-функциональному анализу, ни символическому интеракционизму, ни теориям конфликта, ни психоаналитическим интерпретациям. Язык Зиновьева — четкий, афористичный, образный — как нельзя лучше подходит для усвоения структур мышления, интерпретационных схем, и это немаловажное обстоятельство, которое позволяет шире применять зиновьевские тексты в учебном процессе. Мы-то это знаем, у нас сам Зиновьев вел свою школу Зиновьева для наших студентов. Это были студенты, которые интересуются обществом, интересуются своим будущим, связанным с обществом, и школа была уникальной потому, что Зиновьева самым внимательным образом слушало новое поколение. Оно легче воспринимало его главные постулаты, допустим, чем профессора и преподаватели нашего же университета, впрочем, и любого другого.

Зиновьев (а вслед за ним его сподвижники, А. И. Фурсов — среди них) в своих выступлениях на заседании Русского интеллектуального клуба, на конференциях и семинарах не раз говорил о том, что та социология, которая сейчас преподается в России, — это американский вариант науки об обществе, это перевод нашего мышления в принятые на Западе термины, и тогда мы свое общество начинаем понимать не таким, какое оно есть на самом деле, а таким, как его можно описать при помощи этой терминологии. И в итоге мы получаем нечто совершенно другое. Вот почему для преподавателей зиновьевская логическая социология сложнее, чем для студентов. Преподаватель прошел курс обучения, где ему заранее сказали: вот это безнадежно устарело, вот от этого уже давно отказались, здесь есть гораздо более перспективные концепции и т. д., и ему усвоить зиновьевское видение общества довольно трудно. А между тем — чем сильна логическая социология Зиновьева? Она вообще-то — социология о *нашем* обществе. Та социология, которая изучается в вузовском курсе «социология», — она как бы для любого общества. А значит — ни для какого.

Мне представляется это наблюдение существенным с точки зрения того, что одним из каналов реализации зиновьевской научной програм-

мы может стать воздействие на российские образовательные стандарты, если мы имеем в виду, что стандарты разрабатываются людьми, и в этом процессе активно участвует Российская академия наук, участвуют вузы. В маленьком стандарте по социологии для специальностей, где социология не является профессиональной дисциплиной, есть одно только имя. Имя Огюста Конта. Да еще в странном таком сочетании: «Социологический проект Конта». Между тем многие дидактические единицы стандарта можно было бы реализовать через логическую социологию Зиновьева. И обозначить его имя. Хотя бы в аналогичной формуле: «Социологический проект Зиновьева». Это тоже путь осознания вклада России в мировую социологию. Путь, который должен быть пройден с опорой на принципы социального проектирования (воспользуюсь снова словом «проект»). Иначе говоря, надо понять, что нам предстоит в этом случае создавать учебники и учебные пособия. Зиновьевская «Логическая социология» как учебное пособие точно может применяться, но как учебник она должна быть сопровождена всем тем, что требуется в методическом плане от учебников. Это — задача учеников и сподвижников: нужны эксперименты по переводу текстов Зиновьева в ту форму, которая может быть принята системой образования как соответствующая выдвигаемым ею требованиям. На мой взгляд, студенты, для которых социология дальше не будет основной специальностью, из социологии Зиновьева лучше поймут, что такое наше общество. А нам это и надо. Для специалиста, например, в области рекламы не важны особенности отдельных исследовательских техник, зато понимать общество, в котором он живет, — очень важно. Из современных курсов социологии, даже относительно хороших, узнать, что собой представляет наше общество, почти невозможно. Из книг Зиновьева — точно возможно.

И еще об образовательных стандартах. В их отношении даже не нужна известная российская тактика умаления силы закона его неисполнением. Стандарт — лишь серия названий: там только слова без установленного значения. А этим современному преподавателю открывается возможность думать и переосмысливать, думать и переструктурировать, думать и переименовывать. Обратите внимание: в одном из выступлений прозвучал образ музея — скорее как отрицательный: музей — это нечто такое устойчивое, и «руками не трогать». А, к примеру, в Мюнхене в музее при главном офисе автомобильной корпорации БМВ действует принцип: руками все трогать. Для ребенка это — осуществленная мечта! Иначе говоря, тот же музей, только переосмыслена какая-то сторона му-

зейной деятельности. Аналогично и в сфере образования совершенно иначе может быть поставлен вопрос, по-зиновьевски: какие перемены произойдут, если в центр образовательной деятельности будет поставлен фактор понимания? В действительности это для нас остается одной из наиболее сложных идей и задач. Пока образование — это передача знания. Тут уже многое достигнуто. Меняется только содержание знаний, но технологии, по сути, все разработаны. Но как строить образование, исходя из фактора понимания? Очень сложная область, к которой сегодняшняя образовательная система не знает, как подойти. И только таланты отдельных людей позволяют здесь делать прорывы.

Еще предстоит осмыслить, каков был Зиновьев и что он видел и делал существенного. Надо сказать, здесь звучали многие его идеи. Идея о человеичности. Чем она важна? Сегодня считается, что тема социальных общностей просто не модная и не нужная, что с ней можно подождать. Так же воспринимается и тема социальных структур. На самом деле, Зиновьев идеями человеичности показал значимость того, что люди живут в этих структурных образованиях. И там происходит главное для человека. Причем, человеичности — это не только люди, не только отношения между людьми, но и вещи, знаки, значения. Это важнейшая позиция, с которой социолог и должен сегодня работать, понимать эти идеи. Как и философ, и этик, и логик.

Мне представляется очень важным — об этом сегодня говорилось не один раз — проектное мышление Зиновьева. Он умел мыслить проектами. Он готовил проекты. Сегодня, когда слова «проект» или «проектное мышление» очень популярны и звучат на каждом шагу, становится ясно, что на самом деле многие из тех, кто произносит эти слова, не догадываются, о чем идет речь и в чем специфика проектного мышления и работы над проектами. Для нас очень важно идти к проектам, идти к тому, что для нас является сегодняшним и завтрашним днем. В этом отношении Зиновьев с нами и сегодня, в этом отношении Зиновьев — это и наше будущее.

Позвольте завершить работу Первой международной конференции «Зиновьевские чтения». Всем спасибо.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИНОВЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ	3
<i>Ильинский И. М.</i> ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
<i>Ильинский И. М. А. А.</i> ЗИНОВЬЕВ: ЧЕЛОВЕК — НОРМАЛЬНЫЙ	7
<i>Гусейнов А. А.</i> УЧЕНИЕ О ЖИТИИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	12
<i>Зюганов Г. А.</i> О ЗИНОВЬЕВЕ	18
<i>Болдырев Ю. Ю.</i> СУВЕРЕННАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ	24
<i>Бабурин С. Н.</i> ЗИНОВЬЕВ СЕГОДНЯ	29
<i>Степин В. С. А. А.</i> ЗИНОВЬЕВ КАК УЧЕНЫЙ И ФИЛОСОФ	34
<i>Кирквуд Майкл.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТВОРЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	43
<i>Давыдов Ю. С.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТАХ А. А. ЗИНОВЬЕВА	46
<i>Фурсов А. И.</i> АЛЕКСАНДР ЗИНОВЬЕВ. РУССКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО	55
<i>Пономарев Е. Г.</i> РАСПАД ЮГОСЛАВИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	62
<i>Солодухин Ю. Н.</i> РОССИЯ: ПОСТСОВЕТИЗМ	68
<i>Большаков В. В.</i> ЧТО ТАКОЕ ИСТИННЫЙ КОММУНИСТ	74
<i>Воскобойников А. Э.</i> ПРИНЦИПЫ ГОМЕОМЕРИИ И ОСТРАНЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	86
<i>Карпенко А. С.</i> ВКЛАД А. А. ЗИНОВЬЕВА В РАЗВИТИЕ МНОГОЗНАЧНОЙ ЛОГИКИ	90
<i>Зиновьева Т. А.</i> ПЛАСТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ИЛИ ИЗО-ДИАГНОСТИКА ИНТЕЛЛЕКТА	93
<i>Кантор К. М.</i> ВЗРЫВНАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА, ИЛИ СИЯЮЩАЯ ВЫСОТА СЛОВЕСНОСТИ	102
<i>Луков Вл. А. А. А.</i> ЗИНОВЬЕВ И ЖАНР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА	114
<i>Фурсов А. И.</i> СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМА И ЖАНР ЗИНОВЬЕВСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	118
<i>Наумов Ю.</i> ПИСАТЕЛЬ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ	123

<i>Бухтеев Н. И.</i> ЗИНОВЬЕВСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ — ЕДИНСТВЕННО НАДЕЖНЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	125
<i>Катышевцева Е. В.</i> «ЧЕЛОВЕЙНИК» КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ А. А. ЗИНОВЬЕВА	128
<i>Каринцев О. И.</i> ПОНЯТИЕ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО УРОВНЯ» В КОНЦЕПЦИИ А. А. ЗИНОВЬЕВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ	133
<i>Фоменко А. Т.</i> МЕТОД «ЛОГИЧЕСКОГО СКЕЛЕТА»	137
<i>Павлов С. А.</i> МЕТАЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В ЛОГИКЕ А. А. ЗИНОВЬЕВА	139
<i>Разовский Ю. В.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ ПРИРОДЫ	141
<i>Гуцин Э. Г.</i> ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ «ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА» В РОССИИ	146
<i>Филимонов В. А.</i> ЗАДАЧИ И ПРОЕКТЫ	150
<i>Казанская И. А.</i> ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТЫ А. А. ЗИНОВЬЕВА: ИДЕИ И РЕЗУЛЬТАТЫ	151
<i>Кузнецов П. А.</i> АКТУАЛЬНЫЙ ЗИНОВЬЕВ: ПРОБЛЕМЫ АРМИИ	155
<i>Зальцберг Марк.</i> ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО РОССИЯНИНА АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	161
<i>Хромов М. А.</i> ОБАЯНИЕ ЛИЧНОСТИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЗИНОВЬЕВА	167
<i>Rivron Serge (Риврон Серж).</i> ALEXANDRE ZINOVIEV, LOGICIEN ET MARTYR	169
<i>Bensimon Guy (Бенсимон Ги)</i> LA PERCEPTION DE LA CIVILISATION OCCIDENTALE PAR ALEXANDRE ZINOVIEV	172
<i>Кузнецов А. И.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ ОТШЕЛЬНИК	177
<i>Григорьев Евг.</i> О ФИЛЬМЕ «ЗАВЕЩАНИЕ»	186
<i>Пшеницина Г. М.</i> ГОРДОСТЬ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ	187
<i>Зиновьева О. М.</i> НАШ ЗИНОВЬЕВ	189
<i>Луков Вал. А.</i> РЕНЕССАНСНАЯ ЛИЧНОСТЬ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	200